

Александр и Ксения
Рудазовы

СЕМЬЯ
ВОЛШЕБНИКОВ
ТОМ 2

Семья волшебников

Александр Рудазов

Семья волшебников. Том 2

«Автор»

2023

Рудазов А. В.

Семья волшебников. Том 2 / А. В. Рудазов — «Автор»,
2023 — (Семья волшебников)

Астрид уже целых шесть лет. Сегодня исполнилось. Она самая обычная девочка, которая живет с родителями в усадьбе на берегу Радужной бухты, в самой чудесной стране на свете – Мистерии. Это страна волшебников, и все в ней волшебники, и папа у Астрид тоже волшебник. А вот мама не волшебник, потому что мама – демон. И Астрид тоже демон, но это ерунда, она все равно самая обычная девочка, и сегодня у нее день рождения, а завтра Астрид пойдет в школу, как все обычные дети. Астрид не в восторге от этого факта.

© Рудазов А. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	69
Глава 9	81
Глава 10	96
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Александр Рудазов, Ксения Рудазова

Семья волшебников. Том 2

Глава 1

Был чудесный день ранней осени или даже скорее позднего лета. Седьмое число луны Вепря, последний кусочек школьных каникул. Завтра все дети Парифата пойдут учиться, и среди них будет маленькая Астрид Дегатти, которой именно сегодня исполнилось шесть лет, так что ей остались всего сутки свободной и беззаботной жизни дошкольницы.

И Астрид оглушительно орала, отказываясь с этим смиряться.

А ведь вокруг было место, в которое мечтают попасть все парифатские дети. Матричный зверинец Клеверного Ансамбля, удивительное собрание всевозможной живности, нечисти и волшебных существ. Тут есть драконы и единороги, мантикоры и сфинксы, а в гигантском бассейне живет огромный кракен. Это настоящий город животных, по которому можно гулять часами, восхищенно разинув рот.

Однако Астрид сейчас думала только о том, что вот, у нее день рождения, она в Валестре, ей подарят всякие подарки... но к чему это все, если завтра придется идти в школу?!

И ладно бы в волшебную школу! Ладно бы в великолепный Клеверный Ансамбль, чтобы стать великолепной волшебницей, которая поразит весь белый свет и заставит трепетать врагов! Нет, завтра Астрид пойдет в обычную школу для простых смертных, в которой придется учиться целых пять или даже четыре года!

– Мам, ну я же демон! – подвывала Астрид. – Зачем мне школа, я и так умная!

– А читать и писать ты умеешь, умная? – устало спросила Лахджа.

– Умею!

– По слогам и с ошибками.

– Это вопрос тренировки!

– Так, доча, ходи в школу и не беси меня, – встряхнула Астрид мама.

В другой руке у нее была Вероника. Руке... руках. Вероника впервые в сколько-нибудь осознанном возрасте попала в зверинец, обитатели вольеров безумно ее восхищали, и она постоянно норвила куда-нибудь утопать. Лахджа одной левой аккуратно придерживала ее за шкурку, а другой направляла так, чтобы девочка не споткнулась и не попала никому под ноги.

В то же время тремя правыми руками она сдерживала Астрид, которая пыталась улететь.

– Демоны не ходят в школу! – огрызалась девочка, колотя маму крыльями.

– Ходят! Или учатся на дому! Кроме низших демонов, может быть... а что, можешь не ходить в школу. Будешь как вонючая хрчка. Вырастешь – выдадим тебя за вонючего хррка. Вы с ним будете на одном уровне развития.

От таких перспектив Астрид заревела и принялась лягаться. Лахджа устало отрастила еще одну руку.

От любимого мужа помощи ждать не приходилось. Он сейчас на ковре у президента Чу и председателя Локателли, продлевает свой оплачиваемый академический отпуск. Два года уже профессор Майно Дегатти пишет монографию «Социализация демонов среди смертных». Сначала он собирался уложиться в один том, потом написал второй, а теперь готовится засесть за третий.

Изначально это была просто работа о фамилиарной связи с высшим демоном. Но узкотематическая монография как-то незаметно превратилась в эпохальный труд о демонах и их

отношениях с волшебниками. Майно так разохотился, что планировал уже чуть ли не описать весь Паргорон, благо Лахджа владела кучей внутренней информации.

Жену и дочерей Дегатти встретил у вольера бобров. Астрид наконец-то успокоилась и теперь молча дулась. Вероника зачарованно тарасилась на бобровую хатку, чьи обитатели прятались где-то внутри.

– Интер-ресный факт, – сказал ей доверительно попугай. – Благодар-ря наследственной памяти бобр-ру не надо учиться. Он с р-рождения знает, как соор-ржать плотины и где стр-роить себе дом.

Астрид засопела, завидуя бобру. Папа вручил ей шоколадку, гостинец от Локателли, но девочка только отвернулась, потому что она обиделась насмерть и какие-то глупые шоколадки ее сейчас не утешат.

– Ну как? – спросила Лахджа, когда муж встал рядом.

– Продлили академ еще на год, – спокойно ответил тот. – Ученый совет согласился, что – цитирую – «работа очень ценная для всей Мистерии, так что пусть мэтр Дегатти трудится спокойно».

– Гордишься собой? – подпихнула мужа локотком демоница.

Майно ничего не ответил, но по ухмылке все было понятно. Лахджа тоже усмехнулась, повернула голову и встретилась взглядом с бобром, которого гладила Вероника.

– А-а!.. – аж подпрыгнула демоница.

Бобер сидел за пределами вольера. Он недовольно скалился и недоумевал, как здесь оказался. Астрид и другие дети зачарованно на это пялились.

– Вероника, откуда у тебя бобер? – спросила мама.

– Нинаю, – сказала Вероника, продолжая гладить.

– Что за хулиганство? – подошла смотрительница. – Вы что, читать не умеете?

Она ткнула в табличку с длинным сводом правил. Среди стандартных «не кормить», «не пугать» и «не лазить в вольер» были также чисто магические запреты, среди которых смотрительница подчеркнула «не призывать».

– А мы не призывали, – поспешила заверить Лахджа, держа бобра на руках.

– Я вижу инерционный след. Передайте мне животное. Это Вафля, она у нас заслуженный матриарх. Знаете, сколько метаморфов держит ее в копилке образов?

– Сорок три? – язвительно предположила Лахджа.

– Чего сорок три?

– Ну не знаю... шестьдесят восемь?

– Лахджа, прекрати, – поморщился Дегатти. – Извините, это случайность. Дети шалили... естественная магия.

Смотрительница, кажется, только теперь заметила, что перед ней не люди... в основном. Она с интересом посмотрела на крылья Лахджи и Астрид, перевела взгляд на сосущую палец Веронику и сказала:

– Штраф – три дайкиса.

Вафлю вернули в вольер, Дегатти неохотно расстался с монетами, и все устали смотреть на лупающую глазами Веронику. Минуло полторы луны с тех пор, как она нечаянно призвала Фурундарока, и подобное с тех пор не повторялось, так что семья понемногу стала успокаиваться.

Ну как успокаиваться... С Вероники не сводили глаз и следили, чтобы она не строила зиккураты. Лахджа даже предлагала надеть на нее корониевые браслетки, но Майно отверг эту мысль с негодованием.

Короний – на ребенка! Он кто – антимаг, что ли!

К тому же вдруг это повредит ее развитию? Это как будущего великого бегуна с детства в кандалах держать. Или связать Астрид крылья, а потом удивляться, почему она так плохо летает.

Астрид, кстати, как раз пыталась пролезть в вольер. Всех животных окружали магические экраны, но в них были проемы для кормления и снятия матриц. Матрицы разрешалось снимать свободно, чем многие и занимались – одни для метаморфоз, другие для немтырей, третьи для миражных копий.

Но Астрид матрицы не интересовали, она просто карабкалась внутрь, потому что Вероника-то бобра погладила, а она не успела. И когда мама схватила ее поперек туловища и оттащила от вольера, Астрид завопила и принялась кусаться.

– Да что с тобой сегодня?! – прикрикнула мама.

– Астрид, у тебя же день рождения, – заметил папа. – Что не так? Не нравится зверинец?

– Зверинец!.. завтра!.. в школу!.. подарков!.. нету!.. бобра!.. не погладить!.. – хлюпая носом, перечисляла свои горести Астрид.

Родители переглянулись. Папа пожевал губами и неохотно сказал:

– Астрид, мы хотели сделать тебе сюрприз. Подарить любую игрушку на твой выбор и еще кое-что особенное. Но...

– Она не заслуживает, мне кажется, – покачала головой мама. – В школу не хочет, рыдает весь день... весь праздник испортила. Купим ей только куклу, и хватит с нее.

Астрид зарыдала еще громче. Новую куклу она очень хотела, но это что же... ей могут подарить что-то еще лучше? Что-то особенное?!

– Ладно... я пойду-у-у... – выдавила она из себя и с шумом втянула соплю. – В школу-у-у!..

– Ну и отлично, – сказала мама, ставя Астрид на землю и поднимая Веронику. – Пошли, бобрам мы уже надоели.

Вероника покладисто кивнула и помахала Вафле ручкой. А Астрид показала кулачок и с угрозой пообещала:

– Бобры, однажды мы вернемся.

Угроза получилась какая-то неубедительная, потому что Астрид произнесла ее, всхлипывая и размазывая слезы по лицу.

Она немного успокоилась, когда ее привели в музей. Мама решила, что Астрид нужно культурно развиваться.

– Смотри, Астрид, музей волшебства, – сказала она, сама с любопытством рассматривая экспонаты.

– Не хочу я в музей волшебства, – надувшись, сказала девочка. – Не хочу я волшебство. Не хочу учиться.

– Это не музей волшебства, это научно-исторический музей, – пояснил Майно. – Просто у нас в Мистерии это одно и то же. Астрид, хочешь посмотреть на папин стенд?

Да, у него в этом музее оказался собственный стенд. В огромном зале, посвященном лауреатам премии Бриара третьей степени. Правда всего таких лауреатов уже полторы тысячи, так что места каждый стенд занимал немного. По сути это были просто полочки.

Астрид немного наморщила нос. Ну стенд, ну с именем. Еще бюстик, табличка с датой рождения и основными достижениями, да несколько личных вещей. Старый ошейник Тифона, старая подкова Сервелата, старый набор для маноры... наверняка мама заставила жертвовать.

– Скучно, – вынесла вердикт Астрид.

Вот у лауреатов второй степени стенды-то побольше, посolidнее! А у первой степени вообще целая комнатка у каждого, со статуями в полный рост!

Астрид остановилась у хорошо знакомого ей Локателли. Вот он, великий зажиматель конфет.

Она это запомнила.

А Лахджа подошла к стенду Радожа Токхабаяжа. Вот, значит, как этот тип выглядел, когда был человеком. Когда Лахджа его встретила, он был уже сильно не в форме... хе-хе.

– Ты его встречала?! – услышал ее мысли муж.

– А то, – сказала Лахджа и загадочно улыбнулась.

– Да ладно, расскажи! – сходу попытался заглянуть в ее память Майно. – Ты видела Антикатиство?! Когда, где? В Шиассе?.. В Паргороне?.. Он же умер лет шестьсот назад!

– А это наши с Антикатиство дела, – вильнула хвостом Лахджа и заперла шкатулку памяти.

В зале лауреатов второй степени Астрид увидела дядю Вератора. Не его самого, конечно, а его стенд. Он был самым последним, на следующем пока висела только табличка «1528 год».

– Пап, а какой сейчас год? – спросила Астрид.

– Тысяча пятьсот двадцать шестой.

Астрид попыталась вычесть одно из другого, но это оказалось слишком сложно. Вместе с мамой она нашла в зале лауреатов третьей степени дедушку Инкадатти, потарасилась на великолепного Уль-Шаама и решила, что на сегодня с нее хватит культуры и образования. Сегодня ее день рождения, а в день рождения должны быть дары, а не учеба.

Лахджа тоже смотрела на Уль-Шаама и гадала, почему все драконы такие красивые. Вообще все. Как коты – без единого изъяна.

Мистика какая-то.

В научно-историческом музее было и много другого интересного, помимо этих витрин бахвальства. Археологический отдел, геологический, зоологический. Картины и статуи, чучела и минералы. Поля остановленного времени удерживали пойманные на лету молнии и порывы ветра, океанские волны и огненные вспышки. Можно было полюбоваться макетами знаменитых парифатских городов и инкарнами древних батальных сцен.

– Ум-м, сколько тут наворованного из других королевств, – брела Лахджа вдоль стенда с какими-то иноземными реликвиями. – Все сходится, вы, ребята, настоящие британцы. Туманный Авалон, островные чародеи, каперы в законе... помощь другим государствам в войнах с вывозом ненужного имущества.

– Да, – не понял иронии Майно. – Вот это скипетр, корона и державная спираль последнего императора Сохадат. После гибели империи несколько магов спаслись в Мистерии, и один из них привез с собой немало реликвий и ценностей, в том числе императорские регалии.

– Какой молодец, – восхитилась Лахджа.

– Конечно. Он спас все эти вещи. Там бушевала война чародеев, знаешь ли. Вся империя превратилась в руины.

– А я думала, вы не ведете войны.

– Мистерия их не ведет. А Сохадат вел. Но если ты так переживаешь за украденные у них ценности, можешь поехать в Джарию и поискать наследников древней династии. Будет непросто, конечно, две с половиной тысячи лет прошло... но я в тебя верю.

Лахджа прищурилась. Майно прищурился. Они пристально уставились друг на друга, пока Астрид пыталась выковырять что-нибудь из витрины. Зал империи Сохадат не пользовался популярностью, и кроме семьи Дегатти здесь никого не было.

– Астрид, не воруй, – сказала Лахджа, оттаскивая маленького демоненка. – Воровать можно только древним магам.

– А когда я стану древним магом, я могу воровать? – решила внести ясность в вопрос Астрид.

– Конечно. Но ты сначала стань. Магам, Астрид, можно все, лишь бы у Мистерии прибавлялось, а не убывало. Они такие законы сделали – чтобы магам было хорошо. Везде. Как бы ни было другим.

Толстый важный чародей, который как раз подошел к витрине, шумно втянул воздух и гневно посмотрел на Лахджу. Потом перевел гневный взгляд на ее мужа.

– Воспитывайте своего фамиллиара, коллега! – пробасил он, громко фыркнув.

– Обязательно, – пообещал Дегатти. – Дома. Дети, мне кажется, музей вам надоел.

Астрид неопределенно повертела ладошкой, а Вероника повторила это за ней. Она-то на все тарачилась очень внимательно, но ей хотелось быть как старшая сестра.

А Астрид и правда уже прискучило. Впереди еще миллион миллионов залов и миллион миллионов экспонатов, а она уже кушать хочет и подарки.

– Зачем ты пытаешься меня злить? – спросил Дегатти, когда они вышли из музея.

– Ну так, – ухмыльнулась Лахджа. – Кто, если не я?

Волшебник хмыкнул. Ну... он знал, на что идет. Женитьба на демонице подразумевает веселую жизнь – и у него еще не худший вариант.

Жена-демон, дочь-демон... у которой, кстати, день рождения. Надо пообедать, а потом можно и по магазинам... и тут на пальце задрожал перстень.

– Вератор?.. – поднес его ко рту Дегатти.

– Майно, есть работа как раз по твоей части. Берешь? Решай быстро.

Несколько мгновений волшебник колебался. Каждый раз внутри что-то екало, а перед глазами вставала картина, которую увидел тогда Хаштубал.

С Хаштубалом у них после того случая отношения охладели. Нет, они никогда и не были дружескими, Хаштубал Огнерукий вообще трудно сходится с людьми, но с Майно у него потом был разговор, который сводился к «ты совсем окирел, Дегатти?!»

Вератор-то тогда отбрехался. Он всегда находит, как отбрехаться. А вступая в дружбосеть, ты знаешь, что возлагаешь на себя определенные обязательства. Но все равно Хаштубалу не понравилось, что его прямо с обеда сорвали драться с демолордом.

Он, конечно, мог отказаться. У Хаштубала огромный плюс в дружбосети, он еще лет сто может пользоваться услугами Вератора бесплатно. Но он никогда не отказывается.

Знает, что если Вератор зовет его – никто другой не справится.

Впрочем, Дегатти подобную миссию не выдадут, можно не беспокоиться. И он тоже может отказаться – сейчас он в плюсе, хотя и небольшом. Но он сам просил Вератора давать то, на чем можно дополнительно заработать, так что...

– Принимаю, – сказал он. – Лахджа, если что, я тебя призо...

Муж исчез. Лахджа прислушалась к внутренним ощущениям – фамиллиарная связь не ослабла, она по-прежнему ощущает Майно. Значит, призыв внутренний, он где-то на Парифате. А судя по тому, что среди его эмоций нет паники, там ничего экстраординарного.

Обычно такие вызовы Вератора длятся считанные минуты. Прыгнул куда-то, колданул что-то для кого-то – и домой. Ничего интересного, рутинный труд волшебника. Но иногда работа затягивается на часы, а бывает, что приходится и заночевать. Однажды Майно целых три дня сопровождал богатого купца, которому требовался чародей на все руки, а в другой сама Лахджа двое суток провела в чужой шкуре.

Так что она спокойно повела дочерей в кафе, а потом по магазинам. Они прошли через улицу Алхимиков и оказались в любимой у Лахджи части Валестры – Липовом бульваре.

Он начинался еще у Клеверного Ансамбля и тянулся через весь город параллельно набережной. Повсюду росли клены, каштаны и липы, с моря тянуло соленым бризом, неспешно катили обычные и големические экипажи, парили над землей ковры-самолеты, гулко вышагивал девятиметровый великан, а Лахджа объясняла Астрид, что магазин игрушек потом, а сначала они кое с кем поболтают.

На Липовом бульваре почти нет жилых домов. Тут сплошные рестораны, конторы и магазины, причем самые кудесные, самые процветающие. Заведение Артуббы, экскурсионное бюро «Паломник», лучший в Мистерии зоомагазин «Клык и коготь», множество лавок артефактов, эликсиров, големов, миним, немтырных талисманов... Здесь же офисы Вератора, Тауване и других высококлассных специалистов.

У Астрид разбегались глаза. Она хотела и туда, и сюда, и еще вон туда!.. Но у мамы были свои четкие планы, и она не обращала внимания на нытье дочери.

– ...Артубба, а вот если от меня отвалился кусок и превратился в гомункула – сколько это может стоить? – спрашивала она, попивая кофеек.

– Надо смотреть, – уклончиво ответил черный гном. – Где у тебя этот гомункул?

– Вот... Суть Древнейшего. Он у Майно остался.

Лахджа поджала губы. Кошель-то у мужа. Ну да, они взяли Волосню с собой, но не в руках же ее было таскать.

– Ну допустим, это низший демон, – закинула удочку она.

– Низший демон?.. – усомнился Артубба. – Рожденный из плоти?

– Ну да, я его прикармливала своими волосами, ногтями... кровью... пальцами...

– Что ты делала?!

– Да он не плохой! Уже учится разговаривать! Его только закодировать надо, чтобы он меня не искал и не нападал. Но ты же справишься?

Торговец погладил бороду. Нет, для него это не проблема, конечно. Артубба – лауреат премии Бриара второй степени, профессор Апеллиума и магистр Субрегуля, лучший в мире рассказыватель нечисти по банкам. В его ассортименте даже высшие демоны – разумеется, он справится с какой-то волосорожденной тварью.

– Надо смотреть, – повторил Артубба. – Лахджа, а ты сегодня только продаешь? Я думал, хочешь выкупить кого-то из сородичей.

Лахджа окинула взглядом ряды бутылей, кувшинов, жбанов, горшков. В каждом сидит какая-то потусторонняя тварь. В том числе паргоронские.

Магазинчик Артуббы – уникальное место даже по меркам Мистерии. Хотя внешне и неказистое – тесновато и темновато, окна плотно занавешены, а снаружи никакой рекламы, даже вывеска скромная. Сюда редко заходят покупатели, а всех постоянных клиентов Артубба знает лично.

Он продает и покупает сверхъестественных существ – как местных, так и из-за Кромки.

– А что, тут есть мои сородичи? – стала читать ярлыки Лахджа.

– Конечно, – ухмыльнулся Артубба. – Большинство высших демонов, захваченных чародеями, оказываются у меня. Я даю лучшую цену.

– Пф. Меня не интересуют мои... соотечественники. Артубба, это все равно как если бы ты торговал рабами-людьми и предлагал эльфу выкупить их из жалости, потому что они тоже гуманоиды.

– Знаю, знаю, вы друг на друга плюете, – покивал Артубба, открывая свой особый шкафчик. – Но в этот раз мне продали кое-что интересенькое. Вот, смотри.

Он потряс зеленой пузатой бутылкой, запечатанной сургучом. Лахджа пригляделась... и увидела по ту сторону стекла крылатого демона.

А, вот что он имеет в виду. Действительно сородич.

– Редкий вид, – заметил Артубба. – У меня таких раньше не было. Очень интересный экземпляр.

– Мам, это кто? – поднялась на цыпочках Астрид.

– Да неважно, – сказала Лахджа, всматриваясь сквозь стекло. – Идите, поиграйте с теми цветными бутылочками.

– Там шуки! – предупредил Артубба. – О-осторожно!..

Подумаешь, шуки. Они как паргоронские крысы.

Говорящие, правда. При виде Астрид они заверещали, стали проситься на свободу, скрестись в стенки сосудов.

– Мне их выпустить, мам? – медленно повернула голову Астрид. За ее спиной сосредоточенно вертела в руках бутылочку Вероника.

– Нет, Астрид, мы не будем за них платить, – отказала Лахджа. – Шуков много, а фархерримов... Артубба, ты как его заполучил? Мои родственники не так уж часто выходят на променады за Кромку.

– Но все-таки выходят, – развел руками гном. – Юные, неопытные... вот один попался.

– Кому?

– Какая разница? Будешь брат? Двести орбов – только для тебя.

– Меня ты пытался купить за шестьсот, – напомнила Лахджа. – А я, вообще-то, апостол.

– Продавал бы я тебя за две тысячи, – пожал плечами Артубба. – Это стандартные расценки за паргоронцев. Двести орбов за третий класс, две тысячи – за четвертый. Пятый... пятого у меня пока не было... но я бы его не продавал, это бесценно.

– А четвертый был? – подняла бровь Лахджа.

– Конечно.

Лахджа удивилась еще сильнее. Этот гном продавал кого-то из банкиров, баронов, вексилляриев?... Кого, интересно?..

– Ну не знаю, двести орбов... но раз уж мы редкий вид, пойдешь навстречу, – напустила ленивое безразличие Лахджа.

– Тогда двести пятьдесят, – сразу сориентировался Артубба.

– Артубба, он мне не нужен, – попыталась объяснить Лахджа. – Ни в каком качестве. Я вряд ли даже получу что-то с этого. И у меня нет двести орбов на выкуп пленного.

– Ц-ц-ц, – покачал головой Артубба. – Лахджа, ты так говоришь, как будто это моя проблема. А это не моя проблема. У меня проблем вообще нет. У меня есть демон, которого я хочу продать за двести пятьдесят орбов.

– Артубба, да мне срать вообще на него, – поставила бутылку на стол Лахджа. – Двести орбов!.. ты сам сколько за него заплатил? Бутерброд с ветчиной и орб детям на мороженое?

– Кому заплатил – тому заплатил. Всех все устроило.

Лахджа тяжело посмотрела на запечатанного фархеррима. Тот поскребся в стенку, чувствуя близость родича.

Лахджа походила по магазину, сделав вид, что теперь просто смотрит ассортимент. Не то чтобы ей было жалко одного из детей Мазекресс... которые у нее дочь украли, к тому же. Но в той выходке участвовали всего три демона, двое мертвы, а третий... будет некировым таким совпадением, если именно он сидит сейчас тут, за стеклом.

Лахджа невольно вспомнила себя в таком же положении, размазанной внутри волшебной вазы. Участь-то незавидная.

С другой стороны – вряд ли фархеррим бегал по лужку и собирал ромашки, когда его поймали и запечатали. Да и двести орбов... даже один орб – это очень много. Если приблизительно переводить в земную валюту – где-то на тысячу евро потянет.

И ей предлагают заплатить двести тысяч евро за какого-то незнакомого демона? Да чем он будет ей полезен?..

Лахджа молча взяла за руку Астрид и вышла из лавки. Артубба ухмыльнулся и сказал бутылке:

– Восемь... семь... шесть... пять...

Хлопнула дверь, звякнул колокольчик. Лахджа размашисто подошла к прилавку, усадила на него Веронику и заявила:

– Сто орбов.

– Я не покупаю детей, – отрезал Артубба. – И она столько не стоит. На что мне маленький полудемон?

– Я тебе дам сто орбов. За фархеррима, – немигающе уставилась на него Лахджа. – Ты все равно будешь в прибыли.

Лахджа в этом не сомневалась. За нее-то он давал шестьсот – и лишь потому, что Майно был ему должен четыреста. Артубба завысил цену, потому что не видел другой возможности вернуть свое.

Так что за этого фархеррима он выложил орбов пятьдесят, если не сорок. И ждать покупателя за двести он будет еще долго. У Артуббы редкий, дорогой и специфический товар, многие лоты пылятся у него годами.

– Лахджа, видишь ли, у меня уже есть покупатель, который положил глаз на этого демона, – объяснил Артубба. – И он не будет со мной рядиться, а просто придет завтра с полной суммой. Но я не откладываю товары даже для лауреатов Бриара. Кто первый заплатил – тот первый забрал. Двести орбов – и он твой.

Лахджа скрипнула зубами. Лауреат Бриара. Да, этот заплатит. Вряд ли Артубба врет. Тем более, что завтра как раз Бумажный Вепрь, в Клеверном Ансамбле начинаются занятия, так что, да, в Валестру возвращаются многие волшебники, в том числе ректоры и президенты...

Но двести орбов – это целое состояние. У Лахджи с собой столько и нет, двести орбов весят больше пяти килограммов. Пять килограммов золота! Конечно, Артубба охотно отпустит товар за безналичный расчет, у них тут в ходу расписки менял, в центре Валестры стоит жиробанк, а лауреату Бриара любой поверит в долг... но как же не хочется опять залезать в долги из-за какого-то незнакомого демона...

– Расписку примешь? – кисло спросила Лахджа.

– Конечно, – сладко улыбнулся Артубба.

Лахджа заполнила расписку. У нее с собой была своеобразная чековая книжка для крупных покупок. Она, конечно, не имеет права расходовать столько без ведома мужа, и Майно придет в ярость, когда узнает, но... но она уже расписалась, так что поздно.

– Приятно иметь с тобой дело, Лахджа, – подал бутылку Артубба. – Кланяйся от меня мужу.

– Обязательно.

– Кстати, бутылка идет в подарок, – добавил Артубба вдогонку. – Закаленное стекло, чаронепробиваемая, удерживает до двух высших демонов зараз.

– До двух?... – удивилась Лахджа.

– Да... правда, очень сложно посадить второго, не выпустив первого. Но иногда получается.

– Ага... а почему у тебя сами бутылки? – любопытствовала Лахджа.

– Пять орбов за штуку. Ручная работа, сам выдуваю. Просто ослабляешь или усмиряешь демона, вынимаешь пробку и подносишь горлышко вплотную... Майно знает.

– Я тоже знаю, – чуть натянуто улыбнулась Лахджа, выходя из лавки.

– Мам, а зачем мы это купили? – спросила Астрид.

– Не знаю, – угрюмо сказала Лахджа. – Пошли.

Она сама не понимала. Что-то внутри заставило. Бубнило и бубнило: это твой сородич, помоги ему. Последние сапоги сними, но освободи.

Верно говорят: жалость – это болезнь. Она губительна и заразна. Но ладно, ничего, это все-таки демон. Не совсем бесполезная покупка.

Освободить его посреди Валестры Лахджа не стала. Успеется, сначала надо убедиться, что это не какой-нибудь отморозок. Она сунула бутылку в сумочку и повела дочерей в магазин игрушек.

Правда, по дороге все-таки сделала еще один маленький крюк. Совсем рядом с игрушечным магазином появилась лавка волшебных средств гигиены. Мыло, шампуни, маски для лица. Лахджа в подобном не нуждалась, но... хуже не будет. Она и так потратила достаточно, чтобы скандал был. Еще несколько орбисов ничего не изменят.

– Покупайте, покупайте! – сиял ослепительной улыбкой приказчик за прилавком. – Мир вам, мэтресс!.. Мир вам, мэтресс!..

В отличие от жутковатого заведения Артуббы, здесь толпился народ. В основном женщины, молодые и пожилые волшебницы и просто состоятельные дамы. Похоже, эта лавка открылась буквально на днях и еще не успела приесться публике.

Лахджа с интересом стала рассматривать витрины. Большая часть Парифата живет в средневековье. Но есть и более цивилизованные страны, и Мистерия – в самых лидерах. Технологии они успешно заменяют волшебством, и тут есть такие средства гигиены, о которых землянам приходится только мечтать.

– Ма-а-ам, скучно, пойдем! – заныла Астрид.

– Дя, – присоединилась и Вероника. – Пидем игьюски.

– Сейчас-сейчас, – отмахнулась мама, снимая с полки бутылку характерной формы. – Ух ты, вот это да!..

– Вот этот шампунь сделает ваши волосы гладкими и шелковистыми, придаст им невероятную густоту и заставит пахнуть земляничной поляной! – тут же подскочил приказчик.

– Не сделает, потому что это «Фейри», – возразила Лахджа. – Средство для мытья посуды.

Приказчик нервно дернулся, у него забегали глаза. Лахджа присмотрелась к ауре бутылочек и поняла, что они все из-за Кромки. Некоторые с Земли, остальные еще откуда-то.

Похоже, владелец этой лавки вовсе не зельевар, а призыватель. Только свой ассортимент он изучает не слишком тщательно. Примерно прикидывает – так, вот это пенится. Видимо, шампунь...

– Что вы такое говорите... – промямлил приказчик. – Не волнуйтесь, мэтресс, это прекрасное средство для ваших волос!

– Это «Фейри». Он удаляет жир.

– Все правильно, он и жир удаляет! Для жирных волос! И похудения!

Лахджа посмотрела на ценник. Можно бы, конечно, привезти еноту сувенирчик, но не за такую сумму. Она решила оставить шарлатана в покое, все равно разоблачение, судя по нахмуренным лицам, уже не за горами, а ногами его могут побить и без Лахджи.

Так, теперь самое главное. Магазин игрушек.

– Одну игрушку Астрид и одну Веронике, – сказала Лахджа, распахивая раскрашенные двери. – Выбирайте сами.

Вот здесь было настоящее царство детей! Яркие краски, разноцветные витрины, расхаживают изящные големы, куклы на полках улыбаются, машут руками, пьют друг с дружкой чай. Повсюду вопящая ребятня и осунувшиеся родители.

Магазин делился на две части. Слева – игрушки для девочек. Пригожие, разодетые, почти светящиеся изнутри... куклы. Только куклы и ничего кроме кукол.

Куклы-куклы-куклы-куклы-коляска-для-кукол!

И все. Все! Ну еще мебель для кукол, домики для кукол, наряды для кукол!

Зато для мальчиков игрушки самых разных видов. Одних фигурок богатейший ассортимент. Рыцарь Парифат, маленький лорд Бельзедор, все остальные герои, злодеи, волшебники и чудовища. Парифатцам в этом плане проще, у них исторические личности и крупные политические фигуры – как сказочные герои.

А еще ездящие и летающие артефакты, самобеглые повозки и колесницы, управляемые дракончики, солдатики, игрушечные мечи и доспехи, калейдоскопы и головоломки, волшебные фонарики, огоньки и пускалки пузырей...

И Вероника сразу затопала в отдел для мальчиков. Астрид дернула ее за руку, потянула к стенду принцесс-волшебниц, уже примечая тех, что отсутствуют в ее коллекции, но Вероника впервые взбунтовалась против сестры. Она дернулась изо всех сил и сердито сказала:

– Хатю.

Что тут можно было возразить? Астрид, которая уже рассчитывала за счет Вероники получить двух кукол вместо одной, нехотя отпустила сестру, а сама стала придирчиво выбирать.

Пока что она накопила восемнадцать принцесс-волшебниц. Ей часто дарили их на праздники, и Астрид ужасно жалела, что ее день рождения настолько близко к Доброму Дню. Многие норовили сжульничать и вместо двух даров преподнести один.

Сегодня, значит, будет девятнадцатая. Надо не прогадать.

Так, принцесса-огриха с огромной дубиной или принцесса-тхарийка в прозрачном сари? Они слишком разные, выбор тяжелый!

Принцесса-тхарийка будет хорошо гармонировать с принцессой-херемианкой, которую Астрид подарила бабушка Рокуалли. Зато принцесса-огриха вдвое больше остальных, и у нее отполированные до блеска клыки.

Тем временем Вероника свой выбор уже сделала. Она схватилась за детский посох волшебника. В Мистерии не в ходу игрушечные мечи и жахатели – дети здесь мечтают стать волшебниками. И хотя мечи и жахатели в продаже тоже есть, посохов гораздо больше.

И Вероника выбрала самый лучший. Тонкий, витой, с набалдашником в виде драконьей головы.

– У этого двадцать четыре режима сверкания, – пояснил приказчик Лахдже. – А вот отсюда можно запускать салют и пулять водяной струей, только не забывайте манозаряжать. Но это мальчиковый посох!.. а для девочек у нас вот такие скипетры и фейские палочки! Смотри, смотри!.. вот со звездочками, вот с бантиком, а вот с головой единорога!..

Вероника равнодушно посмотрела на ряды кремовых, золотых, голубых, розовых и еще более розовых палочек и прижала крепче к груди посох.

Лахджа посмотрела на ценник. Ох... ладно. Это, конечно, не двести орбов. Глупо жадничать после того, как она растранижирила на демона в бутылке их годовой бюджет.

– Астрид, ты определилась с подарком? – устало спросила она.

– Ща-а-ас!.. я думаю!..

– Суть Древнейшего, возьми обеих!

– Да!

– Но потом не ной, что у Вероники есть волшебный посох, а у тебя нет.

– А мне и не нужен посох! – фыркнула Астрид.

Лахджа расплатилась и вывела дочерей наружу. Теперь последняя остановка, и домой. Что-то Майно задерживается... паники по-прежнему не слышно, но какое-то напряжение ощущается. И мысли закрыл, явно не хочет, чтобы отвлекали.

Следующий магазин был любимым у самой Лахджи. Но сегодня она покупает не для себя. Они с Майно долго совещались и решили сделать Астрид на день рождения по-настоящему хороший подарок. Все-таки завтра идет в школу, важная веха в жизни.

– Мир тебе, Зукта, – сказала Лахджа, распахивая тяжелую дверь. – Найдется подходящее Ме для шестилетнего демоненка?

Глава 2

Магазин Зукты – одно из самых особенных мест в Валестре. Как и Вератор, Зукта – лауреат премии Бриара второй степени. И как и Вератор, он оказывает уникальные услуги.

Продает, покупает и обменивает Ме.

Заходят к Зукте так же редко, как к Артуббе. Он не торгует ширпотребом, большинство лотов – единственные в своем роде, и почти все – очень дорогие.

Некоторые – просто безумно дорогие. Они по карману только величайшим из волшебников, но именно им как раз и не нужны. Скорее всего, их у Зукты покупают гости из-за Кромки или богатейшие неволшебники. Всякие короли и магнаты, раджи и олигархи.

Богатство этого лавочника аж било в глаза. Его магазин напоминал пещеру Аладдина – кругом золото, драгоценные реликвии, картины в усыпанных самоцветами рамах. И посреди этого на куче подушек курил кальян сам хозяин – очень толстый ямсток в золотой пекторали, массивных браслетах на руках и ногах, тяжелых серьгах, разноцветных перстнях, диадеме-венке. Он сам походил на ходячий склад украшений, причем серебряным среди них было лишь одно – медальон на груди.

Вдоль стен тянулись застекленные витрины. В них на бархатных подушечках покоились булавки с драгоценными камнями – и в каждом, словно орешек в скорлупе, пряталось какое-нибудь Ме.

Но на виду были только самые простые, ходовые. Свои подлинные сокровища Зукта держал под замком. Однако и выставленного напоказ хватило, чтобы Астрид разинула рот и принялась бегать, разглядывая булавки и сопровождающие их микро-иллюзии.

Зукта снабжал ими каждый товарец. Коротенькая демонстрация, показывающая, что это Ме делает, для чего предназначено. Зажечь огонь без спичек, сотворить яблоко, найти воду в пустыне. Пустыя фокусы, аналог простых заклинаний – но им не нужно учиться. Не нужно быть волшебником, не нужно годами штудировать учебники – нужно просто выложить несколько монет.

Особенно много было на виду Ме информационных. Самых разных – от знания эльфийского до умения фехтовать. Зукта производит их сам, покупая ненужные навыки у стариков и запечатлевая на головках булавок в виде Ме.

Такие стоят недорого, и берут их обычные люди. Простому смертному много Ме, даже мелких, не навесишь, а демону от них проку чуть.

– Мир и процветание моей самой любимой покупательнице, – сочным, густым голосом произнес Зукта, пожимая один из своих перстней. Из пола выскочил приземистый столик с чайным набором и засахаренными фруктами. – Какие прелестные у тебя отпрыски. Надеюсь, ты никуда не торопишься? Я не отпущу тебя, пока мы вместе не насладимся чаем и приятной беседой.

Астрид с готовностью уселась за столик и уставилась на Зукту.

– У меня день рождения, – сказала она так, словно Зукта обязан в связи с этим что-то предпринять.

– Поздравляю! – сказал Зукта, приложив руки к груди. – От всего сердца, от всей души – поздравляю!

Астрид немного подождала. Продолжения не последовало. Мама усадила рядом с собой Веронику, чинно отхлебнула из фарфоровой чашечки и сказала:

– Мне Ме для дочери. Не слишком великое, но полезное. И, конечно, не проклятое. Без нюансов.

Зукта приложил пухлые руки к груди, улыбнулся и сказал:

– Звучит довольно дорого. Сейчас поищем что-нибудь.

– Только... я тут немножко поистратилась, – сомкнула пальцы Лахджа. – Но я готова к бартеру...

Последнюю фразу она произнесла кисло, слегка ненавидя содержимое бутылки, которую купила у Аргуббы.

– О! – загорелись глаза Зукты.

– Я не отдам свои лучшие Ме! – поспешила предупредить Лахджа. – Ни один ребенок этого не стоит! Но у меня есть Создание Ложки... Зеленый Цвет...

– Возьму и их, конечно, дорогая, – не стал спорить Зукта. – Но сама понимаешь, чего они стоят. По три орба за каждое, и то исключительно из любви к тебе. Возможно, их удастся скомбинировать во что-то более полезное...

– В Зеленую Ложку?..

– Я же конструктор Ме, дорогая. Можно использовать просто как сырье для других Ме.

– А меня научишь? – заинтересовалась Лахджа.

– Если бы этому можно было легко научить, у меня была бы куча конкурентов. Я ведь артефактор, закончил Даксимулет. Но у меня очень редкая специальность... и пусть так и остается.

Ясно. Хитрый жук. Конструирование Ме – это то, чему Лахджа мечтала научиться, но подобные навыки не так-то просто получить. Даже среди демонов это умеют лишь некоторые.

– Кстати, я же демон, – вспомнила она. – Может, меня научить полегче будет?

– Ах, красавица, ты мне очень нравишься, но... у вас там что, каждый второй это умеет? – осклабился Зукта.

– Нет, – процедила Лахджа.

– Понятно, можно выходить на паргоронский рынок... Так, я этого не говорил.

– Я могу свести тебя с моим другим знакомым. Это замечательный бушук и очень честный делец.

– М-м... спасибо, не надо. Давай перейдем к делу. Я могу, конечно, забрать эту твою мелочевку, но, конечно, этого не хватит для обмена на что-то выдающееся. А ты ведь хочешь что-то выдающееся, девочка?

– Да! – решительно кивнула Астрид. – Мама, отдай мне Электрошок! И просто купим гору шоколада!

– Я не дам тебе Электрошок, – отрезала Лахджа. – Это Ме не для детей. У тебя уже есть такое, и этого слишком много.

– У нее есть? – заинтересовался Зукта. – А, да... вижу... какое хорошее...

– Кроме Зеленого Цвета и Создания Ложки я еще добавлю Поиск Красавиц, – сказала Лахджа.

Этим Зукта заинтересовался чуть сильнее. Подобное уже можно кому-то продать, хотя и недорого. И уж конечно, его возьмут только бессмертные существа – те, которые могут владеть Ме десятками и сотнями, так что могут позволить себе и подобную чепуху.

– А каких красавиц оно ищет? – уточнил Зукта.

– По вкусу Хальтрекарока, – ответила Лахджа. – Идеальных.

– Хальтрекарока, значит... а ты, получается,ходишь в этот вкус.

– Конечно. Я любимой женой была.

– Ага. Угу. У Хальтрекарока хороший вкус, – льстиво улыбнулся Зукта.

Лахджа пропустила это мимо ушей. Как бы Зукта ни подмазывался, как бы ни осыпал комплиментами и даже чуточку флиртовал, на цене это не отразится. Он прежде всего делец и ценит лишь две вещи – Ме и золото.

Не переставая курить кальян, Зукта достал из воздуха пергаментный свиток. На нем выстроился список Ме, которые он соглашался отдать в обмен за эти три. Лахджа принялась читать, но быстро поняла, что на дельный подарок ничто из этого не тянет.

Нет, список длиннющий, но в основном все ненамного лучше того, что она отдает. Либо тоже ерунда, которую легко заменить дешевым артефактом, либо с нюансами. Ме часто бывают проблемные, больше вредные, чем полезные.

Собственно, от таких чаще всего и стараются избавляться. Зукта за них не платит, но охотно забирает за так – вроде как проклятие снимает. А потом, бывает, что кому-то они и пригождаются. Прилагается, скажем, к Ме постоянное чихание – ну и пусть его возьмет тот, у кого даже носа нет.

– Мам, дай посмотрю! – потянула свиток на себя Астрид. – О!.. можно создать яблоко!..

– Кислое, наверное? – уточнила Лахджа. – Или «Ред Делишес»?

– Было зеленое и кислое, – самодовольно сказал Зукта. – Но я его немного усовершенствовал, и теперь – любой сорт по твоему желанию. Девочка, хочешь в любой момент иметь яблочко? Подлинное, не квазиал.

– Давай его, давай его! – обрадовалась Астрид.

– Вот поэтому выбирать будешь не ты, а я, – пихнула дочь в лоб Лахджа.

Она еще раз просмотрела список. Нет, все какая-то ерунда.

– Если продашь свой Метаморфизм, тебе хватит на что угодно, – подал голос Зукта.

– Я не обменяю первородство на чечевичную похлебку. Это величайшее Ме от Матери Демонов.

– Какая же ты все-таки умная женщина, – подался вперед торговец Ме. – И красивая, и умная. Редкое сочетание. Но подумай вот о чем. Ты живешь семейной жизнью, под защитой мужа, в стране, полной волшебства. Никаких забот, никаких проблем. К чему тебе этот Метаморфизм? А я дам тебе двести орбов.

– П-ха!.. – фыркнула Лахджа. – Золото валяется в каждом мире – стоит только копнуть в нужном месте! Некоторые планеты могут целиком из него состоять! А Ме... такое Ме мне больше не даст никто.

– Ах, как ты умна. Однако должен напомнить, что закрочные металлы годятся только как средство украшения гостиной. Как средство оплаты они у нас не котируются. Двести пятьдесят.

– Это подарок мамы.

– Триста.

– Подарки не продаются!

– Триста пятьдесят. Лахджа, подумай. Послушай меня, я тебе добра желаю. Ну зачем тебе такой мощный Метаморфизм? Возьми триста пятьдесят орбов, и я тебе еще докину другой Метаморфизм, поменьше.

– Это какой?

– Ну... ты сможешь чуть-чуть изменять черты лица. Нос там удлинять, губы...

– Мэтр Зукта, это несерьезно, – откинулась на подушках Лахджа.

– Четыреста орбов.

Кто там тебе четыреста орбов предлагает?!

Никто. Не подслушивай.

Кто тебе четыреста орбов предлагает?!

Да никто!

– Хорошо, как насчет Регенерации? – пошел в другую сторону Зукта.

– Нет.

– У вас есть целительный кот. И твоя природная регенерация тоже неплоха. К тому же твой Метаморфизм и сам по себе неплохо ее заменяет... стимулирует!

– Нет! Метаморфизм не восстановит меня из пепла!

– О!.. Ты можешь восстановиться из пепла?! Пятьсот орбов.

Кто тебе предлагает пятьсот орбов?!

– Нет.

– Ну хорошо, хорошо, ты меня режешь без ножа! Шестьсот пятьдесят орбов!

– Мы с тобой оба прекрасно понимаем, что такое Ме не может стоить дешевле тысячи орбов. Но я его и за эту цену не продам.

– Ох... хорошо, я понял. Давай торговаться за остальное. Что у тебя есть хорошего?

Лахджа задумалась, что еще она может безболезненно отдать. Честно говоря, жалко было все. Даже Зеленый Цвет, даже Создание Ложки. Они тоже часть ее личной коллекции, причем обменивает она не на что-то для себя, а на что-то для дочери. А значит, сама ничего не приобретет.

Но раз уж она так сглупила с этим фархерримом, надо как-то выкручиваться, иначе Майно ей будет до конца жизни поминать. В сравнении с этой покупкой его приступы лудомании – просто детская шалость. Даже в худшие свои времена он не проигрывал за раз двести орбов.

Но ничего, она все-таки не за так их отдала. Не проиграла в казино, а купила целого демона. Непонятно зачем, но высший демон – это хорошая покупка.

Так, что же она может отдать...

Заккрытие Портала ей не особо нужно. В Мистерии она его еще ни разу не применяла, нигде и незачем. Это больше подойдет какому-нибудь волшебнику, который занимается закрытием стихийных кротовин. В Порталике есть такой отдел – кромкосшиватели.

Но нет, Заккрытие Портала лучше приберечь. Оно очень полезное против Кошленнахтама. А тот, конечно, оставил их в покое – но что если снова поедет крышей?

Пятиминутная Копия тоже не особо нужная, можно отдать. Однажды она, конечно, спасла мир, но это была специфическая ситуация, которая вряд ли повторится... да, но один-то раз мир она спасла. Вдруг выпадет еще один такой случай, а Пятиминутной Копии уже нет?

Вообще-то, Ме хорошее, да и редкое. Можно на пять минут скопировать что угодно. Идеально скопировать. Наверное, все-таки стоит оставить. Никогда не знаешь, где пригодится.

Относительно бесполезен Электрошок. Лахджа взяла его в свое время как запасной вариант – на случай, если не сработает Метаморфизм. Но обычно он работает, так что Электрошоком она почти не пользуется.

Лахджа научилась метаморфировать так тонко, что может бить током уже без серьезной перестройки тела. Так что, да, Электрошок ей не нужен... но его можно просто отдать Астрид. Не сейчас, конечно, а когда подрастет. Сейчас ей нужно что-то более мирное и всесторонне полезное.

Флора – хорошая штука, но у Лахджи она слабая. Дерево растить придется несколько дней. Но какому-нибудь фермеру точно пригодится.

И еще есть Левитация, которая Лахдже не нужна, но сама по себе она очень хорошая. Астрид она тоже не нужна, девочка с каждым годом летает все лучше. Но все равно кому-нибудь можно подарить... вот хоть Веронике. Левитация очень полезна для волшебника, ее вполне можно иметь и как единственное Ме.

К тому же иногда Лахджа Левитацию все-таки использует. В тех случаях, когда превращается во что-то не умеющее летать... но при этом хочет летать.

Но вот Ядовитые Пчелы. Зачем они ей? Майно они, вон, вообще раздражают. Не любит он жалящих насекомых. А ей они вообще без надобности – так, иногда, больше ради шутки.

А что у нее еще есть? Ментальный Блокнот она сама здесь же и купила. Отслеживание и Защита Разума то и дело пригождаются. Призыв Дождя и Землевладелец... раньше в них

не было смысла, но теперь-то у нее усадьба, и они очень даже полезны. Майно совершенно не владеет погодным волшебством, а ей неожиданно понравилось возиться в саду.

Вот Зов Еды... возможно, теперь он не так уж и нужен. Какой-то он проблемный. С другой стороны, если они вдруг окажутся вдали от дома, он очень может выручить... потенциально даже жизнь спасти может.

Не Лахдже, конечно.

– Еще Ядовитые Пчелы, – наконец решила она.

– О, а это уже серьезный разговор, – обрадовался Зукта. – Итак, Поиск Красавиц, Создание Ложки, Зеленый Цвет и Ядовитые Пчелы... Хм... вот из этого списка можешь выбрать.

Лахджа посмотрела новый список. Он был короче, Ме в нем были полезнее, но оставались жалкими.

– Ладно... – вздохнула она. – А если еще Электрошок добавлю?

– Мам, нет! – вскинулась Астрид. – Отдай Электрошок мне!

– Астрид, тебе не нужен Электрошок. Если будешь хорошо учиться, то и так научишься метать молнии.

– Правда?..

– Электрошок у тебя хороший, – согласился Зукта, жадно поблескивая глазами.

Лахджа уловила этот блеск, и ей стало жалко Электрошок. Она вспомнила, как тот однажды спас ей жизнь... нет, вообще-то, это полезно, когда можно просто бить молниями, не метаморфируя себя внутренне.

Абсолютная власть!.. нет, жалко.

– Не отдам Электрошок, – решила она. – Давай лучше я еще пятьдесят орбов добавлю.

За четыре Ме и пятьдесят орбов Зукта выкатил совсем короткий список, всего в одиннадцать пунктов. Но там были уже по-настоящему отличные способности.

– Это стоорбовые, – прокомментировал Зукта. – Честно говоря, пятидесяти орбов твои четыре не стоят, но... пей уж мою кровь, красавица! Накину от себя, в честь дня рождения этой милой малютки!

– Дай посмотрю, дай посмотрю! – требовала Астрид.

– Ну на, на! – пихнула ей список Лахджа.

Они читали вместе, и очень внимательно. Обсуждая каждый пункт.

Первой шла Регенерация. Гораздо менее мощная, чем у Лахджи, но все равно хорошая.

– Очень ходовая Сущность, – прокомментировал Зукта. – Волшебники ее любят. Сама понимаешь, смертные могут иметь только одну большую или две-три мелких. Большинство выбирает то, что продлит жизнь или улучшит здоровье.

Второй в списке была Цепная Молния. Улучшенная версия Электрошока, мощнее в несколько раз. Реально убойная штука.

– Я хочу ее! – выпалила Астрид.

– Астрид, тебе шесть лет. Зачем тебе Цепная Молния? Кого ты собираешься ей жечь?

– Ну так...

– Я не буду давать шестилетнему ребенку средство превратить толпу в угольки. Почему ты вообще внес это в список? – спросила Лахджа у Зукты. – Я же дочери беру.

– Моя ошибка, – согласился ямсток.

Астрид громко засопела. Она всегда хотела мамин Электрошок, а тут нечто еще мощнее!

– Ты, главное, помни, что потом научишься волшебству и, возможно, все равно сможешь стрелять молниями, – утешила дочь Лахджа. – Я вот как-то выменяла себе Электрошок, и он меня разочаровал. Не повторяй маминых ошибок.

Третьим из предложенного была Светоустойчивость. Защищает от всяких святых сил, позволяет не чесаться в храмах и все такое. Смертному бесполезно абсолютно.

– О, у тебя есть Ме, которое годится только для демона! – заинтересовалась Лахджа.

– Да, но оно очень полезное, – заметил Зукта. – Для демона.

– И много у тебя клиентов-демонов?

– Не очень, но бывают. Я все-таки Сущностями торгую, а не пирожками с капустой. Ко мне кто только не заглядывает. К тому же это не только демону подойдет. Высшая нежить тоже оценит.

Лахджа заинтересовалась. Лахджа очень заинтересовалась. Даже не для Астрид, но и для себя самой. Когда твоя дочь может в любой момент стрелкнуть в тебя Лучом Солары, поневоле задумаешься о средстве против загара.

И, оно, конечно, не даст иммунитета к Свету и благодати, иначе стоило бы гораздо дороже. Всего лишь повысит устойчивость, как Защита Разума усложняет ментальное воздействие. Но для демона и это уже очень немало.

– А у тебя оно только одно? – спросила Лахджа.

Зукта развел руками. Лахджа поколебалась, но все-таки предложила Астрид:

– Может, эту возьмешь? Тебе бы как раз пригодилось. Ты будешь как Супермен, который избавился от слабости к криптониту.

– А-а-а... – не слишком заинтересовалась Астрид.

– У всех демолордов есть что-то похожее, – продолжала убеждать мама. – Это для самых крутых дядек.

– А-а-а...

– Да. Все увидят, как ты заходишь в храм и плюешь в миску с подношениями, а тебе ничего и нет!

– О-о-о!.. но я и так это могу.

– Ладно, мы еще подумаем, а пока посмотрим дальше.

Четвертой была Абсолютная Выносливость. Позволяет практически не знать усталости. Очень хорошее Ме, на уровне с Регенерацией. Для всяких трудоголиков – прямо идеально.

– Астрид, ты, конечно, сама выбираешь, но на эту тоже обрати особое внимание, – заметила мама. – И на Регенерацию. Они тебе сильно жизнь облегчат.

Астрид слушала с сомнением. Она, конечно, верила маме, но в шесть лет еще не задумывалась о таких важных вещах. Ей интереснее было то, что делает бабах.

К тому же Астрид и так мало устает. Она же демон. Демоны и без всяких Ме очень выносливые. Ей это Ме тоже прибавит, конечно, но незначительно.

Пятым Ме было Касание Энтропии. Своего рода излучатель Тьмы. Сосредотачивает ее в кончике пальца, позволяет заставить быстро постареть, проржаветь, рассыпаться в прах.

– Это она взять не сможет, – тут же, впрочем, заметил Зукта. – У нее есть конфликтующее.

– А-а-а... Луч Солары...

– Да. Не рекомендую. Но, если хотите, можете его продать!

– Нет! – вцепилась в ладошку Астрид. – Оно мое!

Своих зайчиков она продавать не собиралась ни за какие деньги.

– Тогда можно поменять! – предложил Зукта. – Касание Энтропии я отдам за Луч Солары даже без доплаты.

– То есть Луч Солары лучше? – догадалась Астрид.

– Ну... нет... он не то чтобы лучше... он просто... другой.

– Он тебя дурит, – сказала Лахджа. – Оставь Луч Солары.

– Лахджа, – укоризненно произнес Зукта. – Вы же демон. Что за воспитание у вас? Как можно ребенку из Паргорона советовать Луч Солары вместо Касания Энтропии? Вы подумайте, как ей будут завидовать все другие демонята!

– Они ей и так завидуют, – отрезала Лахджа.

– Ага, – широко улыбнулась Астрид. – Я самая блистательная!

В этот момент она настолько напоминала Хальтрекарока, что Лахджа вздрогнула.

– Так или иначе, Касание Энтропии я маленькому ребенку тоже не дам, – заявила она. – Это рано. Лет через десять – посмотрим.

Шестым был Доспех. Артефактное Ме. Когда дошли до него, Зукта хлопнул в ладоши, и в зал выкатился этакий железный бочонок на колесах. Шлем, кольчуга, панцирь, поножи, латные сапоги и рукавицы.

– Это артефактное Ме, прилегающее к физическому носи...

– Неинтересно, дальше.

– Но... оно даст вашей дочери почти полную неуязвимость... Девочка же хочет стать воином?.. нет?..

– Она не знает даже, что хочет на завтрак. И ей этот доспех велик.

– Он уменьшится. Подстраивается под кого угодно. Даже под крылатое существо. Пока ты в нем, тебя ничто не возьмет. И снять его без твоего разрешения нельзя. Для девушек-воительниц особенно, знаете ли...

– Астрид, хочешь?

– Я буду похожа на бочку... – сказала Астрид. – Нет.

– Да нет же! Он подстроится! Будет очень красиво тебя облегать! Если захочешь.

– Что, прямо неуязвимость дает? – усомнилась Лахджа. – И всего за сто орбов?

– Ну... да.

– А минусы в чем?

– Как и у всех артефактных Ме. Нужно носить доспех.

– А снять-то его можно?

Зукта почему-то промолчал.

– Снять-то его можно? – повторила Лахджа.

– Его можно снимать, – неохотно сказал торговец Ме. – Раз в день. И раз в день надевать.

– Подожди... это как-то неудобно.

– Да... потому и всего сто орбов. Но я подумал – возможно, демону это не настолько неудобно.

– Довольно неудобно, – сдержанно сказала Лахджа. – Следующее.

Седьмым было Сокрытие в Тенях. В общем, стандартная невидимость, но только ночью и в темных помещениях. Днем и при ярком свете не работает.

– Ну-у-у... – сморщила нос Лахджа.

– Зато очень хорошее! – добавил Зукта. – Скрывает даже ауру! Понимаете, большинство обычных средств для невидимости скроют вас только от обычных смертных, которые и так ничего не видят, пока в глаза не ткнешь. А это спрячет даже от волшебников и демонов!

– А вот это неплохо, – оживилась Лахджа. – Очень даже. Нет, вообще-то, прекрасное Ме. Астрид!..

– Только в темноте?..

– Астрид, если ты будешь жить в Паргороне, то там на внешней стороне темно везде. А если ты будешь, как хочешь, охотницей на нечисть, то ты же будешь охотиться ночью... чаще всего. А с этим Ме тебя даже Бельзедор не увидит. Будешь как ниндзя. Ночной ужас.

Астрид задумалась. Ме вроде не такое чудесное, как Цепная Молния, но...

– А что еще есть? – спросила она.

Восьмым оказался Личный Анклав. Как папин кошель, только Ме. Размером с большую комнату, позволяет носить с собой огромное количество вещей.

Это не заинтересовало никого. У Астрид такой уже есть... правда, он работает только на вход. Обычно. И она не может хранить там вещи, она просто может очень много съесть, а потом оно там лежит. По сути – просто многомерный желудок.

Но все равно такое Ме можно заменить обычным артефактом. Многомерными сумками в Мистерии целый институт занимается, Энормир.

Девятым было Махнемся Не Глядя. Кажущееся неказистым Ме, позволяющее переместить любой предмет из руки одного человека в руку другого. И вроде как не очень полезно, но с другой стороны – это ведь легко можно оружие выхватить, волшебный посох, да и что угодно...

– Нет, это криминал, – отказалась Лахджа. – Только для воровства и годится.

– Ну не только, – запротестовал Зукта. – Можно ведь и передавать предметы другим людям.

– А это для чего? Подавать нищим, не касаясь их?

– Или подожженную субтерму! – воодушевилась Астрид.

Лахджа посмотрела в ее горящие глаза, и поняла, что это Ме ей давать нельзя. Оно вообще плохо годится для чего-либо законного, а уж вручать его шестилетней девочке – заведомо нарываться на проблемы с законом.

Десятым было Универсальное Дыхание. Позволяет дышать в любой среде. В любой атмосфере и даже воде. Запрещает возможность отравления. Можно спокойно дышать ядовитыми газами, дымом, чем угодно.

– И это тоже для Астрид бесполезно, – сказала Лахджа. – Она демон, ей не нужно дышать.

– Что?.. – не поверила ушам Астрид.

– Ты демон, Астрид, тебе не нужно дышать.

– В СМЫСЛЕ?!

Астрид сразу задержала дыхание. И пока мама придирчиво изучала последний пункт в списке, Астрид сидела и не дышала. Она чувствовала себя как-то странно, и голова как будто немного закружилась, но плохо ей не становилось...

– Почему? – наконец спросила она.

– Мы демоны, – отмахнулась мама. – Нам срать на правила.

– Но у нас же есть носы! Зачем?!

– Для красоты.

– Это Ме бесполезно для демонов, – сделала вывод Астрид.

– Извините, юная медам, я все-таки не на демонов рассчитывал, – слегка обиделся Зукта. – Что уж есть. Для людей способность великолепная, особенно для путешественников.

– Да кто ж спорит, – вздохнула Лахджа, читая последний пункт.

Совершенная Меткость. Идеально для лучника, но и для волшебника тоже неплохо. Все, что швыряешь или стреляешь, само попадает в цель.

Астрид это понравилось. Вроде и не такое громкое, как остальные, зато ее зайчики всегда будут попадать в цель.

Она еще раз просмотрела весь список. Ладно, молнии она потом научится сама пускать. А вместо регенерации у нее есть Снежок. Он обидится, если его заменят каким-то Ме.

Вот Светоустойчивость... с ней можно, наверное, пойти прямо в Сальван, и никто ей там ничего не сделает. Но ей там и так никто ничего не сделает, она же хорошая. Ну и зачем тогда?

Зато Совершенная Меткость... она вроде бы и ничего такого, но вообще-то даже для мага полезно. Зайчики Луча Солары всегда будут попадать в цель. И если рогатку сделать, то это будет воистину чудесная рогатка.

– Выбирай не торопясь, Астрид, – сказала Лахджа, а сама подседа поближе к Зукте и спросила вполголоса: – А что у тебя есть такое... самое дорогое?

– Уровня твоих ультимативных? – ухмыльнулся ямсток. – Есть несколько. Но их я за деньги не продаю, только бартер.

– Покажешь?

– Ну покажу, – достал туго скрученный свиток Зукта.

Да, вот это были действительно сокровища. Всего шесть, но каждое – умопомрачительной ценности. Кулак Смерти, Великий Мастер, Хождение Насквозь, Вся Правда, Верный Путь и Повелитель Терний.

Последнее Лахджу очень заинтересовало. По большому счету – та же Флора, только улучшенная... раз этак в сто. Позволяет в считанные минуты выращивать деревья до небес, за секунды – обычные растения. Дает возможность ими манипулировать.

Лахдже очень захотелось такое. Прямо очень. Но... но бартер.

– А зачем тебе эти Ме, если только бартер? – спросила она. – Ты их просто держишь про запас, что ли?

Вместо ответа Зукта ухмыльнулся, чуть повернул голову и указал на забранные в пучок волосы. Там, почти невидимая со стороны, мерцала длинная булавка с треугольным красным камешком.

– Я всего лишь смертный, мэтресс Дегатти, так что такое Ме у меня может быть только одно, – произнес ямсток. – Зато я в любой момент могу их менять.

Лахджу охватила легкая зависть. Конечно, неизвестно, как быстро Зукта может сменить одно Ме на другое, насколько это вообще сложная процедура... но понятно, почему он их не продает, а только меняет на равноценные.

– Мелкие не приму, – сразу сказал Зукта. – Даже все, что у тебя есть. А вот на одно из двух больших поменяться согласен.

Лахджа приуныла еще сильнее. Она подумала, что если бы Зукта согласился все-таки продать Повелителя Терний за деньги, она бы охотно залезла в долги, даже очень глубоко... она постаралась не думать об этом. Еще Майно услышит, чего доброго.

Я слышу.

Нет, нет, она не может даже намекать на покупку чего-то настолько дорогого и чудесного. Это нескромно. У них просто нет столько денег. Особенно теперь, после покупки у Артуббы.

Что?..

Нет, она должна быть послушной скромной женой и только радовать своего мужа и повелителя. Конечно, было бы лучше, если бы у нее было такое чудесное Ме, у нее тогда было бы больше возможностей... его радовать... но... придется жить скромнее, но ей и того довольно, главное, чтобы Майно ее любил...

Не прибедайся. И не переводи тему. Что ты купила у Артуббы?.. КОГО ты купила у Артуббы?

Не знаю. Так.

– Мам, я выбрала! – сказала Астрид.

– Хорошо, родная, что ты...

ДВЕСТИ ОРБОВ?! ЧТО ТЫ КУПИЛА?!

Слушай, просто один парень, попавший в беду. Ты сам на моем месте сделал бы то же самое.

Так... так... потом, Лахджа, я тут один не справляюсь. Готовься к призыву.

– Дети, посидите пока тут, мама быстро, – поднялась с подушек Лахджа. – Зукта, можно оставить их с тобой?

– Конечно, – добродушно кивнул торговец Ме.

Майно, я гото...

Лахджа не успела договорить. Ее рвануло сквозь пространство, проволокло по четвертому измерению, и швырнуло посреди какой-то лесостепи. Вдали синела полоска моря, там виднелись ряды яранг, а между ними и Лахджой шевелилось настоящее море усеянных шипами спин.

Бегемоты! Крупнейшие млекопитающие Парифата! Не те бегемоты, которые живут в Африке, а те самые, библейские, огромные монстры, способные драться с драконами. Лахджа слышала, что великаны ездят на бегемотах верхом – для них они как лошадки для людей.

Их тут было целое стадо. Утреннее солнышко освещало сотни этих ходячих гор, и от их рева закладывало уши. Среди шестиногих гигантов бродили пастухи с длинными посохами – да не люди, а орки, хотя и какие-то странные, покрытые белой шерстью.

– Вспышка ящур, – раздался усталый голос. – Ничего особенного, только скотина очень крупная.

Лахджа наконец-то заметила и своего мужа – он был недалеко, просто совсем терялся рядом с этими громадинами. Майно Дегатти переходил от бегемота к бегемоту, клал ладонь на шкуру, вслушивался в его самочувствие. По пятам за ним следовал Снежок, испуская целебные волны, а вдали оглушительно лаял Тифон, гоня одних бегемотов налево, а других направо, отделяя больных от здоровых.

– А я тут зачем? – спросила Лахджа.

– Помогай изолировать больных, – махнул рукой Майно.

– Всего-то. А я ожидала махача... Думала, тут тебя уже кто-то сапогом с гвоздем забивает.

– Также я оставляю на тебя заботу безнадежных, – закончил муж. – Ты это сделаешь быстро.

– Не вопрос, – стала разрастаться и отращивать лапы-ножи Лахджа. – А у нас при ящуре все стадо забивают.

– У нас тоже... если нет волшебника. Но всех я вылечить не успеваю, так что частью придется пожертвовать.

Глава 3

Астрид смотрела, как встает солнце. Сегодня оно ее совсем не радовало. Да, вчера ей подарили двух принцесс-волшебниц и Совершенную Меткость, но теперь она должна идти в школу и не плакать. Словно бесстрашный рыцарь, Астрид примет все, что приготовила ей судьба, и в глазах ее не будет ни боли, ни страха.

Школа Радужной бухты в поселке Радужницы, почти у самого моря. Пешком топать часа два, но туда ходит големический омнибус, а к тому же папа разрешил Астрид кататься верхом или ездить в карете. Сервелату все равно скучно, он и так каждый день бегаёт по лугам.

Ну а немного погода Астрид просто будет туда летать. Сейчас у нее еще не настолько крепкие крылья, да и пончиков она ела многовато. Астрид думала, что если больше есть, то у нее вырастет анклав, но пока что выросло только пузо.

В первый день ее провожала мама. Папа остался дома – они с мамой вчера поругались из-за какой-то дурацкой бутылки, а утром еще раз поругались. Папа хотел вернуть бутылку Артуббе, а мама наотрез отказывалась.

Солнышко светило вовсю. По календарю уже осень, луна Вепря, но по правде – все еще лето. Очень теплый и хороший денек, сейчас бы пойти на речку купаться или в лесу погулять... но Астрид топает в школу. Она зло пнула камушек, подходя к уже запряженной карете.

И эта бодряга теперь надолго. Не на день и не на луну, а на пять или даже четыре года. Обычно пять, но мама сказала, что дети, которые хорошо учатся, поступают в Клеверный Ансамбль на год раньше, так что и начальную школу заканчивают на год раньше.

– Астрид, запомни несколько простых правил, – по дороге наставляла мама. – Слушайся мэтресс классную наставницу. Не обижай других детей, но и себя не позволяй обижать. И самое главное: никому не давай свои Ме. Запомни – Ме невозможно украсть или отнять, их можно только отдать добровольно.

Последнее Астрид запомнила крепко, хотя и понятия не имела, как можно отдать Ме. Они же где-то внутри нее, как кишки.

Сервелат весело цокал копытами, и постепенно настроение у Астрид улучшилось. Она смотрела из окна кареты на плывущие мимо поля, леса и озера, на проглядывающие меж деревьев старинные усадьбы, и думала, что все не так уж плохо.

Мама могла домчать их до Радужниц за несколько минут. Да и Сервелат мог. Но сегодня они ехали чинно и торжественно, потому что событие-то не каждодневное.

По дороге их догнала карета Пордалли, которая везла в школу троих детей, причем маленькую Уберту – в первый раз в первый класс, как и Астрид, Эстура – в третий, а десятилетнего Кланоса – аж в пятый, и он из-за этого аж раздувался от гордости. Всем, кто хотел слушать и кто не хотел (никто не хотел) он рассказывал, что мог уже в этом году поступить в Клеверный Ансамбль, но они с родителями посоветовались и решили, что ему стоит отучиться еще один класс в начальной школе, поскольку тогда его образование будет более полным.

Тем временем Майно Дегатти вместе с попугаем Матти и енотом Ихалайненем рассчитывал семейный бюджет. После подарка для старшей дочери и совсем уж бестолковой покупки со стороны некой расточительной демоницы тот заметно просел. Дегатти неплохо подработал, остановив мор скота, но уж никак не на двести пятьдесят орбов.

Такое большое поместье требует регулярных расходов. Академическое пособие, назначенное ученым советом, достаточно щедро, но одного его на все не хватает. И даже маминны бриллианты теперь не продашь – из них выстроили свои корабли астридианцы.

– Какие мы неудачники, – произнес вслух Дегатти. – Вот я вроде уже и деньги не проигрываю, а они все равно куда-то утекают. А, Лахджа?..

Ну слушай, это демон, он полезный.

Полезный?! Чем?!

Ну я вернусь, и мы вместе с ним поговорим! Не отвлекай меня!

Дегатти угрюмо уставился на бутылку с фархерримом. Они ее все еще не распечатали. Демон колупал пальцем стекло со своей стороны и вроде что-то говорил, но сосуд ему достался повышенной непроницаемости, и никаких звуков наружу не доносилось.

Однако побеседовать все-таки можно, особенно для хозяина сосуда. Разумеется, перед тем, как выпускать демона, следует все с ним обговорить, Артубба не продает котов в мешке.

Хозяйка сосуда – Лахджа. А значит, и Майно тоже. Он положил ладонь на стекло и услышал то же самое, что и раньше:

– Выпусти меня!

Настоящие переговоры они пока не начинали. Пленный фархеррим чувствовал, что его купил сородич, и был полон оптимизма, но Дегатти не собирался выпускать его просто так.

Теперь у него уже... сколько уже демонов у него в доме? Волосню продать не удалось... хотя ее можно продать позже. И уж конечно, он не будет выпускать этого новенького просто так. Зачем он ему?

Зачем он тебе, вернее!

– Ладно, кто ты такой, как попал в бутылку и что у тебя есть? – перешел к делу волшебник.

Ответа не последовало. Лишь презрение к жалкому смертному. Это не он купил его, демон знал.

– Тебя купил мой фамилиар, так что это все равно что я.

Демон угрюмо молчал. Несговорчивый типчик.

Ничего, заговорит, если хочет когда-нибудь покинуть бутылку. За него двести орбов плачены, так что «спасибо» не отделается.

Лахджа и Астрид вернулись довольно быстро. Бумажный Вепрь – это Доктадис, Ученый День. Да, во всех школах начинаются занятия, но именно сегодня они чисто номинальные. Уроков как таковых не было, а было только торжество, куча горланящих детей, угощение, воздушные шары и знакомство с классной наставницей, так что Астрид вернулась домой предельно довольная, ошибочно полагая, что вот так теперь будет каждый день.

– Меня попросили первое время ее провожать, – сказала Лахджа, входя в кабинет и беря бутылку. – А то она демоненок, мало ли... Так, этот сказал что-нибудь?.. Послушай, парень...

– Не говори с ним, – потребовал Майно.

– Почему?!

– Ну есть у меня мыслишки, почему ты его купила, – закинул ногу на ногу Майно.

Лахджа уставилась на него, как на вонючий сорняк. Долго смотрела, ни разу не моргнув. Муж выдержал ее взгляд и холодно сказал:

– Лахджа, я все-таки не Хальтрекарок. У меня всего одна жена и другой не будет. Я с тобой навсегда связан.

– Поэтому ты так зол? – догадалась Лахджа. – Не из-за денег?

– И из-за денег. Он не стоит двести орбов! Это совершенно бесполезная покупка! Думаешь, твои братья и сестры тебе за это гостинцев пришлют?

– А кто говорил, что я это делаю ради гостинцев? Можно заключить договор. У меня будет свой агент в Паргороне. Будет присылать мне весточки.

– Это рядовой фархеррим, – забрал у нее бутылку Дегатти.

– Но он может находиться в Паргороне – а я нет, – выхватила ее назад Лахджа.

– К нам Совнар все время на чай захаживает! Он банкир, он может куда больше!

– Я не могу приказывать Совнару! Дай выпустить брата!

– Бра-а-ата?!

Драка за бутылку перешла в активную фазу. Но они просто толкались и пихались – Лахджа не метаморфировалась, а Майно не применял фамилиарный контроль.

Если начать конфликт всерьез, то это может стать концом семейной жизни. Из любящих, хотя и временами ссорящихся супругов они действительно превратятся в волшебника и фамилиара. Ненавидящих друг друга, но при этом скованных незримой цепью хозяина и раба.

– Что ты обо мне думаешь?! – возмутилась демоница. – Думаешь, я просто купила первого попавшегося фархеррима, потому что мне нестерпимо хочется мужика своего вида?!

От Дегатти пошла волна стыда. Все еще смешанного с подозрением, но стыда.

– Ты переверни ситуацию! – мстительно продолжила Лахджа. – Представь, что ты, человек, живешь в мире демонов! Ты что, притащишь домой первую попавшуюся тетку просто потому, что она тоже человек?!

– Мой отец бы так и сделал, – огрызнулся Майно, но уже только чтобы оставить за собой последнее слово.

Но потом он представил себе эту картину и не сумел сдержать улыбки. Лахджа тоже ухмыльнулась. Лед был растоплен.

– Это хорошая покупка, – уже спокойно сказала Лахджа. – Нам пригодится кто-то не враждебный, кто время от времени сможет оказывать нам услуги. Чтобы не приходилось его умолять, как Совнара. Сейчас я помирилась с родней – но мало ли что они потом замыслият? А так я всегда буду в курсе, что у них происходит.

– Сомневаюсь, что тебе это будет полезно. Самое важное все равно знают только апостолы, а этот точно не из их числа.

– Кроме того, он сможет доставлять мне из Паргорона... некоторые вещи. То, о чем я бы не посмела просить Совнара. Ну пожалуйста!..

Бутылка водрузилась обратно на стол. Майно прикинул, как лучше ее открыть. Сургуч очень волшебный, запечатано надежно... возможно, сам Артубба и запечатывал. Делай такую покупку Майно, обязательно спросил бы, у кого и при каких обстоятельствах он этого демона приобрел... хотя ничего и не мешает, вообще-то.

– Номер Артуббы?.. – спросил он, доставая дальнотермометр.

– Тр-ри девять пять семь тр-ри пять! – с готовностью ответил попугай.

Майно подышал на стекло, набрал номер и сказал:

– Мир тебе, Артубба, тут моя благоверная у тебя купила кое-что...

– Майно, если хочешь вернуть товар, удержу всего десять процентов, – тут же ответил торговец. – Только для тебя. И только если ты его еще не выпустил. Потом не приму.

Дегатти невольно задумался. Вернуть аж сто восемьдесят орбов... вообще-то, отличное предложение. Видимо, у Артуббы есть на примете другой покупатель, раз он так расщедрился...

– Нет, я о другом хотел спросить... – все же наступил жадности на горло Майно.

Лахджа тем временем расспрашивала самого фархеррима. Вчера-то времени не было, они до позднего вечера лечили бегемотов от ящура, пока Астрид и Вероника пили чай с Зуктой. А утром Лахджа собирала в школу дочь, и ей тоже было не до какого-то бутылочного пленника.

Сквозь стекло она не могла разобрать, с кем имеет дело. Фархеррим, да. Мужского пола. Точно не апостол, у этих аура заметно мощнее. Но на этом все, а сам демон оказался скуп на слова и только повторял, как заевшая пластинка: выпусти-выпусти-выпусти-выпусти. Лахджа даже усомнилась, что от него будет какая-то польза.

Артубба тоже поведал немного. Да, молодой совсем демон. Да, усмиренный. Ему продали... кто, он не скажет, это коммерческая тайна... а он запечатал в надежный сосуд и как следует приковал. Наложил все нужные заклятия – если сорвать печать, демон не сможет при-

чинить вред и будет обязан исполнить три желания, как подобает. Или просто отслужить определенный срок – это уж как договоришься.

– Его имя – Ахвенном, – сказал Артубба напоследок, и стекло погасло.

– Ну что, выпускаем Ахвеннома? – спросила Лахджа.

– Давай снаружи, – поднялся из-за стола Майно. – Я Артуббе верю, но вдруг он все-таки буйный.

Они вышли на задний двор. Там, между домом, сараями, цветником и колодцем была большая лужайка – этакий мини-полигон для испытания сомнительных чар. Лахджа устроила тут огромную песочницу для детей, но места осталось еще порядочно.

– Ну что, выпускаю? – спросила она.

– Нет, дай-ка я, – забрал бутылку Майно.

– Ты обо мне беспокоишься или хочешь зажилить три желания?

– Родная, я просто люблю такие моменты. Я же волшебник.

– Ох... давай.

Майно срезал сургуч ножом и ловко поддел пробку. Из горлышка потянулся сизый дым, а потом на траву шлепнулся фархеррим. Действительно, очень молодой.

Лет этак двенадцати на вид.

– Да, Майно, тебе стоило беспокоиться! – едва не рассмеялась Лахджа. – Наш брак в опасности!

– Ну Артубба!.. – закатил глаза Майно. – Двести орбов за пацана?!

Ахвенном не без труда поднялся на ноги. После заточения в бутылке он был дезориентирован и помят. Слегка пошатываясь, он расправил крылья, дернулся вверх, но тут же споткнулся и едва не упал.

Он угрюмо уставился на волшебника с бутылкой, перевел взгляд на Лахджу – и его лик просветлел.

– Отшельница! – воскликнул он. – Слава Древнейшему!

– Вообще-то, Изувер, – поправила Лахджа. – Пусть меня боятся, а не отталкивают.

– Три желания, – с отвращением произнес Майно. – Какие?.. Слетать за хлебом?..

– Госпожа... дин, – с трудом выдавил последний слог Ахвенном. – Я... не очень много могу... но я... я могу верно служить апостолу!

– Не надо, – отказался Майно.

– Пока не вырасту и не смогу расплатиться!

– Не надо!

– Да ладно, чего ты? – развеселилась Лахджа. – Пусть за хлебом летает.

– Для этого демон не нужен, – сунул ей бутылку муж. – Делай с ним что хочешь. И в следующий раз смотри лучше, что покупаешь.

Ахвенном оказался из «бронзовых». Золотисто-коричневая кожа, серо-стальные глаза, пепельный оттенок волос. Нескладный паренек в начальной стадии подростковой, будто состоящий из одних локтей и жил.

На Лахджу он смотрел с преданностью собачонки, которую вытащили из воды. Особенно после того, как ушел ее муж-волшебник.

– На Парифате все делается за презренное золото, – задумчиво произнесла демоница. – И я заплатила за тебя кругленькую сумму. В связи с этим я не могу тебя просто взять и отпустить, хотя ты мне ничем и не полезен.

– Я могу быть полезен, – поспешил заявить Ахвенном. – Я многое умею. А если не умею – научусь.

Лахджа принялась его расспрашивать, и он действительно оказался смекалистым парнишкой. Конечно, демонической силы у него было еще с гулькин нос, но он уже умел само-

стоятельно ходить через Кромку. Собственно, поэтому и угодил в бутылку – слишком много о себе возомнил и попался какому-то колдунцу, который, не будь дурак, продал его Артуббе.

– Слышишь, Астрид?! – крикнула Лахджа.

Астрид высунулась с балкона детской. На Ахвенома она смотрела недобро.

– Чо я, у меня паспорт есть! – огрызнулась девочка. – А у него есть?!

– Дураки у тебя паспорт не спросят! – ответила Лахджа. – Увидят – хорошая девочка-демоненок, гуляет где-то одна... как кошелек найти!

– Артубба знает, что у меня паспорт! – отпарировала Астрид.

– Не все пойдут продавать тебя Артуббе! Могут и просто на ингредиенты пустить!

Астрид с противным звуком высунула язык и скрылась у себя в комнате.

– Ты, наверное, пару душ хотел заарканить? – с интересом спросила Лахджа, пока Ахвеном прятал взгляд. – Принести, показать другим, какой ты уже молодец? Такой маленький, а уже охотишься.

– Я не маленький, мне двенадцать с половиной.

– Кстати, да. Надень что-нибудь. У нас тут не принято так ходить, местные зашоренные очень.

Когда подошло время обеда, Ахвенома тоже усадили за стол. Астрид была этим крайне недовольна и бурчала себе под нос, что всякие там и в углу могут есть, из корытца, но папа решил не третировать мальчишку, который лично им ничего не сделал.

Еще за стол без приглашения уселся волостной агент Кустодиана. У него тут уже был собственный комплект приборов. Прихлебывая суп, он известил, что на семью Дегатти в очередной раз написали клязузу.

– Когда?! – поразился Майно.

– А вот только что, – развернул бумагу мэтр Аганель. – Ну я тут недалеко был, сразу ее и получил. Говорят, вы тут прибежище для демонов устроили. Базу организуете для грядущего Пятого Вторжения. Вам есть что сказать?

– А это племянник мой, – хлопнула Ахвенома по плечу Лахджа. – Кузен Астрид.

Волостной агент пристально на нее уставился. Он умел распознавать ложь, но технически Лахджа даже не соврала. Да, правда выходила немного с душком, но все же правда.

– Большая у вас семья-то, я смотрю, – вздохнул он. – Очень.

Кто клязузу так оперативно настроил, никто не стал даже спрашивать. К этому злу все давно привыкли.

По законам Мистерии волшебникам не запрещено призывать демонов, владеть демонами, принимать демонов в гостях. Последнее, пожалуй, дурной тон, но это разрешено, за это никак не наказывают. Паспорт волшебного существа демону нужен только для перемещения самостоятельно, без волшебника, который за него ручается. Так что Аганель лишь напомнил о правилах поведения и с удовольствием развернул припасенную для него плитку Marabou. Спиртного волостной агент не употреблял, а вот сладкое любил очень.

– Ладно, расскажи что-нибудь о себе, – вздохнула Лахджа, когда Аганеля спровадили, и умиротворенный Майно закурил трубку.

– Что рассказывать, госпожа? – немного занервничал Ахвеном. – Я из второго поколения. Из самых первых. Отца не знаю. Маму Наиллой звали. Она погибла, когда мне было семь, я теперь один, кручусь как могу.

– Разве ж мои родственники не заботятся обо всех детях? – усомнилась Лахджа. – Темнишь.

– Ну, я... да, заботятся, учат, дают пищу, кров... Но мне нужна демоническая сила.

Майно выпустил особо черный клуб дыма. Ему не понравился хищный блеск в глазах демоненка. Все же понятно – охотился, щенок, души жал. И ладно еще если третью категорию,

или как там у них принято классифицировать. Всяких выродков и подонков, которыми не жаль кормить демонов.

Но ведь не факт. Сам же правду не скажет.

– Ты еще мал, зачем тебе сейчас большой счет? – спросила Лахджа, которая все верно поняла. – Ты же попадешь в неприятности... уже попал.

– Да... – поник хвост Ахвенома. – Но вот мы встретились. Я сижу за столом апостола. Счастливей конец.

Он поболтал ногами. А Астрид аж щеки надула от гнева – так уж ей не нравился этот мальчик. Скользкий он и подлый, а мама не видит.

– Ну и что мы с тобой будем делать? – задумалась Лахджа. – Я могу отпустить тебя прямо сейчас... но с незаполненным чеком. Ты будешь должен мне... сколько там полагается? Три услуги. Три раза я тебя позову, скажу, чего хочу, и ты ответишь: яволь, госпожа.

– Что отвечу?..

– Слушаюсь.

– Хорошо, – без раздумий согласился Ахвеном.

– Вот так просто? Какой ты незамутненный.

– Госпожа, ты же апостол.

Он сказал это так, как будто Лахджа – безусловный авторитет, которому нужно заглядывать в рот и делать все, что скажет. А уж если она до тебя снизошла и взяла как бы в подручные, то вообще радуйся и веселись.

Лахджа невольно задумалась, все ли фархерримы так воспринимают апостолов. И если да, то... хотя нет, они же у нее дочь украли. Да и этот, честно говоря, не так-то прост. Вот вроде и ничего пока не сделал, смиренный, поддакивает все время, а чувствуется в нем затаенная бесовщина.

Демонам доверять нельзя, это Лахджа лучше всех знала. Даже маленьким.

Вон как этот Ахвеном смотрит. Глаза – как две ледышки. Вроде лицо человеческое, легкая полуулыбка, поза расслабленная, складка на веке поднимается в добродушном прищуре... но сами глаза – будто дырки в иное пространство. Зловещую сумеречную зону.

У меня тоже такие глаза?

Нет. Ты была человеком, это чувствуется. Он не был.

Астрид тоже не была...

Она живет среди людей.

– Ладно, мы тебя выпустили, ты поел, – поднялась из-за стола Лахджа. – Договор заключен. Можешь идти.

– Госпожа!.. – вскинулся Ахвеном. – Я не могу вернуться так, я должен хоть чем-то отплатить!..

– Ты отплатишь. Потом. Когда я придумаю, что мне от тебя нужно.

– Я могу подождать тут. Я могу служить тебе. Это может быть первой услугой – служить тебе.

– Нет, – резко ответил Майно.

Ахвеном бросил на него быстрый взгляд, и на мгновение его лицо стало очень злым. Он быстро взял себя в руки, но Майно Дегатти понимающе улыбнулся.

– Госпожа, у меня нет покровителя, – поковырял землю пальцами ног Ахвеном. – Я сирота, я никому не нужен, я...

– Из меня был бы очень плохой покровитель, – ответила Лахджа. – У меня нет счета, я не могу вернуться в Паргорон, я апостол-изгой и не принадлежу сама себе. Тебе лучше совсем без покровителя, чем с таким.

Кажется, аргумент оказался веским, потому что взгляд Ахвенома слегка изменился. Возможно, он думал, что у нее все-таки есть какие-то связи или сбережения, но вот он еще раз

оглядел усадьбу, посмотрел на лопающую шоколад Астрид, на мерзкого ублюдка-полудемона и его смертного папашу...

– Я понял, – кисло сказал он. – Мое истинное имя – Ахвенон, а Слово Вызова... его я скажу только тебе. На ухо.

Шепнув Лахдже свое Слово, демоненок убрался. У него не сразу вышло пересечь Кромку, опыта мальчишке явно не хватало, но после нескольких попыток он все-таки растаял в воздухе.

– Думаю, мы его больше не увидим, – подытожила Лахджа. – Но теперь у нас есть задолжавший нам демон.

– Двенадцатилетний демон, – сказал Майно.

– Ну это пока. Он же вырастет.

– Да, вырастет... если не пришибет никто.

Глава 4

Лахджа пила чай с учительницей Астрид. Классной наставницей, как их здесь называют. Всего их в школе Радужной бухты пятеро – по числу классов. Поскольку общее образование в Мистерии и на всем Парифате длится всего пять лет и является по сути начальным, один учитель без труда ведет все предметы, благо их тоже всего четыре – арифметика, грамматика, философия и естествознание.

У Льедуш Колоба, как звали эту совсем молоденькую на вид девушку, оказалась непростая судьба. Тоже волшебница, бакалавр Метаморфозиса, она родилась где-то далеко, в одном из множества мелких парифатских королевств, но еще в КА влюбилась и сошлась со своим однокурсником, потомком одного из старинных родов Мистерии. Сама мэтресс Колоба закончила только бакалавриат, экзамены сдала со слабым результатом и продолжать обучение не стала – оно обошлось бы слишком дорого. А вот ее возлюбленный уверенно шел минимум на лицензиата, так что отправлялся на трехлетнюю полевую практику где-то у черта на рогах.

Они решили, что эти три года юная Льедуш проживет у матери жениха, в фамильном поместье. Благо места полно, кругом прислужники-немтыри, так что невеста наследника никого не стеснит, а свадьбу сыграем сразу по окончании практики жениха.

И все поначалу шло хорошо. Зимние, весенние и летние каникулы жених проводил дома, с матерью и невестой. Льедуш уже ждала, когда он через пару лун вернется с дипломом лицензиата, и немного волновалась, потому что после его весеннего визита оказалась в тягости. Но случилось несчастье, молодой волшебник погиб, немного недоучившись, и мэтресс Колоба оказалась даже не вдовой, а матерью-одиночкой.

Убитая горем свекровь, конечно, ее не прогнала. Напротив, это их еще сильнее сблизило, она приняла невестку как родную дочь, а когда та родила ей внука – похлопотала, чтобы тому дали отцовскую фамилию, хотя брак и не успели оформить официально.

– ... Ну а потом он подрос, мне наскучило сидеть без дела, и я устроилась классной наставницей, – закончила свою историю учительница.

– А где сейчас ваш сын? – полюбопытствовала Лахджа.

– Работает в Метеорике, он магистр Вербалеона.

– Магистр?.. – удивилась Лахджа. – Сколько же вам лет?

– Восемьдесят девять, – ответила учительница.

– Я бы вам больше двадцати не дала, – восхитилась Лахджа. – Метаморфоза?

– Да, постоянная. Я закончила факультет совершенства. У меня только вечная молодость, абсолютная память и еще пара мелочишек, но для работы в школе хватает.

Рядом играла маленькая Вероника. Лахджа взяла ее с собой, чтобы та посмотрела место, где через пять лет будет учиться. Конечно, полуторагодовалая малышка ничего не понимала – она сосредоточенно раскладывала по цветам палочки, на которых первоклассников учат устному счету.

Была большая перемена. Уроки здесь часовые, зато их каждый день только четыре, и между вторым и третьим – часовая же перемена, на которой детей кормят завтраком, а потом дают волю набегаться во дворе, вместо физкультуры. Прямо сейчас в окно задувал прохладный осенний ветерок, и с ним влетали вопли Астрид, которая носилась вперегонки с одноклассниками.

Всего у нее их тринадцать – шесть мальчиков и семь девочек. Население Радужной бухты невелико и сильно рассредоточено, а многие помещики предпочитают домашнее обучение, так что учителя работой не перегружены. Лахджа с любопытством рассматривала обстановку, подмечала отличия от знакомой финской школы.

Парты здесь волшебные – съеживаются и расширяются в зависимости от того, кто за них сидится. Лахджа сейчас как раз сидела за одной, и та смотрелась великаншей рядом с дюжиной лилипутов. На каждой лежал «Обучатель», этот заслуженный парифатский талмуд, что верой и правдой служит многим поколениям школьников. Другие книги – в застекленном шкафу. Ранцев здесь не носят, учебники и тетради просто оставляют в партах, благо домашних заданий на Парифате не задают, только иногда поручают какие-нибудь проекты.

На стене кроме меловой доски висели часы и две географические карты – всего Парифата и Мистерии. В кадках росли мини-деревца, в большом аквариуме плавали рыбки, а на учительском столе лежало то, что невозможно увидеть в земных школах – розга.

Хотя в ход ее, если верить Астрид, учительница пока что не пускала.

– Мэтресс Дегатти, я попросила вас зайти, потому что для меня это совершенно новый опыт, – наконец перешла к делу мэтресс Колоба. – Я выпустила много классов, но мне впервые поручают демоненка. Я целую луну присматривалась к вашей девочке, и у меня накопились вопросы.

Лахджа обратилась в слух. У нее уже было собеседование с классной наставницей летом, но тогда мэтресс Колоба в основном спрашивала, чем Астрид питается и точно ли не сожрет одноклассников. Лахджа заверила, что ест ее дочь все (хотя манную кашу – с отвращением), а кусаться перестала уже года три как.

– Уровень подготовки у Астрид хороший, – сказала учительница. – Она умненькая живая девочка.

Лахджа невольно улыбнулась – любой матери приятно такое слышать. Однако затем мэтресс Колоба перешла к критике. Она с сожалением добавила, что Астрид неусидчива, с трудом сосредотачивается на чем-то одном и постоянно пререкается с учителем.

– Это часто поначалу бывает с первоклассниками, – сказала мэтресс. – Они воспринимают учителя не как учителя, а как тетю, которая с ними сидит. Что-то вроде второй мамы или максимум няньки.

– Я поговорю с ней, – обещала Лахджа. – Хотя чудес не обещаю. У нее... такой темперамент.

– Это я поняла. Обратите внимание, как она играет.

Лахджа повернулась к окну. Она особо не обращала до этого внимания – ну бегают дети и бегают. Но теперь присмотрелась, и поняла, что Астрид... ведет какой-то репортаж. Что остальные разделились на группы и играют в сложную игру с мячом. Вроде вышибал, но без водящего, просто несколько команд бегают по полю, стремясь занять как можно более выгодную позицию.

– Я не вижу энтузиазма! – пищала Астрид, размахивая большим пакетом. – Я напоминаю, что этот кулек конфет будет разделен между победителями! И чем меньше останется победителей, тем больше достанется каждому!

Лахджа узнала этот пакет. Она на днях посещала Землю и закупила там швейцарскими сладостями.

– Вот засранка!.. – протянула она, с изумлением глядя на дочь. – Весь пакет!..

Ну что ж, по крайней мере, она не жадная девочка. Пожертвовала ради игры целой кучей шоколада. А ведь Астрид обожает шоколад.

И игра увлекательная, приз придал ей остроту. Дети всерьез сражались за иностранные конфеты, их глаза горели азартным огнем. Лахджа невольно принялась болеть за одну из команд, которая пока что проигрывала, но упорно не сдавалась.

– ...И тут на поле врывается жирный Огус!.. – кричала Астрид, убегая от какого-то толстого мальчика. – Он рвется к призу!.. Перемирие!.. Хватайте, хватайте мячи!.. Не подпускайте его к конфетам!.. Кто попадет в голову, получит бонус!

Жирного Огуса накрыло градом мячей, и он упал.

– Слышьте, вы, мелкота!.. – простонал бедный пухляш. – А чо меня не позвали играть?!
– А ты в столовке сидел! – крикнул ему соседский мальчик, Кланос Пордалли. – Мы тебя звали!

– А я не знал, что будет приз!

– Вот, послушайте эту жертву собственных пороков! – воскликнула Астрид, немножко взлетая над полем. – Этого червеугодника! Единственным стимулом существования его является еда, и за это он получил заслуженную кару! Смейтесь над ним и восхваляйте меня, Астрид Потрясающую! Самую великолепную девочку во всей мириаде миров! Умнейшую, красивейшую, талантливейшую!.. да что говорить – просто меня!..

Поя себе осанну, Астрид одновременно кидала конфеты и смеялась, глядя, как дети за ними бегают. А умиленная улыбка Лахджа постепенно таяла. Она слышала все более знакомые нотки.

Под конец она просто встала, оперлась на подоконник и замерла с раскрытым ртом.

– Девочка очень нескромная и любит помыкать другими детьми, – произнесла учительница, тоже пристально за этим наблюдавшая. – Она манипулирует ими, угрожает, провоцирует конфликты.

Лахджа вздохнула и неохотно призналась:

– Вы, наверное, поняли, что мой муж – не ее биологический отец...

– Догадалась, он же человек, – кивнула учительница.

– Думаю, это наследственное, – печально кивнула Лахджа. – Ее отец... Темный Балаганщик.

Учительница немножко спала с лица. Нет, она понимала, что говорит с демоном, и что ее ученица – тоже демон, но явно не подозревала таких масштабов.

И она, конечно, знает, кто такой Темный Балаганщик. Все волшебники знают всех демолордов, у них это проходят на ПОСС.

– Да, спасибо, что сказали... – нейтрально произнесла учительница. – Лучше бы, конечно, сразу же, но... это полезно знать.

– Ну, видимо, она артистичная... в него, – заплела пальцы Лахджа. – Любит... м-да... водить в играх.

– И у нее очень богатый словарный запас, – добавила учительница.

– За это спасибо приемному отцу, – улыбнулась Лахджа. – И призраку дедушки. И попугаю. Да и мне, чего уж там.

Она еще немного неловко помолчала. Учительница все еще переваривала новость о том, что в ее классе учится дочь демолорда.

– Ну вы не переживайте, – наконец сказала она. – У меня бывали разные дети. Многие были избалованы или просто дурны нравом. Астрид, я верю, сможет перерасти некоторые вещи. А мы ей поможем.

– Спасибо.

Когда Лахджа распрощалась с учительницей и вышла из здания, дети все еще играли. Астрид заметила маму и втянула голову в плечи, словно пойманная на преступлении. А остальные малыши, уже уплетшие все конфеты, с интересом уставились на взрослую копию своей одноклассницы.

– Что, Дегатти, без мамы в школу не ходишь? – фыркнул Кланос Пордалли.

– Ма-ам, ну чего?.. – проныла Астрид, которая училась пока всего-то луну, но уже подозревала, что если родители в школе – то это не к добру. – Я ничего не сделала...

– Да я ничего и не говорю, – улыбнулась мама. – Играйте, дети.

Астрид проводила ее долгим взглядом и недобро покосилась на Кланоса. Вонючка. Без мамы она в школу не ходит. Да тут половину первоклашек провожают в школу мамы, а другую половину – немтыри или духи-хранители. Но, конечно, Кланос привязался именно к ней.

– Просто я большая ценность для своей семьи, Кланос, – объяснила она. – Поэтому мне нужно сопровождение. А у тебя оно есть?

И она склонила голову набок.

– А я уже в пятом классе, – пренебрежительно произнес Кланос. – Мама провожают только малышей.

Его брат и сестра гордо подбоченились. А Астрид позавидовала Уберте, которая всего на три луны старше и тоже в первом классе, но почти с первых дней ездит в школу одна. Это все потому, что у нее есть брат-пятиклассник, который за ней приглядывает.

Астрид, вообще-то, тоже перестали провожать уже дней десять как. Мама вполне удостоверилась, что Астрид – взрослый самостоятельный гражданин и как-нибудь уж справится с одним и тем же маршрутом изо дня в день. К тому же ее возит Сервелат, который фамиллиар, так что тоже член семьи, просто на четырех копытах.

Но сегодня мама зачем-то пришла сама, отдельно. И о чем-то говорила с мэтресс классной наставницей. Наверняка об Астрид – о чем же еще? И наверняка не о том, какая она замечательная, потому что об этом не надо говорить особо, это и так всем понятно.

Когда загудел школьный колокол и начался третий урок, Астрид сидела насупленная и недовольная. Она постукивала по столу карандашиком и сверлила взглядом мэтресс классную наставницу. Пыталась понять, о чем та говорила с ее мамой и какие у этого могут быть последствия.

Астрид не нравилось в школе. Нет, отдельные приятные моменты были, но в целом она воспринимала это все как пытку, которую организовали родители из зависти к ее молодости, уму и красоте. Жаль, что она тогда дала слабину и согласилась сюда ходить, польстившись на что-то особенное, посуленное мамой.

Хотя Совершенная Меткость того стоила, пожалуй. Астрид пока не нашла достойного применения своему новому Ме, но собиралась вплотную заняться этим, как только начнутся каникулы. Она уже усвоила их принцип и отмечала дни крестиками.

Сегодня у нас Мраморный Скорпион, а зимние каникулы начнутся в день Оловянного Ястреба. Если вычесть одно из другого, то получится... получится...

– ...Дегатти, опять ворон считаешь? – раздалось над ухом. – О чем я сейчас говорила? Встань.

Астрид медленно поднялась, ловя на себе жадные взгляды одноклассников. Они все желают видеть ее унижение. Увидеть, как она опозорится. Школа – это словно клетка с бешеными крысами, и единственный шанс тут выжить – быть умнее и сильнее остальных.

– Вы говорили...

Так, какой сейчас урок? Грамматика, точно. На доске буквы. Астрид давно умеет читать и писать, но не все здесь такие умные, как она, так что сейчас они разучивают... да, алфавит. Парифатский алфавит.

А среди слов мэтресс классной наставницы, которые Астрид улавливала на фоне, были «глухие» и «звонкие».

– ...О закрывающих чертах, – уверенно произнесла она.

– М-м-м... хорошо, пройди к доске и покажи, как превратить букву «бэ» в «пэ».

– Легко, – сказала Астрид, уверенно покачивая хвостиком.

Она взяла мел и провела самую красивую закрывающую черту в своей жизни. Ни до, ни после она не проведет настолько же аккуратной, каллиграфически совершенной закрывающей черты.

Мэтресс классная наставница тоже поняла это с первого взгляда. Она горячо заплотировала Астрид, а по щекам у нее потекли слезы смирения перед великим грамматиком... ладно, это случилось уже только в воображении Астрид. Но все равно она гордо выслушала слова признания, произнесенные этой женщиной:

– Молодец, Дегатти, садись.

Ладно, вот ради таких моментов все же стоит ходить в школу. Когда купаешься во всем восхищении и обожании. Все еще переживая миг своего триумфа, Астрид задумалась, чего бы еще такого сделать, чтобы все поняли: вот, во стене се Астрид Премудрая!

Во стене?.. как-то неправильно. Наверное, в истине. Или тоже нет?.. Астрид полистала «Обучатель», но такого слова не нашла. Надо попросить Матти летать с ней в школу, он помнит все книги, которые прочли мама, папа, Снежок, Тифон и он сам, а это очень-очень-очень много книг.

Астрид однажды видела, как Матти словарь читает – просто листает когтистой лапой и читает, что означает каждое слово. Он это почему-то обожает. У него еще так голова смешно дергается – то одним глазом посмотрит, то другим.

Почти так же дергалась голова у Баношь, когда она читала по складам «Хрестоматию для юных волшебников». Баношь, Юмбек и Освельдек тут самые отсталые – все остальные пришли в школу уже грамотными, а Уберта вообще сама прочитала все «Старые сказки» и любила читать вслух субтитры, когда Астрид приглашала ее в гости посмотреть аниме.

Но эти три дурака даже буквы знали не все, так что первую луну на грамматике мэтресс классная наставница учила в основном их и даже оставляла после уроков, чтобы заниматься отдельно. Потому что куда это годится – шесть лет бестолочам, скоро взамуж пора, а до сих пор читать не умеют.

Хорошие были деньки, когда учили в основном их. Астрид тогда никто не дергал, и на грамматике она просто рисовала в тетрадке гохерримов, нанизывающих людей на сабли. Красный карандаш очень быстро заканчивался. Но теперь Баношь, Юмбек и Освельдек уже научились, так что Астрид тоже начали отвлекать всякой чепухой.

– ...Дегатти, опять в облаках витаешь? – снова раздалось над ухом. – Перечисли все глухие буквы, имеющие звонкую пару.

– Пэ, фэ, кэ, тэ, сэ, хэ, – лениво перечислила Астрид.

Она снова молодец.

– Всё? – спросила мэтресс классная наставница, почему-то не спеша ее хвалить.

– Ага.

– Нет, не ага. Какую букву Астрид забыла, кто знает?

– Шэ, шэ, шэ!.. – завопили отовсюду, и громче всех – предательница Уберта, которой теперь кир свиньи, а не аниме.

– Правильно? А какая у буквы «шэ» звонкая пара?

– Жэ! – завопила громче всех Астрид, потому что надо срочно восстановить свой титул Премудрой.

Возможно, стоит даже добавить к нему Всезнающую.

Да, вот сейчас Астрид снова оказалась молодцом, и ее похвалили. До самого конца грамматике она улыбалась, немного снисходительно поглядывая на окружающих, которых, конечно, тоже иногда хвалят, но явно же только из жалости. А вот она воистину Непревзойденная!.. да, точно, воистину же! Астрид знала это слово, просто забыла немножко!

В последнее время она слишком много учится и из-за этого иногда в голове все путается.

Когда прогудел колокол на перемену, все повставали из-за парт и стали болтать о всякой чепухе. А Астрид убрала тетрадь, отодвинула пенал, достала из парты свежий номер «Портала в сказку» и углубилась в новые приключения мэтра Пятнолапа.

– Как твои успехи, Астрид? – раздался вкрадчивый голос.

Астрид неохотно оторвалась от детского журнала и повернулась к окну. На подоконнике сидел важный рыжий кот.

– Привет, котя Соня, – поздоровалась она. – А тебе можно в школу?

– Я только на минуточку, – мурлыкнул Совнар. – Заглянул узнать, хорошо ли ты учишься. Не волнуйся, кроме тебя меня никто не видит. Какой у вас следующий урок?

– Естествознание, – протянула Астрид.

– О, будете лягушек препарировать?

– Нет, мне сказали, что это только в Клеверном Ансамбле, – недовольно сказала Астрид. – В чем смысл?

– Ну ничего, теория – тоже хорошо.

– Это скучно.

– Учись хорошо, Астрид, – посоветовал Совнар. – Я пристраиваю к делу самых умных детей Хальтрекарока. Ты можешь стать бургомистром где-нибудь в колониях. Или завести какой-нибудь конторой. Глядишь, и в мой клан тебя примем... а, не слушай старика!.. потом. Это нескоро.

Астрид перечисленное не показалось интересным. Она не видела себя на должности бургомистра или еще кого-нибудь такого же скучного. Для богини целого народа это будет понижением.

Правда, она бывшая богиня. Астридианцы ее предали. Прошло уже несколько лун, но Астрид все еще переживала. Найдется ли на свете другой народ, который станет ее обожествлять?

Астрид очень надеялась, что однажды найдется.

Котя Соня сказал правду, его никто не видел. Когда снова прогудел колокол, мэтресс классная наставница вошла в класс, но ничего не сказала по поводу кота на окне. Хотя когда однажды Сервелат просунул в класс морду, она заметила это сразу же, так что вообще животных она видит, проверено экспериментально.

Сегодня на урок естествознания мэтресс классная наставница принесла черепаху и стала рассказывать, как они живут, что кушают и что у них внутри. Поднесла волшебное стекло, и стали видны все кости черепахи, кишки и прочий ливер. По мере того, как мэтресс классная наставница крутила колесико, под стеклом появлялись то скелет, то кровь, то нревная система. Потом она принялась черепаху кормить, и все зачарованно следили, как салатные листики скользят у нее по горлу, падают в желудок, а там варятся в желудочном супе.

Ела черепаха смешно. Вытягивала длинную шею, отщипывала крохотный кусочек, и тут же отдергивалась, как будто этот салатик мог укусить ее в ответ.

Астрид было интересно, что у нее внутри, но еще интересней ей показалось увидеть, что внутри у нее самой. И не только ей – весь класс захотел, чтобы их так просветили волшебным стеклом.

– О, давайте посветим на Астрид! – завопил Юмбек. – Она же демон! Давайте узнаем, что у нее внутри!

– Там наверняка новые тайны природы, – тихонько сказала Уберта.

Даже мэтресс классной наставнице оказалось интересно, и Астрид стали просвечивать. Оказалось, что где-то у нее все похоже на людей, а где-то вообще ни на кого. Что-то стекло даже не сумело показать, особенно желудок.

– У меня там анклав, – скромно сказала Астрид. – Наверное, он.

А вот у остальных все оказалось обыденно и предсказуемо. Точно так, как нарисовано в «Обучателе» на страничках про устройство человека. Мэтресс классная наставница велела всем открыть этот раздел, называла разные органы, а все находили их и показывали – сначала на картинке, а потом под волшебным стеклом.

– Как видите, у человека двенадцать пар ребер... – водила стеклом перед Убертой мэтресс классная наставница.

– И у демона!.. и у демона!.. – прыгала рядом Астрид.

– И у демона, – перевела стекло на нее мэтресс классная наставница. – Но у тебя они расставлены иначе, потому что у тебя крылья. Кстати, коллеги, давайте-ка воспользуемся таким прекрасным случаем и посмотрим на устройство крыла летающего млекопитающего. Конечно, Астрид у нас не рукокрылое, и ее крылья – это по факту ложные ребра с перепонками, но... Астрид, будь добра, распахни крылья. Как видите, под кожей здесь скрываются тонкие кости... Хм, очень прочные, но легкие. Как и ожидается от летающего существа. Три сердца – основное и два вспомогательных...

– Чо?! – выпучила глаза Астрид. – У меня три сердца?!

– Да, очень интересно. Как у драконов.

Для Астрид это было шоком. А мама знает?! А папа знает?!

У мамы тоже три сердца, что ли?

– Ну да, – сказала мама, когда Астрид приехала домой и с порога потребовала ответов. – А что? Просто два маленьких дополнительных сердечка. Их даже не слышно.

– А зачем?

– Ну вроде такой вспомогательной системы. Если тебя ранят в сердце, и ты почему-то не сможешь пользоваться демонической силой, два других не дадут тебе умереть, пока ты не регенерируешь. Или не умрешь от кровопотери.

Астрид не поняла. Зачем кому-то ранить ее в сердце?..

– У нас и яичники продублированы, – добавила мама. – Дважды.

– А это чо?..

– А... это вам потом расскажут. Кстати, ты голодная? Хочешь кыскыдыр?

– О, это мясо в виноградных листьях? – обрадовалась Астрид. – Хочу!

– Тогда мой руки и иди обедать. Ты хорошо себя вела в школе?

– Лучше всех! – сказала чистую правду Астрид.

Глава 5

Майно Дегатти раздул огонь в камине и направил в него побольше маны. Она побежала по трубам, неся с собой жар, раскаляя металл и разогревая дом.

Секрет хорошего отопления – правильное распределение температуры. У обычных людей она расходуется как попало – тут пламя пышет, а тут холодно, тут дым валит, а тут нет ничего. Но владеющий даже элементарными бытовыми чарами волшебник может обогреть целый особняк одним поленом.

Хотя нет, одного все-таки недостаточно. Майно не глядя взял второе, кинул его в огонь... и полено противно заверещало:

– Не сжигай меня, я хочу стать настоящим мальчиком!

– Лахджа! – рявкнул Майно.

Полено расхохоталось, отращивая тончайшие щупальца, вытягивая себя из камина, поднимаясь вертикально и превращаясь в крылатую женщину с серебристой кожей.

– Зачем? – спросил ее муж, кидая на этот раз настоящее полено.

– Тренируюсь, – пожалала плечами Лахджа. – Дерево – тоже органика. Было интересно, смогу ли я тебя одурачить.

– Грандиозный успех, – кивнул Майно. – Я даже не почувствовал твоих мыслей.

– А я просто не думала. Я дерево. Дерево не думает, дурак! Та-а-тарата-та-та-та!..

Лахджа хлопнула в ладоши и убежала, подтанцовывая. Дегатти ухмыльнулся в усы и погнался за ней.

– От меня не спрячешься! – весело крикнул он.

Зима в этом году наступила раньше обычного. Снега навалило столько, что скрылись даже вечные дороги. Астрид, уже четвертую луну ходящая в школу, не могла дожидаться дня Оловянного Ястреба, чтобы передохнуть от этой муки на зимних каникулах.

Но сегодня еще только Шелковый Ястреб. До Оловянного целых пять дней. Пять невыносимо долгих, скучных противных дней... кроме Костяного. Костяной Ястреб – это праздник, Мортудис. В праздники никто не учится.

Начав ходить в школу, Астрид выучила календарь, как свои пять пальцев. Потому что учиться приходится во все дни, кроме праздников и каникул.

– Мама, там все тупые и сопливые! – крикнула она, с яростью хлопая дверью.

Мама ничего не ответила. Папа тоже не отозвался. Астрид подумала, что они, наверное, ушли гулять без нее по зимнему лесу или кататься на санках, и преисполнилась праведной злости. Она давно и твердо уверилась, что взрослые придумали школу, чтобы сплавлять куда-то детей, пока сами занимаются интересными вещами.

Но хотя бы Вероника и все фамиллиары были дома. Матти вообще вернулся вместе с Астрид – он ее часто сопровождал, потому что ему в школе нравилось. Только учительница запрещала ему раскрывать клюв, потому что он знал ответы на все вопросы и все время пытался подсказывать.

Енот гремел посудой на кухне, Снежок сладко дрых в гостиной, а сестру Астрид нашла на чердаке, где та притащила табуреточку и через окошко кидала Волосне крекеры.

– Кусяй, – приговаривала она. – Кусяй.

Астрид аккуратно помогла Веронике спуститься и сама залезла на табуреточку. Волосня сидела там, запертая в комнатухе. Крекеры валялись вокруг нее.

Она их не ела.

– Ей, наверное, мяса надо, – деловито сказала Астрид. – У мамы в подвале есть свиная голова. Я видела, она сказала папе не говорить.

Волосня за лето и осень здорово подросла. Теперь у нее уже были нормальные ноги, почти что руки и вообще она походила на маленькую и очень волосатую девочку. Папа с мамой еще две луны назад переселили ее на чердак, в одну из каморок. Теперь она тут сидела, пока взрослые решали, что с ней делать.

Решение немножко затянулось.

Снизу донеслись приглушенное хихиканье и топот. Ага! Они все-таки дома! Еще и играют во что-то, а детей не позвали! Астрид яростно скатилась по лестнице и заорала:

– Я вернулась домой и хочу КУШАТЬ!!!

– ...проси у енота, он на кухне! – донесся папин голос откуда-то.

– А он мне НЕ ПРЕДЛАГАЛ!!! – заорала еще громче Астрид. – А я, значит, в школу ходить должна, а вы, а вы!.. ВЫ ИГРАЕТЕ!!!

Она распахнула дверь кабинета. Там никого не было. Ворвалась в библиотеку – тоже пусто.

– Да где вы все?!

Ей больше не отвечали. Прячутся. Наверное, еще и лопали всякое вкусное. А в школе-то еда сотворенная!

Астрид уже знала, что сотворенная еда – это для чечпоков всяких.

Это слово она в школе узнала. Образование – это важно.

Астрид так и не нашла родителей. Только в одной комнате у кровати валялся папин кошель. А кровать была еще и не застелена – енот совсем обленился!..

Сосредоточенно пыхтя, по лестнице наконец-то спустилась Вероника. Ей было непросто, с ее коротенькими кривыми ножками.

Астрид посмотрела на нее с покровительственной жалостью. Вот, и такая она ведь будет всегда. Она ведь полудемон... да вырастет ли она вообще? Может, карликом и останется?

– Вероника, кажется, ты останешься карликом, – сказала Астрид.

– Патиму? – задрожала губа Вероники.

– Ты очень медленно растешь. Ты живешь уже много лет, почти два, и до сих пор маленькая. Боюсь, это навсегда. Пойдем кушать.

Помогая Веронике преодолевать ступеньки, Астрид спустилась вниз, где енот уже подал обед.

– Я капусту не хочу, – сказала она, забираясь на стул. – Мне только сардельки.

Енот упер лапки в бока и плюхнул ей двойную порцию капусты.

– А я съем, – стойчески воззрилась на этот кошмар Астрид. – Я съем. Ты не добьешься моих слез.

Нет уж. Бесстрашная Астрид не плакала никогда в жизни, и никогда не заплачет. Даже из-за горы капусты после тяжелого учебного дня. При плохой погоде. По уши в снегу... да, она ехала в карете, но это было грустно. К тому же от ворот она шла пешком... а потом оказалось, что родители предали ее. Послали в школу, чтобы играть без нее.

В капусту капнула слезинка.

Астрид громко шмыгнула носом и съела вилку. Она уже давно не ела столовых приборов, но сейчас почему-то захотелось.

Енот сунул ей миску, полную сарделек. Ладно, может, он не такой уж и злой.

Вероника чинно жевала свою сардельку, прыская горячим мясным соком.

А через час, когда Астрид с Вероникой смотрели мультики, откуда-то сверху спустились родители.

– Явились, не запылились! – бросила заранее заготовленную фразу Астрид. – А сардельки АСТЫЫЫЛИ!!! И никто вас не ждал, играйте хоть весь день, а потом ГОЛОДАЙТЕ!!!

В эти слова Астрид вложила всю свою обиду. Взлелеянную, вскормленную, напитанную гневом и разочарованием.

– Не куксись. Как дела в школе? – безмятежно спросила мама.

– Плохо, там все тупые чечпоки. И свиньи.

Свиньи. Астрид вдруг вспомнила, что забыла покормить Волосню! А она же обещала!

И пока родители сначала спрашивали у Вероники, кто это тут такой хороший, а потом лопали остывшие сардельки с капустой, Астрид незаметно спустилась в подвал.

Та часть, где мама режет трупы, всегда заперта, хотя тоже тайна нашлась, Астрид давно знает, что там происходит. Она не маленькая, она давно разгадала все взрослые секреты. Там и нет ничего интересного, в этой резекторской, только столы и простыни.

А вот где мама хранит всяких гомункулов в банках, вот там интересно! Мама после Волосни всякое стала делать с жучками, паучками, таракашками... они умирали, в основном, но мама говорила, что это просто неудачные бразцы и надо дальше.

Свиную голову Астрид нашла на леднике. Там, где мясо и рыба. Тут очень холодно, поэтому Астрид демонстративно задрожала и подула на пальцы. Она даже сумела сделать, чтобы изо рта пошел пар, как у смертных детей.

Правила. Надо соблюдать правила. Может, ей и не нужно дышать, но она будет дышать, потому что иначе она как немтырь какой-то, а немтыри ненастоящие, Астрид это в школе узнала.

Она бы не обиделась так на маму с папой, если бы ее сегодня не обидели в школе, а мама с папой не занимались бы чем-то своим, хотя им надо было утешать единственную дочь!.. ладно, не единственную. Старшую и любимую!

Просто сегодня они на перемене бегали во дворе, и Астрид ненадолго забыла дышать. И Уберта заметила, что у нее на морозе не идет пар, а у остальных идет. А Освельдек начал дразниться и называть ее немтырем, и Астрид хотела выцарапать ему глаза, но не выцарапала, потому что она хорошая девочка.

Она просто толкнула Освельдека в сугроб и не давала вылезти, пока он не заревел. Но обида в душе Астрид от этого никуда не делась.

Она вспомнила, как Освельдек вопил и звал своего немтыря, который провожает его в школу, а немтырь пытался помочь, но не имел права, потому что немтырям запрещено причинять вред живым, а Астрид живая, вот! Это было ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ!

А потом еще в школе. Кланос и другие старшие дети стали задавать ей вопросы всякие, а она отвечала честно, а потом увидела, что они над ней смеются. Им почему-то было смешно, что мама – фамиллиар папы. Они фукали и делали вид, что сейчас сблюют. Особенно Пирилла, у которой мама тоже фамиллиарщица, но у нее только собака.

А еще они смеялись, что Астрид вообще на папу не похожа, и называли ее котомкой, а это тоже обидное слово. Астрид спросила, почему Кланос смеется со всеми, он же ее друг, а Кланос ответил, что ничего он ей и не друг, с чего это вдруг. Тогда Астрид сказала, что тогда ничего страшного, если она сломает ему ноги, и пошла ломать, а Кланос испугался и убежал жаловаться мэтресс классной наставнице. Ему хоть и десять лет, а Астрид шесть, но они ее все равно боятся.

Ну ничего, она выдрала немного волос Пирилле, сделала подножку жирному Огусу, а потом мэтресс классная наставница поставила ее в угол. И попугая тоже, потому что он как-нул на Кланоса сверху.

А угол Астрид из чувства гордости заняла верхний. И тарасилась оттуда на остальных, так что никто не мог писать.

– Астрид, развернись, пожалуйста, спиной к нам, – попросила мэтресс классная наставница.

– Я спиной к вам, – ответила Астрид, показывая язык.

Она не хотела вспоминать эти плохие вещи и думать о том, что завтра придется возвращаться к этим дуракам, которые ее называют немтырем и котомкой, но все равно вспоминала

и думала, пока тащила на чердак свиную голову. Пусть хоть у Волосни все будет хорошо, раз жизнь Астрид превратилась в сплошное страдание.

Но на следующий день Астрид вернулась из школы веселая, потому что во время перемены на дереве застрял котенок и все бегали и не знали, что делать, а она просто взлетела и сняла его. Теперь она герой. Астрид всем так и сказала, а Кланосу сказала, что раз она герой, а он ей не друг, то он злодей. И Кланос пытался поспорить, но разве же с такой логикой поспоришь?

Так что сегодня Астрид ни на кого не дулась. Но покормить Волосню все равно не забыла, и на этот раз Волосня даже издала какие-то звуки.

Астрид решила, что раз у нее нет больше астридианцев, она вырастит себе прихвостня из Волосни. Будет у нее целых два прихвостня – Волосня и Вероника. С такой армией уже много чего можно добиться.

И так шло день за днем. А во время зимних каникул Лахджа просто лежала на диване и разгадывала кроссворд. За окном завывала метель, в дальнотеркале препирались два старых волшебника, а она вписывала слова в клеточки.

Искусство правильно и красиво писать...

– Каллигр-рафия! – крикнул сзади Матти.

Божий суд у дармагов...

– Ор-рдалия!

Военная пляска с вооружением...

– Пир-р-риха!

– Так, погоди, сколько именно «р»?

– Две!

Разгадывать кроссворд с попугаем было легко, хотя и скучно. Но на Парифате много терминов, которые здесь-то известны каждому эрудиту, а вот Лахджа о них понятия не имеет. Мир большой, культур и народов полно, а она живет здесь только пятый год... сколько именно она тут уже живет?.. Кажется, была весна двадцать первого года, когда они сбежали из Паргорона и поселились в той квартирке при Клеверном Ансамбле...

Ностальгические мысли развеялись, когда в гостиную ворвалась Астрид с воплем:

– Мам, тебя Волосня зовет!

– Что? – подняла взгляд Лахджа.

– Зовет тебя, – повторила Астрид.

Мама медленно отложила кроссворд и поднялась на чердак. Открыв окошко каморки, она увидела своего... питомца?.. порождение?.. мутировавшего клона?..

Лахджа проверяла Волосню каждый день. Со вчерашнего вечера та не слишком изменилась, но теперь смотрела прямо в окошко. За волосняной занавесью пылали желтые глаза.

– Госпожа-а-а... – раздался невнятный голос.

Ого. Оно научилось разговаривать и узнает Лахджу. Надо же.

– Чего ты хочешь? – спросила демоница.

Волосня невнятно забормотала. В ее лепете проскальзывали слова «выйти» и «есть».

Лахджа задумалась. Это существо – определенно демон. Не высший и пока даже не особо разумный, но очень быстро развивающийся. Волосня родилась в середине прошлого лета, ей неполных полтора года – а она уже похожа на человека. Маленького, жуткого и очень волосатого – но в темноте можно перепутать.

Демоница призвала на помощь мужа. Уже вместе они принялись обследовать это странное существо. Оказалось, что под копной волос прячутся вполне сформировавшиеся ручки и ножки...

– Ты ей что, еще плоти давала? – осведомился Майно.

– Да нет... почти...

– Нет или почти? Лахджа, ты понимаешь, что создание демонов – это опасно граничит с Карцерикой?

– Запрещено?

– Само по себе – не запрещено. Если просто так создавать, в виде эксперимента.

– Ну мы и создали просто так. В виде эксперимента.

– Зачем?

– Ну случайно же получилось. И что мне было делать? Позволять ей остаться бесформенным комком?

Волосня с надеждой воззрившись на Лахджу. Майно еще раз пристально ее осмотрел, изучил ауру и подтвердил предварительные выводы: у них стихийно самозародился демон-гомункул. Как тахшукан, только иного типа и более сложный.

– Пока это был комок волос – это был просто комок волос, пусть и оживший, – подытожил Майно. – Демоникал, что-то вроде демонического немтыря. Но ты стала его напитывать своей плотью, и алала, у нас прибавление.

Лахджа вздохнула. Майно вздохнул. Волосня вздохнула.

Немного еще подумав, Дегатти добавил:

– Но это тоже хорошая тема для изучения. Можно посвятить целый раздел монографии.

– То есть оставляем?

– Пока что. Только надо наложить запреты.

Лахджа понимающе кивнула и присела на корточки. Она уставилась в желтые глаза Волосни и приступила к гипнотической установке.

– Ты рождена от меня, ты мне повинешься, – говорила она, вкладывая в слова демоническую силу. – Ты не будешь причинять вред мне, моей семье, моим питомцам...

– Соседей тоже включи, – велел Майно. – А лучше вообще никому.

– Ты не будешь причинять вред никому, пока я не сниму запрета, – переделала директивы Лахджа. – Ты не покинешь территорию усадьбы без моего разрешения.

Волосня мерно кивала. С более сложными разумами у Лахджи такое не получалось, но на маленьких детей, животных и подобных примитивных созданий силы хватало.

С этого дня Волосня стала по пятам ходить за Лахджой. От нее исходило благоговение перед госпожой... и одновременно глухая враждебность... хотя нет, неверное слово. Просто Волосня смотрела на Лахджу так, как голодающий смотрит на горячий шашлык.

– Это какой-то психологический террор, – сказала Лахджа уже через пару дней. – Я не могу, она все время за мной ходит!

– Я предупреждал, – пожал плечами Майно.

Они были в спальне, а Волосня стояла в коридоре и покачивалась. В щели под дверью виднелась ее тень.

– Давай ее хотя бы на ночь запираешь, – сдала позиции Лахджа. – Пока она не перестанет так делать.

Астрид, которая сначала радовалась, что Волосню освободили, постепенно стала ту побаиваться. Демонический гомункул и на нее тарасился с какой-то нездоровой жадностью, хотя и не так, как на маму. А Веронику Астрид вообще начала прятать, потому что Вероника маленькая и глупая, с ней Волосня легко справится.

«Признаться, мы вплотную подошли к необходимости уничтожить это существо», – писал в монографии отец семейства. – «Несмотря на то, что ночью оно остается в комнате на чердаке, и мы наложим на него запрет нападения на кого-либо, я все сильнее опасюсь этого создания. Оно слишком быстро растет, хотя давно уже не получает плоти породителя».

«Фамиллиарной связи с ним не сформировалось», – добавил он на следующий день. – «Несмотря на то, что оно появилось непосредственно из плоти моего фамиллиара, оно само-

стоятельное существо. Следовательно, демоникалы-гомункулы фамиллиара не будут под-контрольны волшебнику».

К началу весны Волосня стала больше, чем Астрид. Все еще похожая на бесформенную копну волос, она выучивала все новые слова и уже могла поддерживать простой диалог, а Вероника без страха и смущения играла с ней в конструктор.

Поначалу Астрид отгоняла Волосню от сестры, но постепенно убедилась, что в этом нет смысла. Во-первых, за Вероникой всегда приглядывал кто-нибудь из фамиллиаров. Токсин вообще постоянно был где-то рядом, ползал по стенам, прятался в тенях.

Ну а во-вторых, за всю зиму Волосня не сделала ничего плохого, только пугающе тарасщилась. Но это ничего, просто у нее взгляд такой.

За стол ее, правда, все-таки не приглашали, она питалась отдельно. На этом настоял папа, хотя мама ворчала, что это притеснение.

К папе в кабинет Волосня даже не заглядывала, она все время была где-то рядом с мамой. Когда та была дома, Волосня тоже бродила поблизости, обычно вместе с Вероникой. Когда та гуляла по лесу или медитировала в заснеженном саду камней – мелькала где-то за деревьями. Когда танцевала с папой в воздухе – тревожно попискивала внизу. А по вечерам, когда семья собиралась у камина и дальнзеркала, когда включали ноутбук или раскладывали настольные игры, Волосня замирала в углу и сверлила маму взглядом.

– Можно ее оттуда убрать? – косилась на нее Астрид, мазюкая язык чернилами. – Я не могу сосредоточиться, когда она смотрит.

– Ты и без нее сосредоточиться не можешь, – рассеянно ответила мама. – Пиши условие. В трех ящиках сорок два исгодына. В первых двух вместе двадцать семь исгодынов. Сколько исгодынов в первом ящике, если во втором на четыре меньше, чем в третьем?

Астрид дописала и задумалась. Стало почти слышно, как у нее скрипят мозги.

Арифметика девочке упорно не давалась. Еще в четыре года научившись считать до ста, она самоуверенно решила, что этого ей хватит до конца жизни. За полгода в школе Астрид все-таки худо-бедно освоила четыре арифметических действия, но задачи по-прежнему вызывали у нее оторопь.

Домашних заданий на Парифате не задают, этот способ еще сильнее поработить детей здесь пока не придумали. Но мэтресс классная наставница на днях попросила Лахджу позаниматься с Астрид отдельно, потому что по арифметике она отстает, что для демоненка довольно странно.

– Странно, тоже мне, – ворчала Лахджа, рассматривая дочь в волшебные очки. – Что тут странного? Что, если демон – то обязательно умный? Да в Паргороне ровно такой же процент идиотов, что и на Парифате!

– Кстати, меня это всегда немного удивляло, – сказал Майно, учащий с Вероникой новые слова. – У вас же там кэ-сеть есть. У каждого храка полный доступ ко всем знаниям.

– А это не помогает, – хмыкнула Лахджа. – В моем мире изобрели Интернет, и там уже лет тридцать тоже у каждого храка полный доступ ко всем знаниям. Что, думаешь, у нас после этого докира умных стало? Тупых почти не осталось, думаешь?

– Полагаю, правильный ответ – «нет».

– Вот именно. Если что и изменилось, то в худшую сторону. Кто хочет учиться, тот и без кэ-сетей научится, а кто не хочет, тот и в кэ-сетях будет только на пердящих огров смотреть.

Астрид, которая как раз незаметно переместилась от задачника к ноутбуку и включила «Шрека», сердито засопела. Она не видела смысла учиться считать исгодыны, когда есть магия.

– Матти, сколько в первом ящике? – спросила она.

– Кр-ра-а!..

– Не подсказывать! – защемила попугаю клюв Лахджа. – Ща кому-то перья повырываю!

– Это террор, – укоризненно сказала Астрид. – Вероника, скажи «террор».

– Тиёй, – послушно сказала Вероника.

– Террор, – неожиданно сказала Волосня.

– Мои дети учат новые слова, – смахнула слезу умиления Лахджа.

– Это не твой ребенок! – вскочил Майно. – С меня хватит, ты обращаешься с ней, как со своим сыном... дочерью... особью!

– Да она из моей плоти и крови, – отмахнулась Лахджа.

– Я на это не соглашался, – ткнул пальцем Майно. – А кроме того, она опасна для тебя.

– Не опасна, – неожиданно заспорила Волосня.

Лахдже стало жалко это существо. Но она понимала, что муж тоже прав – это не ее ребенок, а просто случайный клон или... в общем, плод подсознательного применения демонической силы.

И неизвестно, не повторится ли такое в дальнейшем. Что же ей – каждое такое случайное порождение усыновлять и воспитывать?

– Черт, я думаю, как Хальтрекарок, – в ужасе поняла Лахджа.

Но вообще-то, в этом есть резон. Отчего бы не переправить Волосню в Паргорон? Здесь такому гомункулу и паспорт не выдадут – для этого нужно, чтобы какой-то волшебник за тебя поручился, взял ответственность за твое поведение и поступки. Если Лахджа или Астрид кого-то убьют, в Карцеруку за это сядет Майно.

Брать на себя ответственность за полубезумного гомункула он точно не станет.

Но прямо сейчас Волосня в Паргороне не выживет. Она маленькая, слабая и недоразвитая.

И Лахджа приняла решение.

На следующий день, когда муж углубился в монографию, она спустилась с Волосней в подвал и сказала:

– Волосня, я не могу оставить тебя здесь. Ты всегда будешь хотеть меня сожрать. Ты мечтаешь о моем мясе. А я всегда буду это знать и не смогу расслабиться.

Существо ничего не ответило, но взгляд его пылающих глаз был красноречивей любых слов. Лахджа вздохнула и добавила:

– Поэтому нам придется расстаться. Но отправить тебя в Паргорон такой, как ты есть сейчас, я не могу. Чтобы ты могла за себя постоять, я сделаю тебе на прощание подарок.

И она протянула существу три свертка, обвязанных подарочной лентой. С них капала кровь.

Лахджа позаботилась, чтобы эти ее обрубки не истлели сразу же. Отделила их так же, как отделяла волосы для плаща – соблюдая строгий ритуал, сохраняя глубокое сосредоточение.

Но волосы и так сохраняются гораздо дольше плоти. А вот эти куски все равно разлагаются очень быстро, так что...

– Ешь скорее, – велела Лахджа.

Волосню не надо было упрашивать. Она разорвала обертку и сначала с жадностью проглотила зуб и глаз, а потом смолотила руку.

Результат не заставил себя ждать. Гомункул на глазах принялся разрастаться и меняться. Из-под волос высунулись дополнительные руки, длинные и когтистые. Повсюду проклюнулись новые глаза – по-прежнему пылающие, но более осмысленные. Они появлялись то тут, то там, сами собой возникали и исчезали во всех частях тела.

Рот увеличился. Превратился в пасть. Широкою и клыкастую, зубы заострились и удлинились. А волос, кажется, стало меньше. Многорукое и многоглазое создание все еще было прикрыто их занавесью, но теперь уже не напоминало этакую ходячую копну. Сейчас оно скорее стало похоже на монстрообразную версию девочки из «Звонка».

– Ага, ты все-таки девочка, – неуверенно кивнула Лахджа. – Оно и понятно...

Волосня ощупала себя несколькими ладонями, поглядела на них несколькими глазами, уставилась на Лахджу и произнесла:

– Мама...

Лахджа умиленно наклонила голову. У нее немного защемило сердце.

Ее первое демоническое существо. Без возможности воспроизводиться, поскольку других таких нет, но настоящее и, кажется, эффективное.

– Тебе нужно название... и имя, – задумалась Лахджа. – «Волосня» звучит несерьезно, это больше домашняя кличка. Биологический вид я назову «аргусом», а имя... ты будешь зваться Хисаданних. По-паргоронски это значит «пучок волос». Нормальное имя для нормального демона.

Юная Хисаданних кивнула. Лахджа снова умилилась, ей стало жалко отсылать свое порождение в чужой и неудобный мир, где все друг другу враги.

Но теперь Майно уж точно не согласится ее оставить. Когда у нее такая-то пасть и когтищи.

– Я отправлю тебя к Мазекресс, – решила Лахджа. – В некотором роде она твоя бабушка.

– Вообще-то, теперь ее можно продать и подороже, – донесся голос Майно. – До этого она была просто странным и бесполезным гомункулом, а теперь Аргубба даст орбов двадцать, а то и больше.

– Давно ты там стоишь? – повернулась Лахджа.

Майно пожал плечами. Он заподозрил неладное, когда жена закрылась от него ментально, а потом его все-таки достиг импульс боли. Чтобы плоть не начала сразу же гнить и истлевать, Лахдже пришлось всерьез это прочувствовать, оставить в обрубке частицу самой себя.

Так что Майно незаметно спустился, но не встретил. Это ее решение.

– Я отдала ей частицу своего духа, – сказала Лахджа. – Почти как фамиллиарщик. Рука и глаз у меня уже отросли... ну и зуб тоже.

– Это слишком щедро, надеюсь, дальше ты не будешь... прикармливать чудовищ, – проворчал Майно. – Если так одарять каждого гомункула, от тебя ничего не останется.

– Можно еще? – попросила Хисаданних, неотрывно глядя на Лахджу.

– Нет, милая, – отказала та. – С тебя достаточно.

– Кушать, – произнесла Хисаданних. – Хочу кушать.

– Ну что, продадим Аргуббе? – деловито спросил Майно.

– Йа не отдавать свой франкенштейн на забава какой-то дер ворлок! – высокопарно ответила Лахджа, начиная превращаться...

– Ну не начинай! – взмолился Майно. – Ладно, ладно, к Мазекресс я ее могу отвести сам!.. хотя нет, мне не стоит в Паргорон... Ладно, Вератора попрошу, у него есть вехот.

– Да ладно, мы все сделаем проще, – пожала плечами Лахджа. – Ахвенон! Итиорбен этроог!

Из воздуха вывалился всклокоченный фархеррим. Кажется, он дрых, когда его призвали, и теперь растерянно лупал глазами.

– Поздравляю, Ахвенон, – доброжелательно сказала Лахджа. – Сегодня ты погасишь треть своего долга.

Глава 6

Последним уроком сегодня была философия. Астрид вполуха слушала, как мэтресс классная наставница рассказывает, как волшебники в древние времена воевали с Бельзедором, а смотрела только в окно, потому что там все росло и цвело, светило солнышко, и уже переминался с ноги на ногу Сервелат, который отвезет Астрид домой, где она будет радоваться жизни...

– ...Дегатти, ты слушаешь?! – прервал ее мысли сердитый окрик.

– Да-да, Бельзедор всем надрал жопы, – ответила Астрид, за что получила линейкой по темечку.

Мама говорила, что телесные наказания в школах – это архаизм, но по-своему очень прогрессивный. А папа удивлялся, когда та рассказывала, что в ее родном мире учителям нельзя бить детей. Он просто не понимал, как те справляются с хулиганами. А мама отвечала, что никак, поэтому они просто игнорируют хулиганов, и те делают, что хотят, а иначе учителям придется заполнять кучу бумажек и делать кучу всякого помимо обычной работы.

Астрид хотелось учиться в такой школе.

Но она училась в обычной школе, безжалостной к детям. Астрид силой вытащили из-за парты и заставили стоять у доски, отвечая на глупые вопросы.

– И когда Темный Властелин стал покорять окрестные народы, он накладывал на них... что он накладывал? – выжидательно уставилась на Астрид мэтресс классная наставница.

– Кучу?.. – предположила Астрид.

– Дегатти, не паясничай. Подумай. Что покоритель накладывает на покоренных?.. ну?.. да-а-а... дань, Дегатти, он накладывал дань.

– Нет! – возразила Астрид. – Дань ему платили! А для него это была не дань, а взянь!

Класс грохнул, дети залиvisto рассмеялись, хлопая крышками парт. Астрид засияла от восторга, а вот мэтресс классная наставница сделала такое лицо, словно съела целый лимон, и сказала:

– Астрид Дегатти, не превращай каждый ответ в балаган.

– Как же не превращать, если у меня такая благодарная публика?! – запротестовала Астрид, ослепительно улыбаясь. Ее золотистые глаза светились от счастья.

– Сядь, – приказала мэтресс классная наставница, и Астрид снова прилетело линейкой.

Класс снова наполнился мерным учительским голосом, снова погрузился в сонное оцепенение. Но вот философия наконец-то кончилась, причем Астрид не поняла финал истории. Маги вроде как и проиграли по всем признакам, но подано это было как эпическая победа.

– Я не понимаю, маги проиграли или победили?! – спросила она, пока остальные вставали из-за парт, собираясь домой.

– В краткосрочной перспективе проиграли, а в долгосрочной – победили, – объяснила мэтресс классная наставница, которая тоже уже собиралась домой.

– То есть проиграли, – поняла Астрид.

– Дегатти, персонально для тебя задание на дом – прочитать дома или расспросить кого-нибудь об этой истории подробнее и подготовить доклад, – мстительно приказала мэтресс классная наставница. – У тебя домашним призраком дедушка-историк, да?.. Вот пусть он тебе и расскажет.

– Не-е-ет!.. – запротестовала Астрид. – Я больше никогда не буду спрашивать учителей вообще ни о чем!

Из школы она выходила недовольная. И недовольства ей только прибавил Кланос Пордалли, стоявший у крыльца с Пириллой и жирным Огусом. Уберта сразу подбежала к брату, а Астрид хотела пройти мимо, но Кланос ее окликнул:

– Дегатти, будь добра, задержись ненадолго.

Астрид не хотела задерживаться. Она хотела поскорее поехать домой, потому что сегодня день Замшевого Крокодила. По календарю это самый конец весны, а по правде даже и начало лета, уже и смертные начали купаться.

А что еще лучше, после Замшевого Крокодила идут Костяной и Янтарный Крокодилы, а они оба праздники, Павордис и Аквадис, Кошмарный и Водяной Дни! Очень, очень чудесные праздники, и не только потому, что не надо ходить в школу, но и потому, что в Кошмарный День все наряжаются чудищами и рассказывают страшные истории, а в Водяной – идут купаться, потому что вода во всех реках и озерах становится чудесной и официально открывается купальный сезон!

И Астрид не терпелось поехать домой, чтобы насладиться сразу двумя праздниками подряд, потому что это почти как маленькие каникулы!

Но Кланос сказал, что у него к Астрид очень важное дело, и она пожалеет, если не выслушает. Астрид усомнилась, что Кланос может заставить ее пожалеть, и на всякий случай выпустила когти, но Кланос объяснил, что это не угроза, а просто дело действительно очень важное, так что если Астрид не поучаствует, то будет потом жалеть всю жизнь.

Они дождались, пока придет Эстур, старший брат Уберты, и младший – Кланоса. Его класс немного задержали после уроков, сказал Эстур, но его сразу разоблачили, потому что все третьеклассники давно вышли, так что и дурак бы понял, что задержали одного только Эстура. Кланос за вранье дал брату подзатыльник, но потом все-таки соизволил объяснить, что ему надо от всех них и особенно от Астрид.

Очень важно задирая подбородок, Кланос напомнил, что заканчивается луна Крокодила. Осталось всего две луны до конца учебного года, а у Кланоса это последний учебный год. Он закончит пятый класс, а сразу после папа повезет его в Валестру, поступать в Клеверный Ансамбль. А значит, Кланос уже без пяти минут волшебник. А значит, ему уже сейчас надо чем-то прославить свое имя, чтобы иметь чем козырять на вступительных экзаменах.

– Я придумал, – заявил он. – Завтра Кошмарный День, а послезавтра Водяной. А значит, мы все пойдем охотиться на водяного Радужной реки.

– Ну идите, – сказала Астрид.

– Все пойдем. И особенно ты, Дегатти. Потому что нам нужен демон в команде.

– Ясно дело, нужен. Но где ж вы его возьмете?

– Дегатти, я без пяти минут волшебник, и у меня должен быть свой демон, – достал блокнотик Кланос. – Я записал тебя как своего демона.

Астрид ахнула, выхватывая блокнотик. Не может быть!

Да, тут так и написано. Что же делать?! Черным по белому, прямо буквами записано, что Астрид – демон Кланоса Пордалли.

С написанным же не поспоришь!

У Астрид поник хвостик и обвисли крылышки. Вот так это происходит, да? Вот так колдуны порабощают демонов? Ей всего шесть с половиной, а она уже угодила в кабалу...

– Так, стой! – оживилась она. – Я же ничего не подписывала! Эта писулька не имеет дерической силы!

– Подписывала! – возразил Кланос. – Вот, смотри, тут написано: «Астрит Дегатти».

– Ты сам это написал, еще и с ошибкой!

– Я не виноват, что у тебя имя не мистерийское! Я не знаю, как оно пишется!

– Ну вот и все тогда – если ошибка в имени, дерической силы нет, это даже дурак вроде тебя знать должен!

– Ну и ладно. Тогда на водяного пойдем без тебя.

Кланос развернулся, махнул остальным и затопал к големическому омнибусу.

А Астрид поняла, что прогадала.

– Так, стойте! Я вас не отпускала! – догнала она остальных. – Ты не дальноркий, Кланос! Вам без демона конец! Водяной вас утопит, а меня он знает! Я маме помогаю свиней для него топить!

– Что?.. – опешил Кланос.

Дети испуганно переглянулись. Нечисть сговорилась и топит мистерийских свиней во славу Паргорона!

– Ну да, – ковырнула носочком землю Астрид. – Он так-то детей любит жрать, но мама уговорила его на свиней. Пока что перебивается, но вы для него слишком большой соблазн, так что без меня вам конец...

– Ладно, так и быть, пойдешь с нами, – милостиво согласился Кланос.

Астрид обрадовалась, но немного и растерялась. В какой момент она сама стала упрашивать остальных взять ее туда, куда она сначала не хотела?..

Пожалуй, это она не дальноркая.

Она подумала, что жаль, что нельзя с собой взять Веронику. Она пока слишком мелкая и у нее мозг с фасолину. Мама никуда ее не выпускает, чтобы не позорила семью своей сопливой мордой.

Сначала все поехали к Пордалли, чтобы пообедать, потому что нельзя же идти на охоту на голодный желудок. Мама Кланоса сделала недовольное лицо, увидев, сколько гостей привели сегодня ее дети, но ничего не сказала, а их домовик просто разложил на столе дополнительные приборы.

Астрид любила ходить к Пордалли. У них все не так благочинно, как у Рокуалли, правила не настолько строгие, и даже можно бегать по дому, не боясь, что бабушка Леонетт начнет выговаривать, что приличные девочки ходят грациозно и неспешно. У Пордалли целых четверо детей, и хотя Кланос жутко противный, с остальными Астрид часто играла в огробег, уош или прятки, а если погода плохая, то в карты, шашки или «Поиск сокровищ».

Кланос велел не говорить взрослым, что предстоит охота на водяного. Поэтому у всех детей на обеде был очень таинственный вид, они перемигивались и многозначительно кивали друг другу. А когда тетя Пордалли спросила, чем они планируют заняться такой оравой, все очень убедительно и очень хором сказали, что ничем особенным. Так, поиграют... у реки.

– Не балуйтесь, – велела тетя Пордалли. – И долго не купайтесь, Водяной День только послезавтра. Не хватало заболеть в конце учебного года. Тебя это особенно касается, Кланос. Помни, у тебя через две луны экзамены. Провалишься – придется еще год ждать.

– Да я готов, – пренебрежительно отмахнулся Кланос. – Я не буду купаться, ма.

Все поели быстро, только пришлось немного подождать жирного Огуса, потому что он попросил добавки и отказывался вылезать из-за стола, пока все не съест.

– Огус, ну ты чо такой жирный-то?! – возмутилась Астрид, которой уже не терпелось попасть на приключение.

– До реки далеко, – проворчал Огус. – Надо набраться сил. Можно еще тарелочку, мэтресс Пордалли?

– Конечно, Огус. Но ты бы... а ладно.

Большинству взрослых нравится Огус, потому что он много жрет, а взрослые любят такое в детях, особенно бабки. Но тетя Пордалли немного скуповата, Астрид давно заметила. Она не возражает, когда Астрид рвет у нее яблоки или собирает малину, но всегда делает такое лицо, словно ее ножами тычут, а однажды даже спросила, чем ее малина отличается от той, что растет в саду Дегагги, хотя это глупый вопрос, потому что всем же известно, что чужая вкуснее.

И с Астрид-то все понятно. Она наполовину гхьетшедарий, поэтому у нее хороший аппетит. Гхьетшедарии способны съесть все, что хочешь, и вообще любят есть. Так мама сказала. Но Огус-то человек. Или нет?..

Огус... похоже на огр... наводит на некоторые мысли, если вы спросите Астрид.

– Огус, ты что, полуогр? – спросила она, когда он наконец-то нажрался, и все пошли на реку.

– Что?.. – покосился на крылатую малявку Огус. – Нет.

К реке шли обходным путем, вокруг усадьбы Дегатти. Прошли мимо заброшенной пасеки, долго шагали через луг и наконец добрались до реки. Все Пордалли и жирный Огус и так тут часто бывали, а вот Пирилла живет далеко, у самых Радужниц, так что речку она увидела впервые.

– Ого, сколько лотосов и цветов... – удивилась она.

– Ага, это водяной выращивает, чтобы маме приятно было, – похвасталась Астрид. – Он сказал ей передать это... тока я забыла... я потом передам.

– Гы-гы, к твоей маме водяной подкатывает, – аж затрясся жирный Огус. – Нарождает тебе потом головастиков, будут тебе вместо братьев!

– Слышь, ты, Огус!.. Жри тину!.. Ты же любишь жрать!..

– Фу, Огус, нельзя же чужих мам трогать, – поморщился Кланос.

– Я и не трогаю, я ж не водяной... бхе-е!..

Астрид очень метко швырнула в Огуса комком грязи.

Кланос уже все продумал. Он даже нарисовал план в блокнотике. Немножко карту и чертеж ловушки. Астрид думала, что они пойдут на их пляж, но Кланос сказал, что там водяной не попадется, слишком шумно. И они пришли к мостику, который на территории дяди Кацуари. Там, где Астрид с папой и Снежком очистила помойную яму.

Яма все еще была тут, только теперь не такая замусоренная. В ней уже снова немного накопилось всякого, но пока еще мало, и остальные дети ничего не увидели. А Астрид увидела и подумала, не скинуть ли туда Огуса, но сжалась... над ямой. Она такого не заслужила.

Прямо за ней был и мост через реку. Не такой красивый, как у них, сразу видно, что по нему только дядя Кацуари ходит, да и то редко. У него вообще все какое-то грязное и некачественное, потому что он порченик.

– Ну и что, как мы будем водяного ловить? – спросил Эстур, подтягиваясь на перилах.

– Завтра Кошмарный День, – объяснил Кланос. – Вся нечисть вылезает и празднует. А послезавтра Водяной День, и водяной будет отдыхать. У него как бы два праздника подряд. Вот между ними мы его и подстережем.

– А сейчас мы тут что делаем? – не поняла Астрид.

– Планируем.

– А мы не могли планировать где-нибудь еще?

– Мы должны изучить местность! И расставить ловушки!

– А где у нас ловушки? – осмотрела свои руки Астрид.

Кланос постучал себя по лбу и достал из сумочки флейту и длинную-предлинную сеть. Астрид завистливо на это посмотрела – она тоже все выпрашивала у мамы многомерную сумочку, но ей не покупали.

– Мы поставим сети, положим в них приманку, а потомждемся водяного, – объяснил Кланос. – А когда он придет, я заиграю на флейте, и он станет смирным. И будет мне служить... или отдаст сокровища, как захотим.

– Ты умеешь играть на флейте?..

– Ладно, Пирилла заиграет на флейте, – исправил план Кланос.

– А ты умеешь? – спросила теперь у Пириллы Астрид.

Пирилла, как оказалось, умела. Причем очень хорошо. Астрид снова позавидовала, только теперь музыкальным способностям. Сама она несколько раз пробовала поиграть на клавишине в гостиной, но Тифон сразу начинал выть.

Как и сказал Кланос, подготовку к охоте начали с обследования местности. До самого вечера дети лазили в камышах, кидались грязью и купались, пока не посинели, потому что

вода все-таки была еще не особо теплая. Не мерзла только Астрид, но она тоже старательно дрожала и даже покрылась пупырышками, чтобы ее опять не начали дразнить немтырем.

Еще у Кланоса в сумке нашлись целых два дыхателя, и все по очереди надевали их и исследовали речное дно. Там, правда, оказалось мало интересного – только водоросли, раки, да один раз вдаль промелькнула длинная темная тень, и все быстро вылезли на берег. Астрид надеялась найти какие-нибудь свиные кости или черепа, но мама топила их ниже по течению, и досюда ничего не доплывало.

А когда стемнело, все разошлись по домам ужинать, но с уговором назавтра собраться снова, причем непременно отпроситься на ночь и набрать побольше припасов. Пирилла, которая жила у самых Радужниц, убежала самая первая, чтобы не ехать на омнибусе по темноте, за ней утопал Огус и все Пордалли. Ну а Астрид, которая отсюда могла увидеть свой дом, если бы не деревья, еще немного покупалась, и только потом ушла.

Гулять одна ночью она не боялась. Чего ей бояться? Это их поместье, их земля. К тому же Астрид демон. Даже если за каким-то деревом притаился Фобози, который утаскивает маленьких детей, то ее он не утащит, потому что Астрид демон и ничего не боится... она сама утащит Фобози и посадит в клетку.

Подумав об этом, Астрид на всякий случай ускорила шаг, а потом вообще взлетела. Она уже почти совсем хорошо летала, и хотя подниматься высоко в темноте боялась, Фобози она боялась еще сильнее, хотя папа и говорит, что он выдумка.

– Мама-мама-мама, за мной Фобози гонится! – выпалила она, влетая в заднюю дверь.

Сердце колотилось, как бешеное.

– Никто за тобой не гонится... ой, Фобози!.. – ахнула мама.

– Где?! – взвизгнула Астрид.

– Хе-хе-хе... трусиха ты.

– Между прочим, завтра Кошмарный День! – выпалила Астрид.

– Да, у Фобози, наверное, дедлайн, – посочувствовала выдуманному страшилищу мама.

Кошмарный День не такой страшный, как Злой. В Злой День даже волшебники стараются покрепче запирать двери и окна, хотя и мало кто в этом признается. А когда темнеет, никто вообще не высовывает носа на улицу, потому что в полуночные часы над крышами летает злая старуха Юмпла, рассыпая проклятия и похищая зазевавшихся детей.

Но и в Кошмарный День можно здорово напугаться. В прошлом году, когда Астрид была гораздо моложе, к ним в гости пришли Пордалли, Рокуалли и Янгетти, они все набились в мансарду и слушали рассказы дедушки Айзы. Он знает кучу страшных историй, а к тому же он призрак и умеет очень жутко завывать. А потом еще и мама к ним поднялась и тоже рассказала историю про Ключерштатена, причем в конце добавила, что это все происходило с ней самой, так что Астрид потом всю ночь сидела со светом и боялась услышать цоканье копыт.

А на этот раз они будут ночевать в лесу. На берегу реки. В Кошмарный День. Поджидая водяного. Рядом с ходящими в темной воде огромными сомами.

Чего тут бояться-то?

Астрид так и сказала, когда к реке пришли Кланос и Эстур со спальными мешками. Маленькую Уберту ночевать в лесу непустили. А вот Астридпустили, хотя она младше Уберты на целых три луны.

Это потому что мама доверяет Астрид и уважает ее силу.

Жирный Огус тоже принес спальный мешок и целую гору всякого пожевать. А Пирилла явилась в сопровождении красивой собаки с золотистой шерстью – фамиллиара ее мамы. Разговаривать она не умела, потому что мама Пириллы всего лишь бакалавр, но смотрела так, словно с Пириллой сама мама и пришла.

И это сразу испортило всем настроение, потому что понятно же, что при таком соглядатае ничего интересного не случится. Пирилла – дура, не могла сказать, что просто идет ночевать

к подруженции какой-нибудь. Одиннадцать лет дылде, осенью уже в КА учиться будет, как и Кланос, а все такая дура.

– Да она сама заподозрила, – шепнула Пирилла, панически оглядываясь. – Я ей сказала, что с ночевкой пошла, а она отправила проводить. Ну я и сказала правду...

Астрид поняла, что опять ей придется спасти положение. И пока остальные раскладывали плед, чтобы делать вид, будто у них пикник, Астрид слетала домой и нашептала Тифону, что видела у реки очень красивую даму. И между прочим, тоже фамиллиара, поэтому умную.

Как и Снежок с Сервелатом, Тифон иногда общался с противоположным полом. Но будучи фамиллиаром, очень редко мог найти себе ровню. Кого-то, с кем можно не просто побегать наперегонки, но и побеседовать о чем-нибудь.

Нет, собаки, конечно, беседуют друг с другом. Нюхают задницы и все такое. Но Тифон-то и разговаривать умеет, и в политике разбирается, и даже книжки иногда читает.

Так что он сразу заинтересовался и пошел знакомиться.

Тифон был очень представительным псом. Он чинно вышел на крыльцо, вывалился в пыли, подумал, сходил к коровнику, вывалился в коровьих лепешках, потом снова в пыли и траве... Астрид услышала, как из окна кабинета орет папа...

– ...Я сколько раз говорил: не буду я оценивать ЭТО!.. – донесся гневный крик. – Домой в таком виде не заходи!..

Астрид поняла, что все на мази, и вприпрыжку побежала обратно, чтобы ее ни в чем не заподозрили. А через несколько минут явился и Тифон – при полном параде, благоухающий как последняя псина.

Собака мамы Пириллы, конечно, мимо такого пройти не могла. Они немного пообщались, Тифон с явной гордостью сообщил, что он фамиллиар, знаете ли, лауреата премии Бриара, и очень скоро они удалились вверх по реке, гулять. Собака мамы Пириллы только гавкнула Пирилле что-то, и та закатила глаза.

Вот теперь охота началась по-настоящему. Только сначала все перекусили, раз уж разложили провизию. Да и вообще пикник на берегу реки и сам по себе неплох.

– Давайте пожарим сосиски, – предложил жирный Огус. – На костре.

– Хорошее предложение, – согласился Кланос. – Дегатти, ты умеешь дышать огнем?

– Я тебе не дракон, – сказала Астрид. – У меня только Луч Солары, а он не поджигает дерево... наверное... попробую...

Она попробовала, но Луч Солары, конечно, ничего не поджег. А ведь Астрид просила маму купить ей Цепную Молнию.

Молния бы подошла. Молния бы всё подожгла. И всех.

А Луч Солары хоть и чудесный, но по-своему гоблинный, потому что остальные дети не верят, что он жжет демонов. Они думают, что это просто такой фонарик, мелкое-мелкое Ме. А Астрид не может доказать, потому что из демонов вокруг только она сама, да мама еще. А светить в маму она не собирается, а на нее саму Луч Солары не действует, она проверяла.

Ну и ладно, ну и подумаешь.

– Тогда спичками, – потряс коробком Кланос.

– А чо ты до меня доколупался, если у нас спички есть? – не поняла Астрид.

– Ну так... думал, у тебя колдунство какое есть.

– У меня есть колдунство. Но мало пока. Ща попробую...

И она стала смотреть на кучку хвороста и сухой травы, которую собрали Эстур, Огус и Пирилла.

– Гори... – бормотала она. – Гори...

Трава загорелась. Ее поджег Кланос.

– Эй!..

– Да тебя, может, до утра ждать пришлось бы, а сосисок уже сейчас хочется!

Астрид согласилась, что это разумно, хотя и обидно.

В Кошмарный День положено рассказывать страшные истории. Когда солнце коснулось земли, дети расставили сети, положили в них кусок сырого мяса, который Кланос принес в пакете, рассыпали еще какую-то волшебную приманку, которую тоже притащил Кланос, а сами залезли в спальные мешки и стали ждать. А пока ждали – рассказывали страшные истории.

– ...И когда мальчик с девочкой думали, что уже спаслись, когда они прибежали домой и заперлись, то увидели, что все картины в доме стали Той Самой Картиной!.. – шепотом говорила Пирилла, освещая себе лицо светильной чашкой. – Они побежали по коридору, и на каждой картине фигура была все ближе, и ближе, и ближе... А потом фигура стала совсем близко... а потом стала пустой. Свет в доме померк, а потом снова загорелся... а мальчика с девочкой уже не было... Только в пустой раме на стене было кровавое пятно...

Астрид задрожала от того непередаваемого чувства, когда вроде и страшно, а почему-то приятно. Она зарылась глубже в спальный мешок и немножко пожалела, что они сейчас здесь, в лесу, а не дома.

– Это что, – отмахнулся жирный Огус, снимая с веточки сосиску. – Вот я расскажу, вы обмараетесь. Знаете ли вы о Кьянтеркобелико, что живет между теней, среди отражений и там, куда вы сейчас не смотрите? Он может быть где угодно, даже прямо у вас за спиной, но он исчезнет, если повернуться и посмотреть. Это значит, что вы его ничем не разозлили. Потому что если вы его все-таки видите... вам конец.

– А как он выглядит-то? – скептически спросил Кланос, который все время говорил, что страшные истории – это для малышни, а он из них давно вырос.

– Как веревочный человечек с чьей-то головой. Когда Кьянтеркобелико кого-то уносит, то снимает с него голову и надевает вместо своей.

– А как его можно разозлить?

– А для этого надо просто... съесть последний кусок трапезы!

Эстур, который как раз взял последнюю сосиску, дико заверещал и отбросил ее. А жирный Огус довольно засмеялся и сказал:

– Нет, конечно. На самом деле Кьянтеркобелико злится, когда люди видят много того, чего им видеть не следует. Проникают в места, где им не следует быть. И уносят оттуда то, что им не принадлежит.

– Воры, что ли? – фыркнул Кланос. – Шпионы?

– Не-е-ет. Он злится на тех, кто ищет неприятностей. Кто ищет нечисть, запретную магию, другие миры... Кто ночью охотится на водяного, например...

Теперь немножко страшно стало даже Кланосу. Хотя Астрид подозревала, что ему с самого начала было страшно, просто он крепился. Сама она давно уже залезла в спальный мешок как можно глубже и делала вид, что просто дремлет от их пресных историй.

Вообще-то, писать уже хочется... Но для этого надо вылезти из мешка и одной пойти куда-нибудь в кусты... в темноту...

Вообще-то, она демон, и ей необязательно писать. Астрид повторяла это себе раз за разом, но действовало это наоборот, и хотелось только сильнее.

– Я пойду, – наконец не выдержала она.

– Я с тобой! – быстро сказала Пирилла.

Вместе было не так страшно, но они все равно постоянно окрикивали мальчишек, чтобы те не подходили!.. но и не уходили далеко... Чтобы знали, что они тут, и не боялись.

Луны-то сегодня не было. И звезды все прятались за тучками. Ночь выдалась не так чтобы холодная, но и не очень теплая. Дул ветерок, по воде бежала рябь, чуть слышно шелестели камыши... кто там в них ходит?... а, тоже просто ветер...

Вдалеке квакали лягушки, и как-то очень злорадно они квакали, жутко, угрожающе. Как будто рассказывали водяному, что вот, сидят тут на бережке пятеро детей, подстерегают его с сетями и приманками... и не знают, что сами будут поздним ужином для водяного!.. детки, фаршированные сосисками и жареной рыбой...

Кланос как раз полез проверять сети и достал крупного голавля. Огус сразу ринулся помогать, потому что голавль был такой крупный, что мог и вырваться от хлипкого Кланоса.

– А долго еще ждать, пока водяной клюнет? – спросил Эстур, тря кулаками глаза.

Пирилла, тоже клевавшая носом, вяло предположила:

– Может, он давно там мясо сожрал?

Кланос нехотя нацепил дыхатель, зажег световую чашку и полез в воду, смотреть, как там приманка. Вернувшись весь мокрый, он простучал зубами, что приманка в целости, и принялся греться у костра. Потом закутался в спальный мешок и через пару минут уже свистел носом.

– Будем дежурить по очереди, – решила Пирилла, которая после Кланоса была тут самая старшая. – Первая ты, Дегатти.

– А чо я-то? – не поняла Астрид.

– А то, что Кланос уже спит, Эстур тоже сейчас уснет, а если Огуса оставить одного, он вытащит и сожрет приманку.

– А ты?

– Ой, Дегатти, ну если трусишь, то так и скажи.

– Я не трушу! Я никогда не трушу.

Пирилла довольно хмыкнула и завернулась в одеяло. А жующий голавля Огус посмотрел на Астрид и пробубнил:

– Да не буду я сырое мясо жрать! Еще и со дна!

– А вот и зря, – сказала Астрид. – Сырое мясо вкусное.

– Не подходи ко мне, – передвинулся на другую сторону костра Огус.

– Знаете, сегодня, в Кошмарный День, я как-то по-особенному себя чувствую, – сказала Астрид, глядя в пляшущие огни. – Хочется чего-то... может, плоти человеческой?

Пирилла развернулась, Эстур резко открыл глаза, и только Кланос продолжал посапывать носом. Что же до жирного Огуса, то он перестал есть, вот настолько испугался.

Астрид довольно шмыгнула носом. Вот так им. А то сами пугают ее и эскулатируют, пользуются, что она маленькая. Пусть теперь тоже потрясутся.

– Да ну тебя, – наконец сказала Пирилла. – Тебя в банку посадят, если кого-то укусишь.

Астрид вздохнула. Да, есть такая вероятность. Угрозы не работают, а жаль. Пришлось все-таки ей дежурить первой, потому что у Огуса совсем пропал аппетит, и он тоже уполз в спальный мешок.

Астрид долго сидела у затухающего костра, слушая умиротворяющий храп жирного Огуса. Огни постепенно становились все меньше, жар спадал, лягушки совсем перестали квакать, зато небо очистилось от тучек и стало звездным-звездным...

Астрид моргнула... и поняла, что уже светает. За рекой розовела заря, костер потух, Эстур во сне разметался и почти залез в золу... а в воде что-то шумело и трепыхалось! Сети ходили ходуном, колышки почти вылезли из земли...

– Вставайте! – завопила Астрид, трясая Кланоса. – Вставайте все, мы водяного поймали!

Поднялся крик и шум. Дети вывертывались из одеял, продирали глаза, орали от радости. Пирилла запуталась в спальном мешке и верещала, чтобы без нее водяного не вытаскивали. Эстур носился вокруг пепелища и ойкал, потому что у него в штанину провалилась грелка с жар-камнем, которую всучила мама. А Астрид уцепилась за край сетей, уперлась ногами в оградку и выла от бессилия, потому что весил водяной чудовищно много, и одна она не справлялась, а остальные дураки не помогали, не помогали, не помогали!..

– Просни-и-итесь!.. – крикнула она.

Рядом ухватились за сети другие руки. Кланос, Эстур, Пирилла и жирный Огус уцепились кто где и с пыхтением принялись тянуть. Бьющаяся туша медленно поползла на берег...

– Дава-а-айте, тащите его!.. – командовала Астрид. – Пирилла, играй на флейте!

Вот уже и показалась морда!.. Темная, усатая... ну и уродище!.. так, стоп...

– Это ж не водяной!.. – ухнул Огус. – Это ж сом!..

– Какая разница, тащите!.. – выкрикнул Кланос. – Может, это водяной в облике сома?!

Сом был огромный. Жирный. С плавниками-лопатами и длинными усами. Пирилла даже немножко задрожала, увидев его харю. Он взбаламутил воду и беззвучно разевал пасть.

Дети все перемазались в грязи, одни ташили с моста, другие на берегу, у них не получалось скоординировать усилия, так что сома тянуло в разные стороны, да и сам он тоже сопротивлялся, рвался, местами уже повредил сети... вот по воде ударил тяжеленный хвост, и Эстур упал, поскользнувшись на мокрой земле...

– Это что такое?! – раздался булькающий голос. – Хулиганье!..

Дети замерли. Над водой вздулся зеленый купол. По реке пошли сильные волны, сеть колыхнуло еще сильнее, и они едва не рухнули уже все. Только Астрид все еще цеплялась в полную силу, и только благодаря ей сом все еще не сбежал.

Пирилла отчаянно заиграла на флейте.

– Это что происходит?! – завопил купол, на котором проклюнулась пара рыбьих глаз. – Вы что творите?! Отпустите Ховрюшку, он старый, у него мясо тиной пахнет! Кому говорено?! Астрид, я все твоей маме расскажу!

Вот этой угрозы Астрид испугалась. При свете дня водяной не казался страшным, но он очень сердился. Покричав еще, схватил сеть со своей стороны и потянул так, что дети закувыркались и попадали в реку. Жирные ручищи легко разорвали веревки, и огромный сом ушел в глубину.

– Мать – такая утонченная особа, и такая хулиганка дочь! – возмущенно выкрикнул водяной. – Я на вас нажалуюсь! Я вас всех знаю! Дегатти, Пордалли, Токубелли... а ты кто? Тебя не знаю, как твоя фамилия?!

– Я Локателли! – крикнула Пирилла.

– Что ты врешь-то, ты Скатолли! – завопила Астрид.

– Заткнись, заткнись, заткнись!.. – завизжала Пирилла, пытаясь вылезти на берег и хватаясь за камыши.

– Если я тону, то все тонуть будут!

– Я вашим родителям все расскажу! – пригрозил водяной. – Да еще и в мой праздник! Ни стыда, ни совести!

Эстур уже пускал пузыри. Он плохо плавал, да еще и запутался в сетях. Продолжая ворчать и ругаться, водяной выволок его на берег, снова пригрозил, что нажалуеться родителям, и исчез на дне.

– Все из-за тебя, Дегатти! – выпалила Пирилла, утопившая в реке флейту.

Астрид аж опешила. Почему из-за нее-то?! Они сами ее с собой потащили!

– Да, все из-за Дегатти, – согласился Кланос. – Вот если б она была внимательней и не закричала, что водяного поймали, то мы бы и спокойно спали. И ничего бы не было.

– Ага, – утер лицо Огус, который так распереживался, что у него кровь пошла носом.

– Тля, Огус, тебе худеть надо, – покачал головой Кланос. – Ладно, пошли домой. Если что, родителям говорим, что это Дегатти все придумала, а мы были против.

– Вот и нет! – крикнула им вслед возмущенная Астрид. – Это был ты! Ты, ты, ты!..

– Никто тебе не поверит, ты демон.

Глава 7

Сегодня Астрид ехала в школу радостно. Потому что сегодня Костяной Дельфин, а это значит, что завтра – летние каникулы! Завтра можно в школу уже не идти!

Точнее, послезавтра. Летние каникулы начинаются в день Оловянного Дельфина. Но календарь устроен так, что между Костяным и Оловянным Дельфинами лежит Янтарный Дельфин, а это Писцидис, Рыбный День. Праздник, а в праздники никто не учится. Вот и получается, что летние каникулы начинаются на один день раньше начала летних каникул.

Астрид задумалась над этой сложной концепцией. Безумие какое-то. Почему нельзя было сразу с Писцидиса и начинать каникулы?

От важных размышлений ее отвлек шум. И Сервелат почему-то остановился. Астрид высунулась из кареты и увидела впереди мост, а на нем дедушку Инкадатти, который спорил о чем-то с дядей Аганелем.

– Мэтр Инкадатти, в середине луны Дельфина рыбная ловля ограничена, – сухо говорил волостной агент. – Сейчас нерестится волярида, которую я наблюдаю в вашем ведре. Ее позволено ловить лишь с середины осени до начала зимы.

– Мэтр Аганель, завтра Писцидис, рыбу ловить нельзя, – отвечал старик. – Я должен наловить ее сегодня, иначе мне завтра нечего будет кушать.

– Мэтр Инкадатти, вы богатый человек. Возможно, самый богатый в Радужной бухте. Вам не нужно жить за счет рыбалки.

– А вы мои деньги не считайте, – прижал к груди ведро Инкадатти. – Кроме того, я не ловил ее. Она сама туда запрыгнула.

– Потому что вы нарисовали на ведре приманивающую руну, что является отягчающим обстоятельством.

Астрид не очень торопилась в школу. Она немного опаздывала, но ничего. Ей стало интересно, она вышла из кареты и стала слушать.

Это тоже урок в каком-то смысле. Она больше узнает о законах Мистерии. И о рыбе.

И о дедушке Инкадатти.

– Нет там никакой руны, – показывал ведро со всех сторон старый волшебник. – Она сама запрыгнула ко мне в ведро, потому что это дрессированная рыба!

– Дрессированная, – повторил волостной агент. – И кто же ее так выдрессировал?

– А известно кто! Кто у нас тут рядом поселился, зверье всякое дрессирует? А?.. Кто?.. Известно кто! Вот рыба сама и прыгает, а я просто с ведерком шел. А у нас не запрещено с ведерком ходить! Вот я бы ее даже и отпустил, да она же тут же обратно и запрыгнет! Безо всякой магии!

– Хотел бы я на это посмотреть.

– А давайте! Давайте! Старика пытаетесь на лжи поймать! Вот, смотрите, выпускаю!..

Инкадатти демонстративно выплеснул рыбу в речку и... пошел себе прочь. Аганель, несколько секунд еще смотревший с края мостика, запоздало окликнул его:

– Мэтр Инкадатти, вы куда?

– Известно куда – домой. Собачку кормить.

– А как же рыба?

– Какая рыба?

– Дрессированная.

– Дрессированная рыба?.. – поморгал старик. – Мэтр Аганель, пить надо меньше.

Астрид залилась смехом. Вероятно, она немножко теперь опоздала, но это не страшно. Мэтресс классная наставница наверняка с этим согласится, когда Астрид расскажет ей всю историю.

Пока Астрид таким образом ехала в школу, дома было тихо и спокойно. Фамиллиары кто дрых на солнышке, кто гулял во дворе. В гостиной играла музыка, а Майно и Лахджа танцевали менуэт, хотя Лахджа все время порывалась превратить его в джаржунгу.

А Вероника копалась в песочнице. Ей было уже два года и четыре луны, она сама повсюду бегала, прыгала, строила из кубиков, играла с Астрид в мячик и пыталась ездить на трехколесном велосипеде, который мама подарила ей на второй день рождения.

Но сейчас она притопала в песочницу с ведром, как следует полила песочек, чтобы он стал мокрым, и принялась возводить крепость.

– Большой дом, – сказала Вероника сама себе. – Зукат. Зукат большой, а внутли людиськи. Класиво.

– Очень большой и красивый дом, – согласилась ее тень. – Окружи его рвом.

Вероника послушно принялась рыть канавку. Когда она закончила, тень сказала:

– Надо еще один ров. А между ними – каналы. И проводи ровнее, палочкой.

Вероника вздохнула. Ей нравилось играть в зукат, но тень не позволяла строить так, как хочется. То у нее башенки неправильные, то канавки не такие, то надо убрать из середины принцессу-волшебницу, которую Вероника взяла у Астрид поиграть.

Принцессу-волшебницу Вероника убирать не хотела, потому что уже придумала, что та живет в зукате, и к ней пришли в гости Вероника и тень, но тень идти в гости не захотела, она хотела копать канавки, а Веронике уже надоело копать канавки.

Она все-таки поставила принцессу-волшебницу в серединку. Вот, так лучше. И посох надо.

– Обед готов, мои бесята! – раздалось с балкона.

Рядом поднял голову задремавший на солнышке Токсин, а Вероника бросила совочек и побежала домой. Со всеми этими зукатами она совсем забыла о расписании, а расписание важно, потому что если Вероника опоздает, то она опоздает, а опаздывать нельзя.

– Куда ты, дитя? – окликнула ее тень. – Ты не закончила. Все начатое надо заканчивать.

– Нихатю! – сказала на бегу Вероника. – Потом!

Ой, она забыла принцессу-волшебницу. А, нет, не забыла, вот она, в руке. Вероника стиснула ее покрепче, обежала дом и вскарабкалась на свой стульчик. Летом обедали обычно на террасе.

Астрид сегодня вернулась позже обычного. В школе ее наругали, что опоздала, да еще в такой важный день. А она сказала, что сегодня последний день школы, так что это неважно, она могла и совсем не приходить. Радуйтесь, что пришла.

А потом мэтресс классная наставница ее огорошила. Она сказала, что сегодня вовсе не последний день школы, а просто последний день первого класса. А через три луны Астрид опять пойдет в школу. И так еще четыре года.

Астрид после этого убежала в угол, уселась там, заткнув уши крылышками, и долго-долго бормотала:

– Нет, это неправда, неправда, вы все врете!

Ей, конечно, и раньше говорили это. Мама, папа, другие дети, один раз даже волостной агент, когда Астрид встретила с ним на дороге и спросила, законно ли это – отправлять детей в школу против их воли. Оказалось, что законно, и мэтр Аганель еще почему-то долго смеялся.

Но только теперь, из уст мэтресс классной наставницы это прозвучало взаправду, а не понарошку. Астрид окончательно осознала, что все серьезно. Что летние каникулы – это не навсегда, а просто самые длинные каникулы.

И домой она вернулась мрачнее тучи.

– Астрид, ты чего? – не поняла мама. – Каникулы же начинаются.

– Они отравлены, – сказала Астрид, роясь ложкой в рагу. – Вся жизнь отравлена. Школой.

– Тебя там обижают, что ли? – не понял папа.

– Нет. Это я там всех обижаю. Может, так они поймут.

Папа с мамой переглянулись, и папа укоризненно сказал:

– Не надо обижать других детей. Я вот, когда учился, никого не обижал.

– Ты?.. – вскинула брови Лахджа. – А, ну да.

– А чо они?! – с грохотом отодвинула тарелку Астрид. – Если хотят, чтобы их не обижали, нечего быть такими сопливыми и тупыми!

– Астрид, нельзя обижать тех, кто меньше и слабее тебя, – сказал папа.

– Я обижаю тех, кто больше и сильнее! – отпарировала Астрид.

– Это все равно не причина, – заупрямился папа.

– А что причина?

– Если тебя обижают, например. Если тебя бьют или дразнят, давай сдачи.

– Зачем мне ждать, когда мне кто-то сделает плохо, если я могу запугать всех вперед?

– Но тогда с тобой не будут на самом деле дружить, – вмешалась мама. – И любить тебя.

Тебя будут ненавидеть. Перешептываться за твоей спиной, какая ты гоблиная.

Это Астрид немного смутило. Она очень волновалась насчет репутации. В свои неполные семь лет она уже переживала насчет того, что еще не все ею восхищаются... а должны все!

– Я не гоблиная, – пробурчала она.

– Но им-то откуда это знать, если ты себя так ведешь? Ты показываешь им, какая ты гоблиная, и они думают, что ты гоблиная.

– Я не гоблиная!

– А потом вы все вырастаете, разъедетесь, и ты когда-нибудь приедешь в ресторан на красивой карете, в красивом платье, с красивым кавалером, а перед тобой закроют дверь и скажут: наш директор учился с этой девочкой в одном классе, и он знает, какая она гоблиная. И твой кавалер скажет: так она гоблиная?! Какой ужас! Пойду я отсюда, я тебя больше не знаю. И кучер тоже скажет: нет, мы гоблиных не возим, слезай. И ты пойдешь через дождь, через грязь, и платье тоже станет гоблинным, как ты сама. И все будут говорить: о Кто-То-Там, какая гоблиная...

– Я поняла!!! – провизжала Астрид.

У нее мелко дрожала губа, а хвост сам собой закрутился вокруг ноги.

– Но еще не поздно что-то изменить, Астрид, – вкрадчиво сказала мама.

Лахджа, а ты не слишком давишь? Ей еще и семи нет.

Вот именно. Ей еще нет семи, а она уже задира. Нет, для демоненка это не так и плохо, но жить со смертными ей будет тяжело.

Астрид до конца дня продолжала на всех сердиться. Она не виновата, что все в этой школе такие слабаки. Они как будто сами напрашиваются.

И они, конечно, ее не бьют и не обзывают, но гадости говорят все время. Просто не прямо. Типа: фу, это что, кто-то пукнул? Да не, это скверной пахнет. А почему у нас скверной пахнет? Ой, не знаю!

И перешептываются, не глядя на Астрид. И хихикают.

Конечно, она их всех бьет.

Ну и ладно. По крайней мере, теперь у нее целых три луны, чтобы не ходить в школу, а потом видно будет. Может, ее снова похитят фархерримы или случится еще что-нибудь интересное.

О перенесенных страданиях Астрид давно забыла и помнила лишь веселые приключения и игры с другими демонятами.

А Кланоса можно и летом колотить. Он заслужил. Ему полезно будет, а то ему уже одиннадцать, и осенью он пойдет в Клеверный Ансамбль. Надо напоследок хорошо его подготовить.

– Ты у меня писаться начнешь, – пообещала Астрид в сторону усадьбы Пордалли. – А может, и какаться.

Но это не сегодня и даже не завтра, потому что сегодня папа Кланоса как раз повез его в Валестру, чтобы он там сдал экзамены. А экзамены в Клеверный Ансамбль, Астрид уже знала, длятся целых десять дней.

А сегодня... чем Астрид заняться сегодня?

Астридианцев нет уже целый год или даже меньше. Астрид этих предателей уже редко и вспоминала, а они ее наверняка тем более давно забыли, потому что для них один год – как для Астрид целый миллион или даже тысяча. Может, они давно уже все вымерли от недоедания или их все-таки скогтил Совнар. Астрид не знала и не хотела знать, они ее бросили.

Волосня тоже переехала в Паргорон. Ее теперь зовут не Волосня, но Астрид не запомнила ее нового имени. Тоже нашлась принцесса, второе имя ей подавай. Астрид тоже себе хочет, может быть, но разве ей кто-нибудь предложит?

Ну и ладно. У нее всегда есть верный прихвостень, Вероника. Пока все мелкие Пордалли развлекаются в этой глупой Валестре, а Рокуалли уехали на все лето в дурацкое путешествие, Астрид может захватить эти земли, закрепить свои позиции и основать большой мощный гхьет. А когда все эти Пордалли, Рокуалли и Тупалли вернутся, все здесь будет принадлежать ей.

И Астрид пошла искать Веронику.

Вероника же тем временем продолжала играть в зукат. Тень очень-очень хотела, чтобы она прорыла канавки определенным образом. Она даже показывала Веронике, как именно, сама превращаясь в рисунок, темную сетку на песке. Но рисунок был трудным, и Вероника каждый раз сбивалась.

Да и не очень-то ей хотелось это делать. Игра уже стала скучной.

– Нихатю, – наконец выдохнула она, бросая совок. – Зайко.

Солнышко очень грело. Вероника пожалела, что забыла дома панамку... а, нет, не забыла. Вот она, на голове.

– Подожди, дитя, осталось совсем чуть-чуть, – сказала тень. – Просто проведи линии еще там и там. Этого хватит.

– Неть, – заупрямилась Вероника.

– А я тебе конфет дам. Вкусных.

Вероника любила конфеты.

– А кафета ссем? – спросила она.

– С орешками.

– Нихатю.

– Тогда с пралине.

– Нихатю.

Вероника не знала, что такое пралине, но звучало как-то невкусно.

– Тогда сок. Хочешь? Арбузный.

Вероника не понимала, зачем все это. Почему тень не даст ей конфет и сок просто так? Она их уже немного захотела.

– Затем нидасть кафету пьёста так? – спросила она строго.

– Это основы взаимовыгодных сделок, дитя, – объяснила тень. – Ты мне – я тебе. Ты делаешь то, что хочу я, а я за это даю тебе что-то, что хочешь ты. Например, конфету.

Вероника внимательно выслушала и постаралась запомнить. Звучит как что-то важное.

– Хаясё, – кивнула она и начала снова рисовать посохом.

А когда все канавки наконец лежали так, как хотела тень, та сказала:

– Очень хорошо. А теперь последнее. Помогите мне прийти, чтобы я дала тебе конфету.

– Как?

– Просто позови меня. Посмотри на этот чертеж и позови меня погромче. И я приду.

– Ты узе десь.

– Не совсем... я... меня станет больше. Мы заключим договор. Выгодный договор. Ты сможешь мне, а я дам тебе много конфет. И шоколадного зайчика. Ты хочешь шоколадного зайчика?

– Хатю, – сказала Вероника.

– Тогда скажи: призываю...

И тут в тень врезался камень. Астрид спикировала прямо с неба, закрыла собой Веронику и заорала:

– Мама, папа!!!

– Дитя, не мешай... – заговорила тень.

– Кафеты... – попыталась отодвинуть сестру Вероника.

– Какие тебе конфеты, дура?! Не надо нам никаких конфет!

– А зачика? – растерялась Вероника.

– И зайчика!

Астрид принялась шипеть на тень, выпустив коготки и расправив крылья. Тень начала сгущаться, темнеть... А Вероника поняла, что злая сестра лишила ее конфет, и у нее задрожали губы.

– Кафеты... – всхлипнула она. – Зачик... Маме яскязю.

– МА-А-АМААА!!! – заорала еще громче Астрид. – ПА-ААПАА!!!

Майно Дегатти оторвался от монографии и распахнул окно. Дети играли в песочнице... точнее, Вероника всхлипывала, а Астрид орала. И рядом с ними... а что это такое?.. во что они там играют?..

Майно одолжил зрение попугая, пригляделся... выпучил глаза и выпрыгнул в окно, воспаряя на фантомных крыльях.

Лахджа прилетела всего парой секунд позже. Они уставились на систему рвов, что вырыла Вероника, и Майно тут же стер часть ногой. А дети принялись сбивчиво рассказывать, что произошло.

– Вероника говорила с какой-то штукой!

– Она!.. зачик!.. кафеты!.. а я!..

– Тут была говорящая тень! Вот прям секунду назад!

– Мы узе!.. договор!.. выгадня!..

– И Вероника рисовала эту кирню!

– Мой зачик!.. зачик!..

Мама и папа всесторонне выслушали дочерей. Мама задумалась, а папа опустил на корточки и спросил Веронику:

– Что этой тени от тебя было нужно?

– Канавки копать, – ответила все еще насупленная девочка. – Зукат стьеить.

– Зукат строить, – повторил папа, ощущая, как на лбу выступает испарина.

– Муж мой, что означает сей рисунок? – спросила Лахджа, разглядывая постройку Вероники.

– Проблемы, – ответил Майно.

Они увели Веронику в дом и убедились, что та не сможет построить зиккурат из кубиков и нарисовать сетку призыва мелкими или еще чем-нибудь. Провели с ней долгую беседу, объясняя, что нельзя слушать незнакомые тени, да и вообще незнакомцев. Нельзя по их просьбе ничего рисовать и строить зиккураты. Нельзя с ними никуда идти и ничего от них принимать.

– Кьоме кафет, – кивнула Вероника.

– Ничего нельзя, – строго повторила мама.

– Кьоме кафет, – заупрямилась Вероника. – И зачика, он сякаладный.

– Вероника, шоколадного зайчика мы тебе сами купим.

– Тада у миня буит два! – обрадовалась девочка, показывая два пальца.

В итоге родители поручили Астрид приглядывать за сестрой, а Снежку – за Астрид. Сами же заперлись в библиотеке и принялись размышлять, что это было и что с этим делать.

– Сначала решим важный вопрос, – сказал Майно, раскрывая свой экземпляр «О нечистых злах паргоронских». – Мы знаем, с кем имеем дело?

– В таком виде? – пожала плечами Лахджа. – Это мог быть кто угодно. Сгущенная лари-тра. Неоформившийся карташехен. Уплотнившийся душебой. Да вообще любой демон, явившийся частичным Ярлыком или большей частью ушедший в Тень. И это только если он паргоронский, а дальше, возможно, бесконечное число вариантов.

– Было бы проще, если б я успел его рассмотреть, – вздохнул Майно.

– Думаешь, оно еще вернется? – спросила Лахджа.

– Это кто-то, кто узнал, что умеет наша дочь, и хочет через нее прорваться в наш мир. Конечно, оно вернется.

– Можно постоянно следить за Вероникой.

– За ней и так все время присматривают, – сказал Майно. – Но фамиллиарам тоже нужно есть и спать.

– А они не могут дежурить посменно?

– Они не солдаты, а Вероника – не мавзолей Колдующего Императора. Бывают моменты, когда она выпадает из наблюдения.

– Значит, эта тень все время где-то здесь и поджидает подходящего момента, – сделала вывод Лахджа. – Радость-то какая.

Майно еще немного подумал. Он размеренно шагал вдоль стеллажей, снимал то одну книгу, то другую, спрашивал о чем-то попугая, и наконец сказал:

– Если это не кто-то вроде твоего бывшего, я его изгоню. И даже если кто-то вроде, но Ярлыком, то справлюсь. Я умею изгонять демонов.

– Умеешь, – согласилась Лахджа, за последнюю пару лет хорошо в этом убедившаяся.

– Но было бы проще, если б мы знали, кто это, – вздохнул Майно.

– А нельзя просто изолировать от демонов всю усадьбу? Вообще всю вообще от всех?

– Можно-то, можно, способы есть... Только тогда к нам и Совнар зайти не сможет...

– Да и храк с ним.

– ...И вам с Астрид тоже будет некомфортно. Очень.

– Ага... а если добавить «белый список»? Одних демонов впускать, а остальных в шею?

– А с таким я уже не справлюсь, – честно признал Майно. – Но мы что-нибудь придумаем.

Весь вечер и всю ночь Вероника постоянно была у кого-то на глазах. Токсин или Снежок не оставляли ее ни на минуту. А уже в первом рассветном часу родители стали готовить засаду.

Не в песочнице на этот раз. Вокруг нее все слишком открыто, не притаиться. Пока Вероника играла дома с Астрид, Майно начертил в саду большой круг и замаскировал травой. Лахджа ушла в глубь почвы, до предела приглушив ауру. За кустами залег Тифон, тоже став почти невидимым. Сам же Майно забрался на дерево вместе со Снежком.

А кот с псом почему здесь?

Пес – помогать, в бою он самый лучший фамиллиар. Пригодится.

Ладно. А кот?

В смысле «а кот»?

Ладно.

Чем тебе кот не нравится?

Снежок, ну извини.

Как договаривались, в условленное время Астрид привела Веронику. Траву раздвигало змеиное тело – за девочками неслышно полз Токсин. Он остановился немного раньше и свернулся клубком, а Астрид ввела сестру в круг и театрально воскликнула:

– Взгляни же, Вероника, какое чудесатое тут место! Давай поиграем именно здесь, о сестра моя!

Переигрывает.

Ей семь лет. Как уж умеет.

И я не очень согласен, что мы используем нашу дочь как приманку.

Да нормально все будет! Мы ж ее не к столбу привязываем!

– Патиму здесь? – спросила Вероника.

– Ну посмотри, как тут хорошо!

Вероника растерянно огляделась. Это все еще был их сад. Да, тут хорошо, но не настолько, чтобы так уж громко восторгаться. Эта была обычная, стандартная хорошесть. Как дома, как в песочнице. Как везде, кроме помойки, подвала и еще некоторых мест.

Но раз Астрид так восхищена, значит, место и правда чудное. Астрид старше и умнее, она все время это говорит, так что это правда.

– Васyto буим игьять? – доверчиво спросила Вероника.

– В гербонавтов, – важно сказала Астрид.

– Тё такое?..

– Будем искать редкие и волшебные растения. Ты ищи здесь, а я там. Что найдешь, срывай и складывай в кучку. А потом мы их засушим и будем собирать коллегую.

– А их мозя йвать? – спросила Вероника.

– Конечно. Почему нет?

– А они ковойные?

– Если мы их сорвем – будут наши, – сходу поняла сестру Астрид.

– Лядна.

Вероника не знала, какие растения редкие и волшебные и чем они отличаются от нередких и неволшебных. Но она послушно сорвала лопушок и сложила в кучку. Кучка из одного лопушка выглядела какой-то не очень кучкой, и Вероника добавила еще один. Два лопушка тоже все еще не тянули на кучку, и она добавила еще один.

Теперь лопушков стало так много, что Вероника не могла сосчитать, так что это уже точно кучка. Возможно, это значит, что она выиграла. Она обернулась спросить у Астрид, но та уползла куда-то далеко.

Зато с Вероникой снова заговорила тень. Она немного вытянулась, расползлась по траве и сказала:

– Дитя, мое предложение все еще в силе. Скорее рисуй ту схему, и я наконец дам тебе шоколадного зайчика.

– Зачик! – тут же забыла о всех лопушках Вероника.

Она принялась старательно сгребать землю, лепя зукат. Мгновенно перепачкалась по уши... но вдруг замерла.

– А мне низя, – грустно сказала она. – Пьявила.

– Но мы же договорились, – напомнила тень. – Ты обещала. Нехорошо нарушать обещания. Я просто хотела подружиться... подарить тебе много конфет...

Ее голос стал очень обиженным. Очень печальным. Вероника пожалела тень и снова принялась рыть, высунув от напряжения язык. В песочнице было легче.

Ну что, достаточно увидел?

По-прежнему не пойму, что это за тварь. Но дальше ждать опасно, давай.

И прежде, чем тень исчезла, по всей полянке взметнулись нитевидные щупальца. Лахджа расползлась на огромное расстояние, превратилась в настоящую грибницу и приняла строго определенную форму. Скопировала стандартную удерживающую сетку, для тех случаев, когда не знаешь, с кем имеешь дело.

Ну а Майно направил в нее энергию. Активировал эту живую печать-фамиллиара, запирая внутри любую нечисть или духа. Снежок на соседней ветке аж засветился – такое мощное поле создал его волшебник.

Тень отделилась от ног Вероники. Скользнула в сторону, дернулась туда и сюда – ее не пускал незримый барьер. Лахджа охватила ее непроницаемым кольцом, поднялась повсюду из почвы, закрыла землю, воздух и четвертое измерение.

Вероника растерянно захлопала глазками. А потом... провалилась в яму. Мама просто втянула ее в нору, и на поверхности осталась только тень.

– Ладно, теперь поговорим, – спрыгнул с дерева Майно. – Мир тебе, кто бы ты ни был. Чему обязаны визитом?

Тень не ответила. Еле видная на траве, почти скрывшаяся за пеленой призрачной плоти, она отчаянно металась среди Лахджи.

– К сожалению, я не могу съестъ двумерное существо, – раздалось из раскрывшегося на толстом стебле рта. – Не получается.

– Ты и не должна его есть! – возмутился Майно.

Он медленно обходил круг, пытаясь разглядеть демона... скорее всего, демона. Он ведь хотел, чтобы Вероника его призвала.

Двумерное существо... что-то это Майно напомнило...

– Камтстад, – произнес он вслух.

Тень вздрогнула. Дернулась, как ужаленная. А потом... земля вспучилась! Взметнулась столбом, огромной толстой ручищей... нет, двумя ручищами!..

Они принялись колотить вокруг себя, махать кулаками, точно кузнечными молотами! Лахджу в ее паутинной форме разорвало, во все стороны брызнула жидкая плоть.

– Удерживай! – крикнул волшебник, выставляя вперед ладони.

Рядом завибрировал Снежок. От него хлынула волна очищения, хлынули эманации, что разрушали скверну. Они не затронули Лахджу, состоящую в той же фамиллиарной сети, но омыли другого демона – и тот будто съежился, его движения замедлились.

Живая печать держалась с трудом. Несколько линий стали почти пунктирными, истончились до предела.

– Ненавижу эту вазу!.. да зачем она нужна!.. – бормотал Майно, роясь в кошеле. – Насколько же было проще!..

У него осталась бутылка из-под Ахвенома, но она не настолько мощная. Если это правда то, что он думает, оно тоже высший демон, так что сначала нужно ослабить до предела, а уж потом поглощать...

А без этого нормально поговорить не получится. Демон отказывается сотрудничать... и вот-вот вырвется! Лахджа без труда справлялась с земляными ручищами, но не могла навредить двумерному телу... и вот только оно и осталось! Псевдоконечности рассыпались, а тень разбежалась, рассеялась... скрылась внутри тени самой Лахджи!

Майно озадаченно нахмурился. Что-то непонятное. Демон явно присутствует здесь, на этой Странице. Весь, не только Ярлыком.

Зачем же тогда его нужно призывать? Разве только...

Вот дерьмо.

Ладно, запасной план. Просто изгоним.

Лахджа тем временем стала стекловидной, как медуза. Полной прозрачности не достигла, но тень отбрасывать перестала – и демону негде стало прятаться. Тень снова заметалась, то вспучиваясь из земли, то снова оседая. Лахджа выросла в центре печати настоящим деревом, отрастила на коре сразу несколько ртов и хором гаркнула:

– ПРЕКРАТИ БЫТЬ!!!

Ее демонической силы не хватило. Она не смогла убить другого высшего демона просто силой воли. У нее ведь нет ни счета в Банке Душ, ни личной копилки. Да, она на своей земле, и это помогает, но пришелец попался не из слабаков.

И однако живая тень замерла. На несколько секунд ее контузило, и этого хватило, чтобы совершить изгнание. Майно Дегатти хлопнул в ладоши, вошел в полный резонанс с печатью-фамиллиаром и приказал всем чужеродным сущностям внутри убраться прочь и больше не возвращаться.

Тень рассеялась. Наступила тишина. Лахджа еще какое-то время настороженно колыхалась, а потом сомкнулась, извлекая из-под земли съжившуюся Веронику и сама принимая нормальный вид. Притаившаяся за деревом Астрид досадливо ругнулась – она втайне надеялась, что чудище вырвется, и тогда придет черед ее великолепного Ме.

– Не знаю, кто это был, но точно не паргоронский, – сказала Лахджа. – Кто-то очень сильный, но не из наших. У нас двумерные демоны не водятся.

– Водятся, – мрачно сказал Майно. – Просто о них мало кто знает.

В тот же день он позеркалил в Делекторию. Целый год собирался это сделать, да все откладывал, все ждал, пока Вероника еще немного подрастет.

Но, похоже, больше откладывать нельзя.

Делектория – очень важный административный орган Мистерии. Именно он отвечает за вступительные экзамены Клеверного Ансамбля и проверяет детей на магические способности. В первую очередь, конечно, тех, которых привозят в Валестру со всего мира родители или опекуны, но среди агентов Делектории есть и выездные. Они странствуют по всему миру, выискивая особо яркие таланты, которым нельзя дать пропасть только потому, что они родились в бедности и не имеют шанса приехать в Мистирию сами.

А есть и те, что работают в самой Мистерии, в основном со старыми волшебными семьями. Майно с детства помнил одного такого, который раз за разом навещался в усадьбу Дегатти, и раз за разом огорчал отца семейства.

– Честно говоря, я видел только три проверки, – сказал Майно, когда они встречали гостя у дверей. – Меня самого, Дайлы и Тика... Ярдамылы и Тигрена. И то когда проверяли Тигрена, я был младше, чем сейчас Астрид, так что плохо помню.

Он сумел донести до Делектории, что ситуация из ряда вон выходящая, поэтому прислали не мелкую сошку, а профессора, одного из самых старых и уважаемых волшебников. Сам прославленной фамилии, из рода, славного своими философами и книжниками, именно Гурим Паганотти когда-то проверял всех детей Гурима Дегатти. Так что по аллее он шел, с интересом оглядываясь – словно приехал в гости к друзьям, которых давно не навещал.

– Сколько ж я тут не был? – спросил этот почтенный старец, стискивая ладони Майно и прикладывая губами к кисти Лахджи. – Лет семьдесят?.. да больше!.. О, как сейчас помню. Как тезка мой обрадовался, когда наконец я ему сказал, что верно все, что есть, есть в тебе огонек таланта, смело можно отправлять на экзамены. Ну вот и преемственность поколений. Кто тут у тебя, Майно, сынок, дочка?..

– А я думал, вы давно на пенсии, – заметил Майно.

– На пенсии, на пенсии, двадцатый год уже, – покивал старик. – Пятьсот лет без двух годочков – не шутка. Но меня попросили. Что же, дело-то незаурядное, я вижу, да. Слышал о вас многое, мэтресс. Кого проверяем?.. Малышку с крылышками?.. Да зачем потревожили? Тут и слепому ясно, что дар будет.

Астрид поковыряла землю носочком и невзначай добавила:

– А еще я плавать умею. Вообще плаваю лучше всех. И бегаю.

– Ну и колдовать научись, – пообещал ей агент. – В Риксаг иди. Там таких любят – кто плавает лучше всех, бегают... летаешь тоже хорошо, небось?

– Ну так, случается... – немного заважничала Астрид.

– Мэтр Паганотти, в проверке нуждается вторая дочь, – сказал Майно. – А мы – в добром совете.

– Давайте пройдем в дом, – предложила Лахджа.

Увидев, к кому его вызвали на самом деле, мэтр Паганотти немного растерялся. Обычно на волшебные способности проверяют не раньше четырех лет, и то в основном самые беспокойные родители.

А теперь он зашел в гостиную и недоуменно воззрился на совсем крохотную девочку. Не старше двух с половиной лет, востроносенькую, с сиреневыми волосами и глазами цвета фиалок. Она сидела под магическим колпаком и играла с кубиками и плюшевым львенком.

– Неужто так рано проявилось? – с сомнением спросил Паганотти. – Если не проявилось, я много-то не скажу, в таком возрасте сложно.

– Проявилось, – мрачно сказал Майно, снимая колпак. – Смотрите.

Он присел перед дочерью на корточках и спросил:

– Что строишь, ежевичка?

– Кепость, – ответила Вероника. – Для кааля. Кааля-льва.

Пока папа ее отвлекал, Лахджа переместилась Веронике за спину, незаметно схватила львенка и кинула в окно. А Майно спросил:

– А где же сам король? Я его не вижу.

– Вот, – ответила Вероника, сажая львенка в кольцо кубиков.

Вот в этот момент мэтр Паганотти нащупал кресло и не глядя сел. Он достал из нагрудного кармана волшебные очки, протер их и уставился теперь на Веронику так внимательно, словно перед ним было научное открытие.

Он хорошо разглядел этот момент. Импульсивный призыв, когда игрушка явилась просто по невысказанному желанию хозяйки. Оказалась прямо у девочки в руке, причем та даже не удивилась, отнеслась ко всему как к должному.

– Надо же, в таком нежном возрасте... – негромко произнес Паганотти. – Бессознательная волшебба...

– Сознательная, – поправил Майно. – В том-то и проблема.

– Сознательная?..

– Это штука, – пояснила Астрид с покровительственным видом. – Вероника давно так умеет. Она погремушку так доставала. И совок.

– А ты знала и не говорила, – укорила ее мама.

– А чо вы такие невнимательные? – склонила голову Астрид. – Целый год ничего не замечали. А я заметила. Вот так. Пойду сока попью.

Демонстративно виляя хвостом, она удалилась. А мэтр Паганотти с кряхтением тоже уселся на корточки и принялся деликатно осматривать Веронику.

Врожденная магия – дело нормальное, когда речь о полудемоне. Для обычного человека такое невозможно, но если в нем течет и иная кровь, высокомагическая, то удивляться нечему. Так что сам факт того, что у девочки дар, агента Делектории не озадачил.

Но вот то, что у нее получается это целенаправленно... впрочем, в это Паганотти еще не до конца поверил. Он настоял на повторном эксперименте.

– Вероника, ты знаешь правила, – сказал Майно. – Королю нужна своя королева.

– Дя, – согласилась Вероника и побежала к лестнице.

– Вероника, Вероника!.. – остановил ее папа. – Подожди!.. Посмотри, какой у тебя великолепный замок, какой великолепный король... ему не с руки гоняться за принцессами.

Вероника непонимающе уставилась.

Ах вот как. Не с руки гоняться за принцессами.

– Вероника, пусть королева сама явится к королю, – пояснил папа. – Просто позови ее. Позови королеву.

– Лядна, – стиснула кулачки Вероника. – Явись, коолева, самая кясивая и... и кясивая... и сътобы платье было...

Вот теперь вздрогнули все. Лахджа и Майно ожидали, что явится одна из принцесс-волшебниц Астрид. Но вместо этого в гостиной... возникла живая женщина. Удивительно красивая, в платье из павлиньих перьев и донельзя изумленная.

– А... а что происходит? – спросила она растерянно. – Где я?.. Вы кто?..

Мэтр Паганотти дрожащей рукой снял очки. Он тяжело задыхался и пробормотал:

– Воды... Что-то сердце защемило... и в боку колет...

Енот тут же поднес старику стакан, а на колени запрыгнул кот. От него пошла успокаивающая волна, и почтенный профессор пришел в себя.

– Это... это феноменально, – произнес он.

– Вы в Мистерии, госпожа, – сконфуженно произнес Майно. – Произошло недоразумение.

– А какого рода? – гневно осведомилась королева... да, явно настоящая королева какой-то державы.

– Понимаете, мы проводили эксперимент, магический, – вмешалась Лахджа. – Мы учим ребенка и хотели призвать королеву... самую красивую из ее игрушек. Но в заклинании выпало слово «игрушка», и в итоге мы вызвали просто самую красивую королеву в мире.

– Это возмущает... правда, самую красивую?.. – неожиданно перестала гневаться королева. – Вы уверены, это волшебство так сказало?..

– Клянусь вратами Шиасса и могилой Бриара, – поднял руку Майно. – Да будет мне свидетелем профессор Паганотти.

– Все так, – кивнул агент Делектории.

– И все-таки это возмутительно, мы были на балу, – заметила королева, пытаясь снова придать лицу сердитое выражение. – Это важный прием, мы должны вернуться. Немедленно... кстати, а волшебство учитывало княгинь?

– Не уверен, – честно признал Майно. – Мы постараемся сейчас же вас вернуть, я только разберусь с инерционным следом...

– Я помогу, я помогу! – поднялся из кресла Паганотти. – Кстати, нам будет проще, если вы назовете свое имя и державу.

– Призываете, сами не зная кого, – посетовала королева. – Мы вышлем в Мистирию ноту. Это безобразие и самоуправство. Знайте же, что мы Дахарли'Мбоча, владычица сапфировых берегов королевства Зидзилия.

– Кудесно! – воскликнула Астрид. – А можно мне павлинье перо?

– Нет, детка, мы не станем портить платье.

Когда Дегатти и Паганотти совместными усилиями обратили призыв, по факту просто изгнав королеву обратно на бал, старый агент опустил обратно в кресло и теперь поглядел на Веронику совсем другими глазами.

Майно уселся на диван. А Лахджа все это время не отрывала взгляда от дочери, которая завладела Снежком и заставила его жить в крепости. Снежок там жить не хотел, но потом все-таки из чувства противоречия улегся и раскинулся во всю ширь, как бы невзначай ломая стены.

– Как видите, коллега, такие вот дела, – подытожил Майно. – Если бы она призывала только игрушки, мы бы вас даже не беспокоили. Просто ждали бы положенного срока... Но она призывает и... более опасные вещи.

– Кухонные ножи? – слабо усмехнулся Паганотти. – Животных?

– Животных... демонов... однажды демолорда...

– Хе-хе... ну не шутите, коллега.

– Мы не шутим.

Паганотти приподнял брови. Майно вздохнул и сказал:

– Простите, что прошу об этом, но поклянитесь никому не рассказывать без крайней необходимости.

– Но мне придется писать отчет.

– Я знаю, как это работает, некоторые детали можно не описывать подробно. Про демолорда вы, допустим, не расслышали... и все равно едва ли кто в это поверит.

– Я и сам с трудом верю... в самом деле?.. ну хорошо-хорошо, клянусь вратами Шиасса и могилой Бриара. Что за демолорд?

– О, мы тогда играли, и построили из камней зук-кир-рат! – чуть ли не захлебываясь соком, начала рассказывать Астрид.

– Хатю сока, – застенчиво сказала Вероника.

– Сейчас... – начала Лахджа и уставилась на возникший перед Вероникой графин. – А... я тогда только стаканы принесу.

Кажется, после общения с тенью у Вероники случился какой-то прорыв. Относительно прежде редкие и касавшиеся только ее личных вещей призывы как-то очень уж участились. Это заметил и мэтр Паганотти.

– И все-таки призыв демолорда... – с сомнением произнес он.

– Да! – заверила его Астрид, наваливаясь грудью на ручку кресла. – Мы тогда думали выбрать маленького или большого, потому что большой бы не поместился, и решили маленького, но она все равно хотела и большого, и сказала маленького большого демона! И тогда появился дядя!

– Какой дядя?.. – не понял Паганотти.

– Мой! – заорала Астрид. – Мой дядя!

– Ее дядя – Фурундарок, Величайший Господин, – отвел взгляд Майно. – Маленький большой демон.

Профессор Паганотти переводил внимательный взгляд с одного члена семьи на другого. Он не видел и не слышал лжи. Да и не было смысла в таком вранье, ни малейшего.

– И как же вы все остались живы? – уточнил он.

– Он дядя моей дочери, и со мной в хороших отношениях, – пояснила Лахджа. – Он, конечно, был крайне зол, но не убил нас. Только кислое молоко все выпил.

Паганотти постарался незаметно от нее отодвинуться. Кажется, он жалел, что согласился тряхнуть стариной, заглянуть в уважаемую семью, где его хорошо знают...

– М-да, мэтр Дегатти, вот уж неожиданность так неожиданность, – покачал головой старик. – Сколько у твоего отца попыток-то было... все думали, что род иссяк, как это бывает. Я, честно говоря, считал, что с тобой вам в последний раз повезло. А ты вывернулся, а?..

– Ну-у-у... никто этого не планировал, тем более такого... и не ожидал...

– Да, такое в моей практике впервые, – согласился Паганотти. – Я вообще не припоминаю прецедентов. Чтоб в таком нежном возрасте... и настолько мощно. Сознательно!.. а?.. Она не могла получить дар от... кого-нибудь?

– Нет. Мы проверяли.

– Да, я вижу. Но что еще? Выхлоп дикой волшбы?.. Они не бывают настолько мощными, да и вы бы такое не проглядели.

– Мы знаем, знаем, – нетерпеливо перебил Майно. – Коллега, я тоже профессор, я знаю все это. Скажите что-нибудь новое.

– Наследственность, видимо, – пожал плечами Паганотти. – Иных объяснений я вам не предложу. Дочь могущественного волшебника и высшего демона... редчайшее сочетание наследственных факторов... Единственное, что можно сказать с уверенностью – девочка будет волшебницей. И незаурядной. Причем в КА ее лучше отдать пораньше – полагаю, девяти или даже восьми лет. Уверен, экзаменационная комиссия согласится, что такой талант лучше отшлифовать пораньше. Да и вам будет спокойнее... сколько ей в точности?

– Два года и четыре луны... три с половиной.

– Да, попытайтесь сдать экзамены уже в восемь лет, – повторил Паганотти.

– Ладно, подождем еще шесть лет... – вздохнула Лахджа. – Но что нам делать до тех пор? Она призывала... Фурундарока. Я дружу не со всеми демонами Паргорона.

– Ух... это... знаете, предлагать носить короний такому маленькому ребенку я не стану, – покачал головой Паганотти. – Это может изувечить его дар. Возможно, создать страшнейшего антимага в истории... вы же знаете, как эти подонки выворачивают свои чакры?.. коронием в основном. Родителям детей наплетут всякого, навешают на них вериги, и вместо великих волшебников получаем искалеченных фанатиков.

Старый волшебник осунулся. Тема его явно ужасно расстроила. Лахджа похлопала его по руке в неубедительной попытке проявить сочувствие и нетерпеливо спросила:

– Тогда что предложите вместо корония?

– Присмотр, боюсь, только постоянный присмотр, – вздохнул Паганотти. – Любые попытки ее... обуздать, так сказать, могут сильно навредить развитию. Даже если она вырастет здоровой, дар может пострадать... волшебная сила – снизиться...

Об этом Паганотти говорил с видимым отвращением, как о каком-то святотатстве.

– Я могу применить гипноз, – предложила Лахджа. – Я на Астрид применяла.

– Что?! – выпучила глаза Астрид.

– Что? – повернулась к ней Лахджа.

– Боюсь, что... пусть лучше практикуется на... безопасных... – забормотал Паганотти. – Скажу честно, я бы предпочел ее вообще не ограничивать. Очень, очень... опасаюсь, что это может не дать развиваться дару удивительной силы. Я не хочу форсировать события и говорить о втором Бриаре... но вы сами понимаете, насколько это важно. Даже Бриар учился и... боюсь, я обязан сообщить председателю ученого совета.

– Вы клятву дали, коллега, – напомнил Майно.

Паганотти сердито на него посмотрел и опер подбородок на руки. Старому волшебнику явно нестерпимо хотелось оказаться тем, кто обнаружил столь невероятный талант у столь юной особи.

– Кроме того, лишнее внимание нам совсем не нужно, – сказала Лахджа. – Те же демоны, антимаги... любые подобные встречи провоцируют у меня стресс.

– Хорошо, мои уста на замке, – вздохнул Паганотти.

Глава 8

Вератор осматривал Веронику долго и тщательно. Когда та на его глазах совершила несколько призывов, дружбамаг почесал в затылке и сказал:

– Даже не знаю, что и сказать, дружище. Очень необычно. Она не накапливает ману внутри, а как бы... пользуется той, что вовне. Протягивает неосознанный канал... и сжигает ее. Как воронка. Очень необычный феномен.

– Демоническая кровь, – вздохнул Майно.

– Да, вот это ты, конечно, попал фомору в око, – присел на корточки Вератор. – Ну мир тебе, Вероника, давай знакомиться. Хочешь быть моим другом?

– Так, а ну-ка отошел от моей дочери! – вскинулась Лахджа.

– Да я шучу, – улыбнулся Вератор.

– А я, между прочим, плавать умею лучше всех, – ревниво сказала Астрид. – И целый кулак могу в рот запихнуть!

– И мы все тебя за это уважаем, – заверил папа.

– Фафыва.

Вератор, конечно, явился не просто проконсультировать насчет Вероники. Он это сделал охотно, разумеется, его этот феномен тоже заинтересовал, но вообще сегодня как раз ему требовалась помощь Дегатти. И не как «друга», а как друга.

Хотя... в чем разница? Несколько других «друзей» Вератора уже всю трудились внутри и снаружи – украшали дом, возводили в саду павильон, готовили богатое угощение.

Дело в том, что эльфорок-дружбамаг, этот закоренелый холостяк и известный на всю Мистерию бонвиван наконец-то созрел для женитьбы. А поскольку у его лучшего друга имелась в Радужной бухте огромная усадьба, надежнейше к тому же экранированная от одного конкретного демолорда, Вератор попросил о личной услуге.

– Алтарь можно организовать на островке с ивами! – сразу предложила Лахджа. – Там есть беседка! Будет очень красиво!

Она с удовольствием помогала в подготовке. Их собственная с Майно свадьба была очень скромной и прошла скомкано – они слишком торопились закрепить связь законодательно. Сжатая церемония, всего два гостя, они же свидетели, никакого торжества. Они тогда дольше убеждали жрицу, которая сомневалась, что боги одобряют брак с демоном.

Но Сидзука на подобное не согласится. К тому же конкретно ей пышная церемония нужна еще и ради ритуала – чтобы надежней разорвать прежний брак. Побольше свидетелей, живых и бесплотных. Чтобы все видели – вот, таинство свершено. Небо и земля, солнце и луна, ветер и облака, животные и растения, живые и духи.

Духам, кстати, приготовили подношения. Лахджа прогулялась по округе и созвала всех, кого смогла вытащить из нор. Вератор настаивал, что сделает это сам, у него огромный опыт в общении... со всеми. Но дел было и без того невпроворот, жених бегал весь в мыле, да к тому же его дружбамаг не прекращала работать ни на минуту, так что эту часть он все-таки переуступил подружке невесты.

Само торжество состоится завтра. Но некоторые гости уже прибыли, благо лишних комнат в усадьбе полно. И прямо сейчас Вератор собирался призвать наконец-то и невесту. Он откладывал это до последнего, поскольку до свадьбы Сидзуке рискованно надолго исчезать из Паргорона, но уж за сутки-то можно.

– Готова? – в сотый, наверное, раз спросил в свой перстень Вератор.

– ...Вот теперь да, теперь да!.. – раздался приглушенный голос.

Перстень сверкнул, великий дружбамаг без всяких заклинаний осуществил призыв – и в холле появилась Сидзука. В своем лучшем платье, с идеально уложенной прической и вообще сияющая, как утренняя заря.

И не одна. Во-первых, она крепко держала за руку дочь, малышку Мамико. Во-вторых, рядом возвышался сундук. Огромный, больше самой Сидзуки с люком в крышке.

Лахджа изумленно узнала в этой штуке многомерный погребок бывшей соседки. Тот самый, насчет которого она думала, что это часть комнаты. А он, оказывается, вынимается и переносится... хотя вряд ли Сидзука сделала это в одиночку.

Ладно, приданое у невесты богатое. За годы супружеской жизни с демолордом эта скопидомка наворовала столько сокровищ, реликвий и артефактов, что может купить небольшую страну.

Хотя нет, наверное, все-таки не так много. Но титул точно купить сможет. И земли. И один Древнейший знает, что еще.

– Привет! – радостно воскликнула Сидзука, обнимая Лахджу.

– Привет, привет, – ответила та, все еще разглядывая сундук. – Он у тебя не уменьшается? Он в дверь не пройдет.

– Наверное, придется оставить его пока тут, – с сомнением произнесла Сидзука. – А вам сильно нужна эта стена?

– Да.

– Эх... ладно.

– Кх-хм!.. – прочистил горло Вератор.

Сидзука спохватилась, что все еще не поприветствовала жениха, и принялась душить его в объятиях.

– Я так скучала, Вератор-сама! – воскликнула она. – Наконец-то!

Пока в саду возводили временные павильоны и накрывали столы для завтрашнего пиршества, а Вератор и Майно всем распоряжались в качестве жениха и шафера, Сидзука с Лахджой принялись вспоминать былые времена. Сидзука притащила некоторые личные вещи Лахджи, которые та, конечно, не смогла забрать, когда уехала из Паргорона.

– Ой, мой криоскальпель! – обрадовалась демоница. – И старый дыхатель!.. и аурометр!.. и зелье бушуков... вот его могла бы и просто вылить.

Особенно Лахджа обрадовалась фотоальбому. Все остальное – просто барахло и безделушки, но фотоальбом было жалко, она запечатлела в нем немало воспоминаний.

Тем временем в другом конце гостиной заново знакомились Астрид и Мамико. Будучи единокровными сестрами, они дружили в младенчестве, но потом судьба развела их на пять с половиной лет.

– Привет, – робко сказала Мамико, протягивая Астрид набивного дракончика.

– Привет, – ответила та, отдариваясь чинской принцессой-волшебницей.

Было видно, что у девочек общий отец. Астрид родилась полным демоном, вайли-хальтом, а Мамико – полудемоном, чем-то вроде маленькой гартазианки, но в чертах лиц присутствовало неуловимое сходство. Даже несмотря на то, что скулами и разрезом глаз Мамико пошла в маму, да и вообще от человека внешне не отличалась.

– Это твоя сестра, Астрид, – сказала Лахджа.

– Еще одна?! – изумленно обернулась Астрид. – А откуда она взялась?!

Лахджа задумалась, как потактичнее рассказать Астрид, что братьев и сестер у нее... много. Очень много. Целые сотни, причем все они – демоны и полудемоны, большая часть которых без колебаний прикончит ее ради бутылочки газировки.

– А что у вас есть? – застенчиво спросила Мамико, осматривая дальнозеркало и клавишину.

– Хочешь кекса, милая? – спросила Сидзука.

– Хочу.

– Тогда попроси у тети Лахджи.

– Он уже нарезан, просто ешьте, что хотите, – сказала та.

Она увлеченно листала фотоальбом. Воспоминания так и лились со всех сторон. Девочкам тоже стало интересно и они подсели с обеих сторон, кроша кекс на диван.

– А это я в пасти дракона, – показала жемчужину коллекции Лахджа. – Видите, какой огромный?

– Кудесно! – восхитилась Астрид. – Mam, он тебя сожрать хотел?!

– Heeет! Видите, мы оба улыбаемся в камеру? Орказарок просто попозировал так – типа он меня ест.

Она перелистнула страницу.

– А это я с теми ребятами, которых я спасла от Антикатиство... А это мы с девчонками на пляже в Легационите... А это я селфи в Тир-Нан-Ог сделала... А это бравые парни из Армии Свободы... А это я с метелкой во дворце Савроморта... А это Джигур Хормерари и его послушники... А это...

– А это кто?! – ткнула пальцем Астрид.

– А это голый бомж, с которым Лахджа зачем-то сфоткалась, – пояснила Сидзука.

– Это титан, Диагрон, – торопливо вынула из альбома фотографию Лахджа.

Кто?.. Диагрон?.. Зачем Диагрон?.. Откуда Диагрон?..

Слушай, это было еще до тебя. Давно. Разок. Просто знакомый. И вообще, напомнить тебе, какое хобби было у тебя до нашего знакомства?

Я хотя бы не коллекционировал инкарны своих любовниц!

Я немного сентиментальна. И ты тоже мог бы. Вместе бы рассматривали, вспоминали былое. Вместе плакали, вместе смеялись.

Астрид, поняв, что мама в очередной раз подвисла на разговоре с папой, тряхнула ее и крикнула:

– Больше двух говорят вслух!

Суматошный выдался денек, но веселый. Астрид и Мамико быстро посмотрели все фото и убежали исследовать усадьбу. Астрид, конечно, исследовала ее уже много раз, но еще никогда не делала этого с сестрой. Вероника все еще слишком маленькая, а все эти Пордалли и Рокуалли какие-то недостаточно чудесные.

Зато Мамико оказалась идеальной приспешницей. Она во всем слушалась Астрид, она восхищенно на нее смотрела, но при этом не заносилась из-за того, что Астрид – демон.

– Это мой пруд, – показывала Астрид. – Это мой сад камней. Это моя каштановая аллея. Это моя конюшня. Это мой каретник. Это моя карета, я на ней в школу еду.

– А почему не летаешь? – застенчиво спросила Мамико.

– Потому что я принцесса, а принцессы ездят на каретах, а не сами летают, – объяснила Астрид и сделала книксен.

– А почему ты принцесса?

– А потому что.

– А я тоже принцесса?

– Ну и ты тоже, – щедро согласилась Астрид после недолгих раздумий.

Она узнала, что Мамико в школу не ходит, и немножко позавидовала. Правда, оказалось, что вместо школы у нее мама, которая хочет, чтобы Мамико была лучше всех, поэтому заставляет учиться по книжкам, компьютерам и кэ-сети. А еще у нее есть брат-гхьетшедарий, который с рождения знает все и еще немножко, все время глумится над другими детьми, и от этого мама выходит из себя, потому что ее Мамико-тян должна быть лучшей во всем, абсолютно во всем.

– Так уж во всем? – усомнилась Астрид. – А ты умеешь умножать и делить, например?

– Конечно. И корни извлекать.

– Корни извлекать я тоже умею, но мы не о ботанике говорим, – снисходительно посмотрела Астрид.

– Ну да, мы о математике, – не менее снисходительно посмотрела Мамико. – Смешная шутка.

Астрид заподозрила, что где-то ошиблась, но не подала виду. Ошибки нельзя признавать, потому что пока ты их не признал – ты прав. Ее этому маму учила, а папа ругался, что детей надо учить хорошему, а не тому, чему все и так учатся сами.

– Я не хочу создавать ей ложную картину мира, – объясняла тогда мама. – Разве не проще будет, если она с самого начала усвоит, что никто никому не нужен, кроме самых родных, что никто не хочет отвечать за свои поступки, и что все будут хотеть от нее больше, чем готовы дать сами? И вообще, показать хоть в чем-то слабость – это дать другим преимущество над собой. Тебя, может, и будут считать добрым, но используют это для своей выгоды, а вовсе не вознаградят просто за то, что ты добрый. Потому что они-то не добрые.

– Кто «они»? – спросил тогда папа.

– Все, кто тебя не любит. Большинство.

– Но я же хочу, чтобы меня все любили! – топнула тогда ножкой Астрид.

– Но ты можешь надеяться только на поверхностные проявления любви, – объяснила мама. – Это не любовь, а симпатия, которая означает только то, что люди надеются, что получат от тебя что-то хорошее, и будут соответственно себя вести.

– А они получают? – спросила Астрид.

– От тебя зависит. Хочешь – получают, не хочешь – не получают. Но вести себя надо так, чтобы они всегда надеялись, что все-таки получают. Может, просто не сейчас. Пока они на это надеются, они не причинят тебе вреда, и от них самих можно будет что-то получить.

Это было разумно, и Астрид это запомнила. Папа, правда, сказал, что мама учит ребенка ужасным и отвратительным вещам, но мама спросила, в чем она неправа, и папа сначала бормотал что-то про дружбу, социум и взаимопомощь, а потом стал орать.

А потом они оба стали орать.

Но когда они закончили, папа подошел к Астрид и сказал, что у мамы просто когда-то был тяжелый период в жизни, поэтому у нее циничные взгляды на мир. Но Астрид не обязательно во всем следовать ее советам. И добавил, что доброту необязательно проявлять с расчетом на вознаграждение, потому что тогда ты будешь часто разочаровываться, потому что смысл доброты не в этом.

А мама еще добавила, что люди к тому же часто чувствуют, когда доброту проявляют неискренне, и им это не нравится. Так что лучше быть искренней, если уж решила быть доброй.

Теперь добрая Астрид отчетливо это вспомнила и искренне предложила Мамико:

– Пойдем рисуем. У меня есть мелки и шоколад.

– Мелки для мелкоты, – произнесла Мамико. – У тебя есть кисти и тушечница?

Это все у папы нашлось, и Астрид стала завистливо смотреть, как Мамико рисует ивы и птичек. А потом решила сама что-нибудь нарисовать, но быстро поняла, что так же красиво не сумеет, так что нечего и стараться. Вместо ив и птичек она просто намалевала смешные каракули и добавила побольше кровящи. А поскольку тушь была только черная, кровящу она нарисовала томатным соусом. Енот как раз приготовил пасту.

– Здесь я, а тут все мои враги, – объяснила Астрид вежливо слушающей Мамико. – Кланос, жирный Огус, Пирилла и еще там мелочь всякая копошится в уголке.

– А почему они все в кетчупе? – спросила Мамико.

– Это кровяща, она хлещет из их ран. Вообще, положу потом этот рисунок Кланосу на окошко. А то он скоро в Клеверный Ансамбль навсегда уедет, пусть у него будет память обо мне.

Астрид вспомнила, что осенью она опять пойдет в школу, во второй класс, и ей взгрустнулось. А потом она вспомнила, что в этот раз в школе не будет ни Кланоса, ни Пириллы, потому что они поступили в Клеверный Ансамбль и теперь будут учиться волшебству.

От этого ее охватили смешанные чувства. Вроде и хорошо, что все самые старшие недруги будут где-то подальше, а вроде и не очень. Жизнь утратит краски, не с кем будет бороться и иногда охотиться на водяного. Не с мелкотой же. Конечно, среди четвероклашек тоже были серьезные противники, но они все-таки уступали пятиклашкам.

Хотя ничего, жирный Огус останется. Он хоть и четвероклашка, но очень крупный, поэтому пятиклашки держали его за равного себе. А теперь он и вовсе будет пятиклашкой, так что станет еще крупнее и опаснее.

Астрид и Мамико играли вместе до самого вечера, пока взрослые занимались всякими скучными вещами. Астрид познакомила Мамико с Вероникой, призраком прадедушки и всеми фамиллиарами, поводила ее по окрестностям, поднялась с ней на обзорную башню, а потом хотела даже запрячь Сервелата и прокатиться до Радужниц, искупаться в море и забросать школу яйцами, но их позвали ужинать, и это все было отложено до завтра.

Гости продолжали прибывать. Пришел вечерний омнибус, и с ним приехал дядя Звиркудын с женой и двумя внуками. Он сказал, что ему их подкинули на все лето, так что он поживет тут немного, если Майно не против. Майно против не был, и только обрадовался старому другу.

Астрид тем более против не была, потому что Зога и Дзюта оказались чудесными. У них были карманные кинжалы и они все время дрались. Дзюта кидал в пруд камень на тридцать блингов, а Зога кидал в пруд Дзюту.

– Тля, Зога, да ты задрал!.. – каждый раз говорил Дзюта, и они начинали драться.

– Да ты там камень потерял! – приговаривал Зога, макая брата мордой в воду. – Нашел, нет?.. А теперь?.. Ищи лучше!

Они были постарше Астрид. Зоге уже исполнилось девять, Дзюте – восемь. Но Астрид было уже почти семь, и она сама могла кинуть в пруд что Зогу, что Дзюту, поэтому к ней они отнеслись с уважением.

Орки всегда уважают того, кто может кинуть их в пруд.

А еще вместе с дядей Звиркудыном приехал его фамиллиар-кабан, и Зога с Дзютой разрешили Астрид на нем покататься. А она разрешила им покататься на Сервелате и Булочке, хотя это было не так интересно, потому что лошади-то у всех есть, а вот верховые кабаны – не у всех.

– Не могу поверить, – говорил Звиркудын, курия с Майно на террасе. – Ты столько лет жил в кошеле посреди крохотной квартирки, пока у тебя было вот это все.

– В кошеле было очень просторно для одного, – пожал плечами хозяин усадьбы. – А столичная жизнь мне нравилась больше.

– А свадьбу ты зажилил, – заметил Звиркудын. – Вот у меня вы гуляли три дня. У Вератора мы тоже отгуляем как следует. А у тебя?..

– А у меня вы сейчас, – напомнил Майно. – И мы тогда спешили, нам было не до торжеств.

– А вот зря, – выбил трубку Звиркудын. – С Балаганщиком ты все равно успел поругаться. Ну ничего, ничего, мы с Вератором тебе покажем, что такое орочья свадьба. Он хоть и только наполовину, но судя по размаху – не зажилит.

Да, размах нарастал. В яркой вспышке явился самый почетный гость – лично председатель ученого совета. Вместе со своим креслом, в сопровождении многоцветных огней и браваурной музыки. Погладив окладистую бороду, он провозгласил:

– Мир этому дому!

– Зырь, это же дед из дальнзеркала! – восхитился Зога, даже перестав топить Дзюту.

Лахджа тоже восхитилась – ее прием выходил на какой-то новый, невиданный уровень. Рядом плакал енот.

Ихалайнен, ты что?

Лучший день... лучший в моей жизни... не мешай, я встречаю высоких гостей.

Локателли оправдал его ожидания. Он со всем уважением поприветствовал дворецкого-фамиллиара, вручил ему шляпу, которую надел явно для того, чтобы ее торжественно вручить, и взмыл в воздух, сразу выцепив взглядом жениха.

– Коллега, поздравляю со знаменательным днем! – похлопал он по спине Вератора. – Восхищен, взволнован! Мы уже и не ожидали, что однажды погуляем на твоей свадьбе!

– Мы, величайший волшебник планеты? – усмехнулся Вератор.

– Ну уж и величайший, ну уж!.. – расплылся в улыбке Локателли. – Ни к чему так-то уж правду-матку в лицо резать! Вератор, я знаю, что не состою в твоей дружбосети, но мне всегда хотелось считать тебя своим другом. Я помню, как много лет назад ты только появился в стенах Клеверного Ансамбля!.. Милый стеснительный мальчик с добрым сердцем!.. но я приберегу это для банкета. Когда соберутся все, и я всем расскажу, каким ты был мальчоночкой!

– Боги, мэтр Локателли, пощадите, – взмолился Вератор.

– Не могу, не могу, и даже не уговаривай! – замахал руками Локателли. – Ты посмотри, какая у меня борода! Разве человек с такой бородой может не ностальгировать о старых добрых временах и не взять слово при всем честном народе? И ты не переживай, что ты одинок, что здесь нет твоих родителей – я сам буду твоим посаженным отцом!

– Это большая честь, мэтр Локателли, – признал Вератор.

И это действительно была большая честь. Председатель ученого совета – это кудесней короля, кудесней императора. У Сидзуки аж глаза засверкали, когда Лахджа объяснила ей, что это за старик, и насколько высокого уровня только что достигла ее свадьба.

А Мамико, тоже восхищенная таким почетом, стала смотреть на Астрид как-то слегка высокомерно, и даже спросила невзначай, гостил ли Локателли на свадьбе ее мамы.

– А я не помню, я маленькая была, – проворчала Астрид.

– Наверное, нет, – решила Мамико. – Ты бы запомнила. Просто у твоего отчима третья степень, а у моего вторая.

Впервые Астрид подумала, что не во всем Мамико такая уж кудесная. Кажется, она даже немножко противная, просто поначалу маскировалась. А так как она умеет все лучше, чем Астрид, то она от этого какая-то в десять раз более противная.

– А ты не задавайся, – на всякий случай предупредила Астрид. – А то я тебя мордой в торт.

– Угу, – насмешливо кивнула Мамико. – Ладно, играй со своими орчатами, а я пойду.

Но куда она не ушла, конечно. Астрид и Мамико быстро помирились, и Зога с Дзютой тоже помирились. А потом они до третьего полуночного не спали, потому что никто из взрослых тоже не спал. Одни играли в манору, другие жгли костер на лужайке, кто-то купался в пруду, а дядя Вератор и мама Мамико сидели в беседке на островке.

Ночь выдалась звездная и безоблачная, был разгар лета, топились сауна, с корта доносились стук мяча, а енот насаживал на шампуры мясо и домашние сардельки. В золе запекались крабы, которых принес в подарок водяной, а председатель Локателли приятным баритоном пел под караоке.

На следующий день гостей стало еще больше. Кто-то телепортировался, кто-то прилетел на вехоте, кого-то призвал Вератор. Он созвал на свадьбу не всю свою дружбосеть, иначе в усадьбе свободного пятка бы не осталось, но явились многие.

Кроме «друзей» прибыла куча коллег и обычных друзей... но ни одного родственника. Что со стороны жениха, что со стороны невесты. Вератор был круглым сиротой, а Сидзука

давно утратила связь с родней. Насколько Лахджа поняла, отношения с семьей у нее были ужасными, иначе она и не согласилась бы в свое время так легко на брак с «принцем ёкаев».

И тем не менее, даже без родни гостей явилась толпа. Посетить свадьбу лауреата второй степени пожелала куча народа. Хорошо, что угощение и все остальное обеспечивал опять же Вератор со своими «друзьями», а Дегатти предоставил лишь место для торжества.

Кроме Локателли прибыла еще куча великих волшебников. Майно уважительно поздоровался со своей начальницей, Кайкелонной Чу, и раскланялся с самим главой Кустодиана, Наймом Сарразеном. А Лахджа вежливо поприветствовала мэтра Артуббу и немного натянуто улыбнулась Таалею Драмму, ректору Апеллиума. Тот ужасно обрадовался новой встрече и долго расспрашивал, как поживает она сама, как растет ее дочь... и ах да, у вас же родилась вторая дочь?.. Наверняка тоже поступит в Апеллиум!

Все, все в Апеллиум, к доброму дяде Таалею!

С Сидзукой многие были знакомы. Она уже больше года сопровождала Вератора на светских раутах, и успела приобрести репутацию благовоспитанной и умной женщины. Да, искусные чтецы аур при знакомстве с ней вскидывали брови, но в Валестре повидали и не такое. Это уж точно не настолько шокирующе, как жениться на демонице-фамиллиаре.

Провести церемонию явился сам отец Ульведиус, иерофант Мистерии. Большинство волшебников – ктототамцы, но венчаются они по севиристским традициям, поскольку ктототамизм никаких обрядов не предусматривает, а понятия «светский брак» на Парифате не существует. К тому же Вератор особенно настаивал на всех положенных ритуалах, объяснив отцу Ульведиусу сложность ситуации.

И тот, надо сказать, истово загорелся. Тут ведь речь уже не просто о единении двух сердец, но о спасении души человеческой! О разрыве связи смертной девицы и паргоронской твари! И он, верховный жрец страны волшебников, лично встал сегодня у алтаря с раскрытой Ктавой.

Алтарь возвели на островке в центре пруда. Вокруг стояли самые близкие друзья и почтенные гости, но всех приглашенных островок не умещал, поэтому Майно заколдовал пруд так, что поверхность воды стала твердой, как прозрачный пол. С плавающими под ним живыми карпами.

Вератор и Сидзука очень гармонично смотрелись бок о бок. На Парифате нет традиции жениху надевать черное, а невесте белое, но, разумеется, наряжаются в столь особенный день наилучшим образом.

Вератор был в сверкающем, расшитом золотыми цветами костюме, похожем на помесь европейского фрака и китайского халата. Тонкие усы спускались почти до подбородка, намащенные длинные волосы лежали на плечах, и вообще Вератор как-то умудрялся подчеркивать свою двойственную природу – эльф и орк в одном лице, натура одновременно утонченная и brutальная.

Сидзука же красовалась в алом шелковом кимоно с долгим шлейфом, который с одной стороны придерживала Мамико, а с другой – Вероника. Счастливая невеста глядела на море лиц, прикрывая сдержанную улыбку расшитым веером. В ушах у нее покачивались рубиновые серьги, а голову украшала коралловая диадема.

Лахджа готова была побиться об заклад, что все это она стырила у Хальтрекарока.

– Сегодня я, помазанный в божие служение отец Ульведиус, стою здесь, дабы соединить два любящих сердца, – заговорил густым басом иерофант. – Мне неизвестны никакие причины, способные воспрепятствовать сему союзу, но если они известны кому-то из присутствующих, то пусть он немедленно выступит и раскроет их.

Тщательно выдержанная пауза. Гробовое молчание. Гости боялись кашлянуть.

– Причин нет, – удовлетворенно кивнул иерофант. – В таком случае, ответь, дочь моя, добровольно ли ты присутствуешь здесь? Желаешь ли ты заключить сей союз и пребывать

в нем, пока богам не будет угодно его расторгнуть? Клянешься ли Двадцатью Шестью, что будешь любить, уважать и заботиться о своем нареченном?

– Да, – кивнула Сидзука.

– Теперь ответ ты, сын мой, добровольно ли ты присутствуешь здесь? Желает ли ты заключить сей союз и пребывать в нем, пока богам не будет угодно его расторгнуть? Клянешься ли Двадцатью Шестью, что будешь любить, уважать и заботиться о своей нареченной?

– Да, – кивнул Вератор.

– В таком случае скажите богам и людям о своих намерениях.

Сидзука вытянула шею и отчеканила, глядя на Вератора:

– Я, Фурукава Сидзука, перед богами и людьми беру тебя в законные мужья.

Вератор стиснул ее ладонь, и также произнес:

– Я, Вератор, перед богами и людьми беру тебя в законные жены.

– Слова были произнесены и услышаны мною, свидетелями и всеми Двадцатью Шестью, – раскинул руки иерофант. – Во славу божию, для радости...

И тут Сидзука вздрогнула. Плохо скрываемый восторг на ее лице сменился паникой, сменился ужасом. Она замерцала, заколебалась...

– Он призывает!!! – завизжала невеста, перебив жреца.

Вератор вцепился в ее руку. Стиснул так, что побелели костяшки, а на пальце засиял Перстень Дружбы. Всю свою силу волшебник бросил на удержание, всю энергию дружбосети направил в одну точку.

– Продолжайте! – рявкнул Майно опешившему иерофанту. – Быстрее!

– ...для радости небес, ради счастья всего живого, да будет свершен сей союз!.. – затаморил тот. – Персты к сему прилагаю, объявляя, что вот, да быются отныне два сердца как одно!..

– Я не могу... – прохрипел Вератор, глядя, как бледнеет, призрачнеет Сидзука. – Он сильнее...

Гости загомонили, кто-то резко вскочил. Майно и Звиркудын стиснули плечи Вератора, присоединились к цепочке. Оба фамильярщики, они направили другу всю свободную ману, дали столько энергии, что хватило бы на что угодно... но ее все равно не хватало! Сидзука все еще под властью демолорда, а отец Ульведиус не успевает закончить речитатив!..

И тут в почти растворившуюся ладонь невесты просунулась другая ладошка, крохотная. Вероника серьезно посмотрела на Сидзуку и сказала:

– Ниухади.

Что-то будто лопнуло. Невидимое, неосязаемое – но по всему помещью прокатился беззвучный звон. Тяга ослабла, Сидзука перестала исчезать, и обливающийся потом жрец торопливо завершил:

– ...И что боги соединили – того никому не разъединить!

Напряжение спало. Гости стали перешептываться, переглядываться. Лахджа подхватила на руки Веронику, гадая, заметил ли кто ее... штуку.

Вроде бы никто, слишком быстро все произошло. И брак заключен, таинство свершилось. Иерофант облегченно снимает церемониальную шапку.

Только внутри что-то кричит: ни кира еще не кончилось! Самое худшее только предстоит... и, возможно, прямо сейчас!..

– Ну или нет, – сказала Лахджа через минуту, поднося бокал ко рту.

И вот тут грянуло. Где-то за деревьями беззвучно треснула Кромка, и присутствующие невольно вздрогнули. Большинство гостей были волшебниками, и они, конечно, почувствовали такое возмущение в эфире.

Лахджа тоже вздрогнула. Ее «гхьет» подвергся вторжению. Хальтрекарок не сумел проваться в сердце усадьбы, но объявился где-то совсем рядом и теперь стремительно несется

сюда. Секунда, другая... и изгородь сотряслась. Даже отсюда видно, как задрожала земля и кольхнулся воздух. Бесчисленные печати и барьеры, что годами накладывали они с Майно, подверглись нештучному испытанию.

Но выстояли. Даже демолорд не сумел прорваться. Их накладывали в первую очередь против одного конкретного демона – именно того, который теперь в них ломится.

– ЛАХДЖА!!! – раздался безумный рев, и над изгородью вздулась громадная туша. Заплескались бесчисленные языки и щупальца, лапы заскребли по живой стене, срывая плющ и сминая цветы. Все заволокло скверной, дорожка растрескалась и задымилась, а растения мгновенно сгнили.

От гнева хвост Лахджи пошел волнами. Она так долго и старательно все это приводила в порядок, а этот смрадный призрак прошлого испортил все в одно мгновение.

Сидзука прижалась к Вератору, Мамико спряталась за них.

– Ой, кажется, началось Пятое Вторжение, надо поспешить, – сказал Локателли, набирая канapé. – Да будет барьер.

Над изгородью мыльной стеной замерцал купол. Он тут же содрогнулся – Хальтрекарок ударил в него всей своей бешеной злобой, – но выстоял.

– ЛАХДЖА-А-А! – повторил демолорд.

– Кто-то что-то сказал? – насмешливо произнесла демоница. – Плохо слышно! Мы установили кучу экранов против незваных гостей!

– А я вот все равно прорвался, – гордо воскликнул Инкадатти.

Гости, поначалу перепугавшиеся, стали облегченно посмеиваться. А Лахджу взял кураж – когда еще за ее спиной будет стоять половина ученого совета Мистерии?

– Это ты-ы-ы!.. – заревел Хальтрекарок. – Кто еще осмелился бы! Ты-ы-ы! Камень в моем ботинке!..

– Ты не носишь ботинок, – заметила Лахджа. – Думаю, это потому, что ты так и не разобрался, как завязывать шнурки.

Среди гостей раздался смех. А Хальтрекарок пришел в такую ярость, что барьер поплыл. Локателли нахмурился и вскинул руку, добавляя энергии.

– Верни мне ее! – проскрежетал зубами Хальтрекарок.

– Слушай, а ты помнишь, что тебе запрещено являться сюда во плоти? – заметила Лахджа.

– Только если я не являюсь пострадавшей стороной! – злорадно воскликнул Хальтрекарок. – Ах-ха-ха-ха!.. Вот ты и попалась!.. Подружку вытащила?! Похитила МОЮ собственность?! Теперь я вас обеих выпотрошу! Я зна-а-ал, я жда-а-ал!..

Лахджа невольно изумилась. Он что, в самом деле знал и ждал?.. Это была такая комбинация с его стороны? Хитрая ловушка, в которую она угодила?

Да нет, не может быть. Наверняка он просто сейчас делает вид, что все так и было задумано.

– Что ты знал?! – крикнула она. – Думаешь, я сама сняла с нее твою печать?! Это просто произошло у меня дома! Просто потому, что я никому не препятствовала!

– Отговорки! – выкрикнул Хальтрекарок.

Барьер продолжал мерцать и трещать, а за ним метался искаженный силуэт. Демолорд словно бился в дверь гигантским плечом. Лахджа на мгновение ощутила себя несчастной женщиной, к которой ломится пьяный бывший.

Тем временем волшебники закончили короткое совещание. В общем-то, подобное происшествие предусматривалось, а некоторые здесь на него даже рассчитывали. Таалей Драмм уже развертывал длинный свиток, а Артубба срывал обертку со своего свадебного подарка.

– Вот! – гордо воскликнул он, демонстрируя огромную вазу. – Мой звездный час! Мэтресс Чу, не окажете ли честь?..

О, тут было много волшебников. И многие умели обращаться с демонами.

– Сидзука, жена моя! – неожиданно сменил тактику Хальтрекарок. – Слышишь ли ты меня?! Выйди ко мне, не слушай эту подлую, коварную змею, что пригрел я когда-то на своей груди! Она лжет тебе, обманывает! Она использует тебя, лишь бы лишний раз ужалить меня своими ядовитыми клыками!

– Я не буду ему отвечать, – прошептала Сидзука Вератору, нашаривая за пазухой бластер.

– Почему, любовь моя?! – разнеслось над всем лесом. – Ответь мне!.. вернись ко мне!.. вернись сейчас же. ИЛИ Я ТЕБЯ СОЖРУ!!!

– Ладно, коллеги, я предлагаю что-то с этим сделать, – сказал Локателли, беря еще одно канане. – У нас тут прорыв из Паргорона, пятая степень угрозы. Действуем согласно протоколу. Мэтр Сарразен, мэтресс Чу, я на вас полагаюсь. Мэтр Артубба, откройте вазу. Мэтр Драмм, подстрахуйте нас. Мэтр Дегатти, вы готовы?.. Да будет...

Но прежде, чем он взмахнул рукой, Хальтрекарок выкрикнул:

– Хорошо!.. хорошо, Сидзука, я дарю тебе свободу!.. Веди жалкое подобие жизни среди червей, одним из которых ты родилась! Я возвысил тебя, я дал тебе все, но... теперь я дам тебе и свободу!.. Пусть Сальван и эти жалкие колдунцы видят мою добрую волю! Я отпускаю тебя на все четыре стороны, хотя и считаю, что все можно было уладить, все можно было обсудить!.. Прощай навсегда, между нами все кончено!

– Обсудить, – фыркнула Лахджа, закидывая в рот оливку. – С ним.

– Но ты-ы-ы!.. ты, Лахджа!.. – продолжил Хальтрекарок. – Берегись теперь!.. Не думай, что после такого плевка я по-прежнему буду к тебе снисходителен!

– Не быть барьеру, – произнес Локателли.

Барьер спал. В воздухе отчетливо стал виден обнаженный мужчина. Воздух вокруг него кипел от буйства энергий.

– Дети, прикройте глаза, – сурово произнесла мэтресс Рокуалли. – Это неслыханно. Фу, бесстыдник.

Теперь Хальтрекарок мог ринуться прямо в толпу – Дегатти свои печати тоже снял. Мог с размаху ринуться на гостей, мог сожрать всех и каждого.

Мог, но... демолорд не видел страха на лицах смертных. Только жадное напряженное ожидание. А какой-то гном накренил огромную вазу и аж облизывает усы от предвкушения. Волшебница рядом с ним очертила в воздухе круг, и от него потянуло... Хальтрекарока пере-дернуло.

Черви. Презренные смертные создания. Все это – просто огромная ловушка, а его милая Сидзука в ней – приманка. Хальтрекарок кипел от ненависти, от возмущения, его переполнял праведный гнев... но он вспомнил брата, что сорок лет просидел в сундуке на дне моря... а тут сорока годами может и не обойтись.

И он отступил. Ушел. Исчез прежде, чем волшебники начали ритуал.

– Да почему опять я-то оказалась виновата? – вздохнула Лахджа. – Сидзука, ты мне должна.

– Спасибо тебе, – чуть виновато улыбнулась подруга. – Боюсь, теперь ты навсегда займешь особое место в его сердце.

– О, я уже. Поздравляю с бракосочетанием. Теперь ты официально свободна от Хальтрекарока и все еще жива.

– Давай нажремся, – предложила Сидзука.

С уходом демолорда напряжение спало. Не сразу, но гости успокоились, хотя некоторые и поспешили откланяться.

– Ну куда же вы, коллеги? – укорял Локателли. – Подумаешь, один незванный гость! Невоспитанный балагур, щеголявший без исподнего! Да на какой свадьбе подобного не случается?! Да даже до драки не дошло! Право же, коллеги, давайте танцевать! Музыку!..

– Кхм!.. – возвысил голос енот, стоявший с полотенцем на лапке. – Столы накрыты в саду, прошу угощаться.

Ну а дальше начался фуршет и гуляния. Танцы, тосты, свадебные конкурсы. Мэтресс Рокуалли ради праздника тряхнула стариной, и небо затянулось картинами от горизонта до горизонта, расцвело многокрасочными иллюзиями. Взметались фонтаны и пылали световые феерии, гремела музыка, и сам Брюден Ганцара пел за целый хор.

Усадьба Дегатти не видела такого торжества... возможно, вообще никогда.

Лахджа подумала, что это, должно быть, большая редкость – чтобы женился лауреат Бриара, да еще второй степени. И третью-то степень получают в основном почтенные волшебники, а уж вторую обычно в таком возрасте, в котором любой обычный смертный давно в могиле тлеет. И если маг такого уровня к такому возрасту все еще не обзавелся семьей – так он и не обзаведется, скорее всего, уже.

А еще ей подумалось, что визит Хальтрекарока придал свадьбе какую-то... законченность. Особую сладость. Пока остальные пили, танцевали и веселились, пока Сидзука жадно распаковывала подарки... интересно, нашла она уже плеер от Лахджи?.. хозяйка усадьбы лежала в гамаке, натянутом меж стволов ив.

– Чего скучаешь? – возник рядом муж с двумя бокалами. – Пошли танцевать?

– Ну не знаю, у меня такой стресс... – закапризничала Лахджа.

– Пошли, пошли, – стал раскачивать гамак Майно.

– А-э-а-э-а-э-а-а!.. стресс усиливается!..

– Это правильно, – раздался снизу холодный голос. – Лахджа, у тебя еще не такой стресс будет, если снова что-то такое выкинешь.

Лахджа перевесилась через край и встретила взглядом с сердитым рыжим котом. Совнар выглядел не таким злым, как его хозяин, но все же видно было, насколько он недоволен.

– А я тут ни при чем, – нагло заявила демоница. – В основном.

– Да ну? – хмыкнул бушук.

– Да! Я с Сидзукой списывалась, общалась, пару раз пригласила в гости... и тут она встретила мужчину. И к этому я отношения не имею никакого. Они сами все сделали, а я просто площадку для свадьбы предоставила. Потому что я хорошая подруга. И заметь, меня поставили в очень неловкое положение. Как это теперь выглядит? Но я не смогла отказать.

– А стоило бы, – процедил Совнар. – Видимо, ты совсем не ценишь доброго к тебе отношения. Лучше тебе не повторять этот трюк. Хальтрекарок уже катает на тебя здоровенную жалобу во все инстанции, в какие только может.

– Совнар, меня это волнует, как килограмм говна.

– А именно его ты и получишь, – заверил Совнар. – Волнует он тебя или нет, но твои позиции только что ослабли, а Хальтрекарока – окрепли. Сальвану защищать тебя будет труднее, а мне – неприятней. А зачем мне делать то, что мне неприятно?

– Совнар, не запугивай зря, – насмешливо сказал Майно, до этого молча стоявший и смотревший. – Кийталана, между прочим, прислала подарок на свадьбу. А если Хальтрекарок накает жалобу в Сальван, там наверняка демонстративно ею подотрутся и будут долго хохотать.

– Наверняка, – не стал спорить Совнар. – Я и не говорю, что кому-то будет дело до обид Хальтрекарока. При других обстоятельствах ему и самому не было бы дела. Ты же помнишь наше правило о ускользнувшей добыче?

– Я помню, помню. Он и Лахджу-то возвращать не собирался, пока ему о ней отдельно не напомнили.

– Да, так было. Но времена изменились. И Хальтрекарок изменился. Теперь он к этому относится иначе.

– Совнар, – уселась в гамаке Лахджа. – У Хальтрекарока двести жен. Он их раньше просто раздаривал или жрал. Он сам хотел снизить их число до ста. Ну сбежала от него еще одна, даже не из числа любимых... он ведь давно не интересовался Сидзукой!

– При других обстоятельствах ему было бы наплевать, – повторил Совнар. – Он так разозлился, потому что к этому приложила руку ты. Ты очень, очень задела его самолюбие. Так что прими добрый совет: не повторяй подобное. А то в следующий раз он может положить и на судебные запреты, и на кодекс гохерримов, и на собственные интересы. Не зли его до такой степени, чтобы он сошел с ума и все мне испортил!

– Ладно, не буду, – посерьезнела Лахджа. – На фуршет пойдешь?

– Нет... эм... да, – поводит носом Совнар. – Но я тут инкогнито.

– Ты просто кот, мы всем так и скажем, – пообещала Лахджа.

– Ага, – кивнул Совнар. – Кстати, у меня есть вопросы к счастливой новобрачной. Она – уверен, что по ошибке! – в качестве приданого утащила сундучок моей дочери, Мазедейи.

Глава 9

Астрид показывала Мамико свою пасеку. Сзади тащила Вероника и немного похныкивала, потому что ей всего два с половиной годика, и у нее коротенькие кривые ножки.

Мамико оставили у Астрид в гостях до конца лета. Ее мама портировалась с дядей Вератором в свадебное путешествие, а Мамико они бросили на произвол судьбы и семьи Дегатти. Тетя Сидзука сказала, что Мамико – сестра Астрид по отцу, так что Лахджа в каком-то смысле и для Мамико мама. Лахджа согласилась считать Мамико максимум племянницей, но гостить до конца лета позволила, и Астрид этому ужасно обрадовалась.

Вероника, конечно, тоже неплохая сестра, она во всем слушается и умеет делать штуку. Но она еще слишком мелкая, с ней и поговорить-то не о чем. А Мамико младше всего на четыре луны, с ней можно играть во что хочешь, и она умная... иногда чересчур умная, если вы спросите Астрид. Но это ничего.

До вчерашнего дня у них еще гостили Зога и Дзюта. Прогостили почти целую луну и много совершили великих деяний. Но вчера их дедушка Звиркудын грустно сказал, что пора уже и честь знать, обыграл напоследок папу в манору, нажарил гору орочьего шашлыка и уехал вместе со своими внуками и ездовым кабаном.

Но хотя бы Мамико осталась, так что теперь Астрид устроила ей экскурсию по поместью. Она уже устраивала ее в самом начале, но теперь устроила еще одну, персонально для Мамико, потому что в тот раз Зога и Дзюта все время орали и заглушали Астрид, так что Мамико наверняка многое не поняла.

К тому же теперь с ними еще и Вероника. В прошлый раз ее не пустили, потому что она слишком маленькая, но с тех пор она состарилась на целую луну, так что ей уже можно гулять по поместью с сестрой.

Наверное. Астрид не спрашивала.

– Когда тут жил дедушка, тут было много пчел, – с высоты своего жизненного опыта объясняла Астрид. – Но сейчас тут только ульи, пустые. Правда, они немножко подчарованные, поэтому такие целенькие.

– Зачарованные, – вежливо поправила Мамико.

– Ой, Мамико, какая ты умная, все слова правильно знаешь, – восхитилась Астрид. – Была бы ты еще умнее, тебя бы в музее выставили с табличкой «самая умная девочка на свете».

Вероника доковыляла до улья и пыталась заглянуть в леток, но не дотягивалась. Однако упрямства ей было не занимать, и она продолжала карабкаться. Астрид пожалела глупую маленькую каракатицу и немного приподняла, чтобы та своим глазом убедилась – нет там внутри ни кира, только пыль и темно.

Астрид уже раз десять заглядывала.

Она рассказала Мамико, что вот здесь все тоже их владения, но если пойти в ту сторону, то шагов через пятьсот или даже четыреста начнутся земли эльфийского короля Сребролука, который день-деньской играет на арфе. А если в ту, то почти через пятьсот или тоже четыреста пятьдесят шагов живет злой колдун Инкадатти. Но не сразу, потому что между землями заборов нет и черты тоже никакой нет, так что точно даже и неизвестно, где одно поместье начинается, а другое заканчивается. На карте это все нарисовано, мама Астрид показывала однажды, но там не все понятно, если тебе только почти семь лет.

А Мамико все будет еще непонятнее, потому что ей даже и не почти семь лет, а всего шесть с половиной.

– Да, наверное, – вежливо согласилась Мамико.

Но они все равно пошли дальше в лес, потому что интересно и загадочно. Мама велела далеко не забредать, но они же еще не далеко, это все еще их земля. Да и вон, в небе Матти кружит, с какой-то голубкой болтает. А из-за деревьев лай Тифона доносится.

Да и вообще – чего бояться? Вокруг сплошная Радужная бухта, тут все свои, и даже дед Инкадатти хоть и орет, чтобы демоны не смели жрать его малину, но на самом деле только радуется, когда Астрид залезает к нему в гости, потому что тогда он может власть побраниться.

Это Астрид объясняла Мамико, пока они углублялись в соседскую территорию. Шли медленно, потому что Вероника пыхтела, но упорно топала следом, а ее нельзя потерять в лесу, она маленькая и глупая, ничего не поймет, так и останется жить в лесу. Будет расти, как трава растет.

А Астрид мама наругает. Ни за что.

– Э, нелюди, вы чо по нашему лесу ходите?! – донесся недовольный голос.

Мамико сразу спряталась за Астрид, и Вероника тоже. Та прикрыла маленьких сестер-полудемонов крыльями и бесстрашно ответила:

– А вот хочу и хожу, и буду ходить, и еще и плюну вот тут у вас на землю, вот!

И она так и сделала. Астрид Пряמודушная слов на ветер не бросает.

Из-за деревьев появились мальчишка и девчонка. Лет девяти, десяти или, возможно, двадцати шести, если они карлики. Девчонка тощая, длинная и патлатая, а мальчишка пониже и толстый, хотя и не такой толстый, как жирный Огус, а так себе, средней толстости.

– И это не ваш лес! – заявила Астрид. – Тут дед Инкадатти живет!

– А мы ему пра-пра... пра... внуки мы его! – возразила девчонка. – Я вот Онгурия Инкадатти, а он... тебя как звать?

– Гидуар, – буркнул толстый. – Горотти.

– А чо даже не Инкадатти? – спросила Астрид.

– У меня мама Инкадатти. А папа – Горотти. Мы с Онгуркой кузены.

– Ну и чо? А я вот зато Астрид Дегатти.

Онгурия с Гидуаром засмеялись, и Онгурия сказала:

– Ты не Дегатти. Ты нелюдь. Если кому-то из Дегатти вздумалось поиграться и типа тебя признать – это ничо не значит. Это как обезьянку завести и кличку дать.

– Потеха! – согласился Гидуар.

Астрид гневно засопела. Для нее оказалось неожиданностью, что у деда Инкадатти есть правнуки, и они даже похожи на людей. Она-то думала, что если он и породил когда-нибудь кого-нибудь, то жаб каких-нибудь ядовитых, или огненных гиен.

Но вот, есть, оказывается. И даже в гости приехали. Или... или...

– А дедушка Инкадатти умер, что ли! – заволновалась она.

– Чего это? – не понял Гидуар. – Мы ж к нему в гости приехали.

Фу ты. Просто Астрид вспомнила, что папа как-то раз говорил, что Инкадатти родня если однажды и навестит, то разве что на похоронах.

Неправ был папа, выходит. Ошибался. Надо будет ему об этом сказать.

– Ну вот и валите к нему, – велела Астрид. – А тут мы гуляем.

– Э, тут наш лес! – подошла ближе Онгурия. – Сама вали, рукокрылое!

– А я тебе сейчас всеку! – немножко разозлилась Астрид.

– А тебе нельзя трогать мистерийцев! – фыркнула Онгурия.

– Вонючка! – засмеялся Гидуар.

– Дочь суккуба! – добавила Онгурия.

– Дура!

– Отрыжка паргоронская!

– Говняшка!

Астрид поняла, что дедушка Инкадатти многое поведал о ней своим потомкам, которых вскоре трагически лишится.

– Вам конец, – сказала она, подбирая камень.

Через минуту Онгурия удирала, грозя кулаком и держась за ушибленное плечо, а Гидуар валялся самую чуточку побитый, и Астрид попирала его гнусную рожу своей благородной ступней.

– Вновь Астрид Неукротимая одерживает блистательную победу! – провозгласила она, суя в карман клоч волос, вырванных у Онгурии.

– Нехорошо отвечать дракой на обзывалки, – сказала Мамико. – Ты же девочка, Астрид.

– Ну да, поэтому они все еще живы, – ответила Астрид. – Я принцесса, поэтому добрая и нежная. Ладно, беги отсюда, помни мою доброту!

– Я все расскажу дедушке! – пообещал Гидуар, с трудом поднимаясь и убегая.

– И тебя посадят в клетку! – крикнула Онгурия, ждавшая Гидуара за деревом.

Астрид вздохнула. Опять не получилось завести новых друзей. Вот почему так каждый раз? Она ведь даже не первая начинает.

И вот когда тут гостили Зога и Дзюта, Астрид никто не обижал. За ними она была, как за каменной стеной. А теперь всякие отбросы только и знают, что обзываться.

– Вот жалко, нет у нас брата... – взгрустнулось девочке. – Он бы за нас заступался...

– Да, жалко, – согласилась Мамико.

– Зялка, – кивнула Вероника.

Астрид и Мамико поплелись домой, потому что лучше первыми изложить маме с папой, как было дело, потому что дед Инкадатти точно придет скандалить, что его правнуков избili демоны. А то и волостной агент зайвится разбираться. А Вероника немножко поковыряла в носу, помигала своим детским посошком и задумчиво сказала:

– Бьята бы хаясё для Астить... вот бы пьисёл какоить ка бьятъя там...

Она не знала, как вообще появляются братья. Наверное, из леса приходят, или еще как-нибудь.

Думая об этом, она старалась идти побыстрее, потому что Астрид иногда торопится, за ней трудно поспевать. А Вероника не хотела отстать от Астрид, потому что хотела быть с сестрой.

– Ну ты где там?! – вернулась Астрид. – Идем! Дай руку!

Вероника доверчиво сунула ей ладошку, и Астрид повела ее домой, объясняя, что нельзя теряться в лесу, тут и волки голодные водятся, и страшила Фобози, и злой дед Инкадатти...

Они все едят маленьких детей.

Но до дома девочки не дошли. Они пересекли невидимую границу между поместьями, впереди уже виднелась пасека, когда из-за деревьев вдруг вышел еще один мальчик. Лет семи на вид, темноволосый, кареглазый и почему-то без одежды.

Купался, наверное.

Астрид сразу отвернулась сама и отвернула Веронику. Мама ей объясняла, что хоть фархерримы и ходят голыми, но в мире смертных это фу и неправильно. Хотя бы некоторые места надо прикрывать даже когда купаешься.

А вот Мамико не отвернулась. Она удивленно посмотрела на мальчика и сказала:

– Привет, Эммертрарок.

– Привет, Мамико, – ответил тот совсем взрослым голосом. – Где мы?

– Парифат, – ответила та. – Мистерия.

– Плохо, – сказал мальчик. – Почему я тут? Меня призвали? Я... у меня еще нет Слова Вызова. Я просто гулял в саду... а потом...

– Это кто? – шепнула Астрид.

– Наш брат, – шепнула Мамико. – Эммертрарок, он сын Лаиссалны.

Астрид втянула воздуха в грудь и повернула к себе Веронику. Она сразу поняла, что произошло и кто в этом виноват.

Вероника уставилась невинными фиалковыми глазенками. Она-то явно ничего не понимала. Конечно, ей два года и... сколько там, пять лун?... даже не два с половиной года еще!

Астрид бы наорала на нее, сказав, что если она жалеет, что у нее нет брата, то это не значит, что надо призывать какого попало брата. Но тогда Мамико услышит... и Эммерттарок тоже. Не надо трепаться про штуку Вероники.

– Ты заблудился, наверное... брат, – сказала она вместо этого. – Привет. Я Астрид.

– Я тебя помню, – проворчал Эммерттарок. – Ты лазила по потолку и жрала все, что не приколочено, а потом блевала во все стороны. Люльку мне ломала все время.

Ярыть, он ее и правда помнит! А вот Астрид его не помнила... она вообще ничего не помнила о Паргороне, ее забрали оттуда слишком мелкой. Но она решила не показывать виду и невозмутимо ответила:

– Ты бы тоже так делал, если б мог.

– Да, – процедил Эммерттарок.

Демоненок растерянно уселся на траву и спросил:

– А почему вы в одежде?

– Принято так, – ответила Мамико, покружившись в своем голубеньком платьице. – И красиво.

– А почему мы в Мистерии?

– Живем мы тут.

– Я не живу. Хочу домой.

– Ну так иди, – сказала Астрид.

Эммерттарок посмотрел на нее, как на идиотку. Он не знал, как сюда попал, и как ему возвращаться.

Будучи демоном-гхьетшедарием, он родился с готовым пакетом знаний и с самого рождения обладал голосом, зубами и интеллектом взрослого мужчины. Но остальное тело у него было младенческое, и взросло оно с той же скоростью, что у смертных людей. Физиологически ему семь лет, он ребенок. И у него нет никаких способностей, нет демонической силы – и не будет, пока он не совершит преобразование. Тогда он станет настоящим демоном со всеми вытекающими, но навечно застынет в том облике, в котором будет на тот момент.

Если сделать это в семь лет – вечно будешь семилетним ребенком.

– Я не могу преобразоваться сейчас, – произнес он. – Это жестоко. Меня не будут воспринимать всерьез, сделают парией. И я не смогу любить женщин.

– Да лан, дядя Фурундарок вон вообще младенец, – пожалла плечами Астрид.

– И он этому рад, по-твоему? – сдержанно спросил Эммерттарок. – Думаешь, почему у него такой дурной нрав? Я был таким же, когда был младенцем – страшно злило, что даже на ноги встать не могу. А он в этом состоянии заперт навечно. Следовало бы испытывать чуть больше сочувствия к нему, знаешь ли.

– Ну посочувствуй ему при случае, – предложила Мамико.

Эммерттарок нервно засмеялся, дергая головой. Он напряженно думал, как вернуться домой. Не то чтобы ему так уж нравилось во дворце Хальтрекарока, но здесь маленькому демону быть просто опасно. Кругом волшебники, которые с радостью возьмут его в плен и будут использовать противоестественным образом. А поскольку он одноформенный гхьетшедарий, он даже не сможет защититься... или будет вынужден все-таки совершить преобразование и загубить свою жизнь навсегда.

– Как я сюда попал? – стиснул он кулачки. – Это не вы?... Почему я попал именно к вам?..

– Мы ничего не делали, – растерянно ответила Мамико.

– И я тоже ничего не делала, – честно сказала Астрид. – Как бы мы смогли?

Вероника шаркнула ножкой. Она тоже ничего не делала.

– Ну... конечно... как бы вы?.. – растерянно спросил в никуда Эммертрарок. – Может, я через Лимбо?.. произвольно?.. да не... да как?!

Астрид незаметно ущипнула Веронику так, что та ойкнула. Вот вечно из-за нее у старшей сестры проблемы. Теперь думай, что делать с этим паргоронским братишкой.

– Я есть хочу, – почти всхлипнул Эммертрарок. – Я шел на обед.

– Из-за тебя он умрет с голода! – шикнула на Веронику Астрид.

Вероника ничего не поняла, но очень расстроилась. Кажется, опять она виновата.

А Астрид поняла, что ситуацию исправлять ей, больше никому. Она взяла брата за руку, помогла подняться и сказала:

– Пошли, сейчас мы тебя накормим.

Они вошли через черный ход, потому что Астрид знала деда Инкадатти. Она осторожно выглянула из окна в столовой, и, конечно, увидела на террасе родителей, пьющих чай с волостным агентом. Выглядел тот, как обычно, усталым и немного сонным.

Но в этот раз он был не один. За тем же столом сидели дед Инкадатти и его правнуки. Прихлебывали чай так важно, словно это они тут главные, а не Астрид. И мама с папой им в этом потакали – до сих пор никто не встал, не указал пальцем и не крикнул: пошли вон, не то собаку спустим!

Астрид иногда совершенно не понимала родителей. Мягкотелые они какие-то.

– Все чисто, пошли на кухню, – велела она Эммертрароку. – Мы тебя ща накормим и спрячем. А потом вместе подумаем.

К удивлению Астрид, ел Эммертрарок все то же самое, что Мамико, Вероника и прочие обычные люди и полудемоны. Ему не хотелось ни вкуснющих ложек, ни червяков каких-нибудь, ни еще всякого деликатесного, чем с удовольствием перекусывала Астрид и дядя Фурундарок.

А ведь он чистокровный гхьетшедарий, или гхутшендорий, или гхитшедури, или как их там. Астрид только наполовинку, но у нее анклав. А у него что, нету?

– Нет и не будет, пока не преобразуюсь, – недовольно ответил Эммертрарок, жуя сдобное печенье. – А я хочу преобразоваться только в тридцать лет.

– Чо так поздно? – спросила Астрид, жуя чайную ложечку. – Ты ж старый будешь. Как дед.

– Нет. Я буду выглядеть зрелым, но все еще достаточно молодым. Не хочу быть юнцом вечную вечность. Хочу что-нибудь такое, среднее.

Он съел половину печенья и неохотно отодвинул остальное. Ему явно хотелось еще, но он с сожалением сказал:

– Достаточно. А то отложится на боках.

– Ну и что? – не поняла Астрид.

– А то, что если толстеть и худеть, и снова толстеть, и снова худеть, на коже будут растяжки и она будет не такая упругая. Будет больше мимических морщин и всякого такого.

– Те семь лет, дурень. Какие растяжки?

– Мне мама то же самое говорит, – тихо сказала Мамико. – Все время. Каждый раз, когда я прошу добавки...

– А мне мама говорит только, что если я растолстею, то летать не смогу, и она мне Левитацию подарит, – похвасталась Астрид, доедая печенье и делясь с Вероникой. – Потому что я типа стану мерзким жирным инвалидом, но она все равно будет меня любить, хотя и немножко с отвращением.

Сказав это, Астрид тупо посмотрела на печенье и тоже отодвинула его подальше.

Однако через некоторое время всем стало понятно, что одного только печенья четверым демонятам и полудемонятам недостаточно. У Вероники первой забурчало в животе, и она жалобно попросила:

– Астить, кусать. Дяй.

– М-да, пожалуй, я бы тоже съел еще что-нибудь, – признал и маленький гхьетшедарий, сползая со стула и суя нос в холодильный сундук. – Что у вас есть?

Астрид не понравилось такое самоуправство. Он не дядя Фурундарок, чтобы так хозяйничать. Но съесть что-нибудь нормальное захотелось и ей, а енот работает где-то вне дома, и маму сейчас тоже лучше не дергать, а папа умеет готовить только виски с яйцом... да, точно, яишенка!

Астрид уже чувствовала себя достаточно взрослым опытным демоном для таких вещей. Она уже знала принципы и один раз приготовила почти нормальную яичницу с совсем немного излишним количеством соли и под совсем незначительным присмотром и едва заметной помощью мамы. Стоит повторить и закрепить успех.

– Внимайте! – провозгласила она, запрыгивая на кухонный остров, а с него на разделочный стол и доставая сковородку. – Сегодня Астрид Восхитительная научит вас готовить изумительное блюдо – яичницу из яиц диких птиц!

Мамико и Вероника в восторге заплодировали. Какая преданная аудитория! Астрид польщенно раскланялась, хотя радость и омрачила кислая мина на роже Эммертрарока. Он явно в ней сомневается!.. ничего, она ему сейчас покажет!

Бекон! Астрид швырнула на раскаленную сковороду сразу несколько полосок! Она обожала яичницу с беконом, и все в доме ее обожали! Это национальный мистерийский завтрак, все волшебники едят яичницу с беконом и облизываются, так что она достаточно хороша и для невоспитанного гхитшедури!

Ой, как же он заскворчал! Кухня сразу наполнилась ароматом! Ничто в целом мире не умеет так скворчать и пахнуть, как хороший свиной бекон! Уже чувствуя, как текут слюнки, Астрид принялась разбивать яйца диких птиц... ну как диких?.. некоторые дерзкие куры и особенно петух Роланд периодически пытались вступать с Астрид в бой, так что они достаточно дикие, думается.

Первое яйцо разбилось идеально. Кругленький желток посреди озера белка. С гордостью поглядывая на сестер и брата, Астрид разбила второе... ну тоже почти идеально. Желток совсем немного растекся, ничего страшного. Третье... а-а-а, что за кирня?!

Из третьего яйца вместо желтка вывалился красный цыплячий зародыш. И был он такой гадкий, что даже демонята и полудемонята завопили от ужаса.

– А-а-а!.. – громче всех орала Астрид, пытаясь убрать его со сковороды. – Фу-у-у!.. а-а-а!.. фу-у-у!.. м-м-м!..

– Фу, Астрид, – поморщился папа, как раз в этот момент вошедший на кухню.

– Фто?.. – не поняла Астрид, с аппетитом жуя.

– Вкусно пахнет, – похвалил папа, сдержав тошноту. – Посолить не забыла?

– Ща!.. ща!..

– Не пересоли. Когда закончишь, выйди на террасу, мы тебя ругать будем... так, а ты чего без штанов? Ты Пордалли или Рокуалли?

Папа не трудился запоминать всех соседских детей, их слишком много. Правда, уже через секунду он пристальней пригляделся к Эммертрароку, понял свою ошибку, и у него приподнялись брови.

– Оденься, – приказал папа, делая пасс и наколдовывая тунику с кальсонами. – Астрид, корми гостей и выходи держать ответ за все свои преступления. А ты ешь и объясняй, почему у меня на кухне опять какие-то демоны.

Сам папа вышел, прихватив остатки печенья, сладкие крендельки, мармелад и бутылку шипучего сидра. Но вместо него в кухню зашел Снежок, а это все равно что сам папа, он в любой момент может глядеть и говорить через любого фамиллиара. Белый кот запрыгнул на стул, принялся к яичнице и важно сказал:

– Я слушаю. Объясняйте.

Пока Мамико, Вероника и Эммертрарок лопали яичницу и объяснялись с осуждающим котом, голодную и невинную Астрид допрашивали родители и прочие злые люди. Но этот неправый суд продлился недолго. Как только Астрид изложила свою версию событий, и стало известно, что ее первую оскорбили нехорошими словами и вообще она защищала младших сестреночек, папа хлопнул ладонью по столу и сказал, что правнуки мэтра Инкадатти сами во всем виноваты, так что пусть на себя и пеняют. А если мэтр Инкадатти чем-то недоволен, то пусть в суд подает или чем там еще всякие старые упыри от безделья занимаются. Они с ним оба профессора, так что дело будет рассматривать ученый совет.

Дед Инкадатти покочевряжился, наговорил всяких плохих слов, сказал, что ученый совет куплен, и Кустодиан куплен, и дядя Аганель куплен, и вообще весь мир прогнил, а он один хороший и красивый, но потом все-таки ушел. Спросил только напоследок, можно ли его праправнукам приходиться к Дегатти играть, а то их на него сплывили до конца лета, и они у него уже в печенках сидят.

– Нет уж, извините, – мягко, но твердо отказал папа. – У нас и так гостят... сводные племянники.

– Племянники?.. – не поняла мама. – Племянница же. Одна.

– А вот это еще одна интересная новость, – ответил папа, дождавшись, пока сосед и волостной агент отойдут подальше.

Толкуя с дедом Инкадатти, папа одновременно слушал через Снежка рассказ Эммертра-рока, так что уже знал, кто он такой и как здесь оказался... точнее, этого пока не знал, потому что Эммертрарок этого сам не знал. Но некоторые предположения у папы появились, когда Мамико упомянула, что они там жалели, что у них нет брата, а Вероника при этом рядом стояла.

– Если он останется надолго, нужна постоянная одежда, – сказал папа, когда они с мамой пришли посмотреть на пьющего сок Эммертрарока. – Мои невелики держатся сутки, потом надо пересотворять.

– Привет, Лахджа, давно не виделись, – хмыкнул маленький гхьетшедарий, дергая ворот туники так, словно та его душила. – Вот, значит, на кого ты променяла моего отца. Хороший выбор.

Майно аж поперхнулся, услышав одобрение из уст гхьетшедария, сына Хальтрекарока. Малолетнего, да... но гхьетшедарии умственно рождаются сразу взрослыми и очень злобными. Они вместо «уа» и «агу» изрыгают матерщину и ядовито комментируют вкус материнского молока.

– Мне нравятся колдуны, которые не запикивают меня сходу в сосуд, – голосом умудренного старца произнес Эммертрарок, держа ладошками стаканчик.

– Сомневаюсь, что ты их много встречал, – заметил Майно. – Не все колдуны заинтересованы в демонах-рабах.

– Хотя лучше заведомо от них этого ожидать, – добавила Лахджа. – Шкура будет целее.

– Я знаю, – проворчал Эммертрарок. – Я маленький, а не тупой.

Лахджа подумала, насколько должно быть странно вот так вот рожать и растить маленьких... взрослых. Когда младенец прямо из люльки общается с тобой на равных. Дичь какая. Слава Кому-То-Там, ее дети этого избежали.

– Мам, он домой хотел, – дернула ее за подол Астрид.

– Ну отправим домой, – пообещала мама. – Сейчас только прикинем, как удобней это сделать...

– Да я не спешу, – заверил Эммертрарок, болтая ногами под столом.

Поняв, что волшебники ему ничего плохого не сделают, он успокоился и стал считать, что он вроде как в гостях. Гхьетшедарии все время ходят друг к другу в гости. Этого никто не планировал, он как-то случайно забрел... но так уж получилось.

Мама с папой пристально смотрели на дующую сок Веронику. Она выглядела невинным карапузом, хотя только что призвала в этот мир очередного демона. К счастью, в этот раз – маленького безобидного гхьетшедария. Пока они дети, они уязвимы, а потому совершенно не опасны.

Да, он может в любой момент преобразоваться и обернуться огромным всепожирающим чудовищем, но он ни за что этого не сделает без прямой угрозы для жизни. Ему не улыбается разделить судьбу тех несчастных сородичей, что живут вечными детьми.

И не будь у Лахджи таких сложных отношений с бывшим мужем, она бы, может, даже предложила его сыну погостить. Но лучше не давать Хальтрекароку повода заявиться сюда во плоти и все разгромить. Он и без того после освобождения Сидзуки вне себя от злости.

А Эммерттарок – еще и сынок Лаиссалны, а она Лахдже вовсе не подруга. Ей абсолютно наплевать на детеныша, но она непременно воспользуется поводом пожаловаться. А Хальтрекарок будет только рад.

– Среди друзей Вератора есть вехот, – сказал Майно. – Думаю, это проще всего.

Астрид вздохнула. Все-таки надо было спрятать маленького гхитшедури в одной из гостевых комнат. Их полно, свободных, и в них даже елот редко заходит. Постелить ему там половик, и пусть бы жил тайком. Астрид и Мамико бы ему поесть таскали.

– А можно мы еще поиграем тогда? – попросила она. – Ты хочешь?

– Давай, – неожиданно согласился Эммерттарок.

– А тебя дома не хватятся? – спросила мама. – Мы с твоей мамой не очень дружили, признаться...

– Да я помню, – осклабился Эммерттарок. – Ничего, мы с ней редко видимся. Она меня только если случайно иногда где встречает.

– Хорошо, но слишком не шалите, – наказала мама.

Убедившись, что вокруг не враги, Эммерттарок очень оживился. Он впервые в жизни оказался за пределами Паргорона, да и вообще дворца Хальтрекарока. У его детей начало жизни очень ограниченное – им ни в чем нет отказа, но они никому не нужны. Растут как сорная трава, за ними ходят только Безликие, а за полудемонятами обычно еще и матери.

Теперь же Эммерттарок получил возможность провести несколько дней, лопая клубнику с малиной, купаясь в речке и бегая по лесу. Конечно, ему приходилось носить штаны, и с этим мириться было сложно – все инстинкты гхьетшедария восставали против такой дикости. Но Эммерттарок напомнил себе о Гариадолле, Тянгерии и прочих гхьетшедариях, которые нормально к этому относятся, так что понемногу смирился. Тунику он все равно сбрасывал при первой возможности, но хотя бы кальсоны оставались на нем постоянно.

Его очень воодушевляло голубое небо. В Мглистых Землях оно всегда черное, и только далеко на горизонте иногда мерцает Нижний Свет. А клубнику во дворце Хальтрекарока хоть и подает любой столик, но сорвать ее с грядки невозможно – а это оказалось чем-то особенным.

– Это будет моя любимая еда, – решил Эммерттарок. – С грядки. Именно с грядки. Немножечко в земле.

– Тада тебе нужен гхьет, – сказала Астрид. – Чтоб были грядки.

– Не обязательно. Можно хотя бы ферму.

– Как у храка, что ли? – наморщила носик Мамико.

Она покинула дворец Хальтрекарока совсем недавно, так что в паргоронских реалиях разбиралась получше Астрид.

– Хотя бы, – сказал Эммерттарок. – Гхьетшедариям места не хватает, никто не посмотрит, что я сын Хальтрекарока. А костями ложиться ради куска земли я не собираюсь. Может, Фурундароку пойду служить. Или в колонии подамся. В колониях клубника будет слаще.

– Пшли крабов ловить, – позвала Астрид, которой клубника надоела. – Можно их потом в костер покидать и так съесть.

Они наловили целую кучу крабов. Эммерттарок, в отличие от Астрид, не мог дышать под водой и даже не умел надолго задерживать дыхание, как Мамико. Ну да, она-то вроде как наподобие гартазианки, а они хоть и не демоны, но тоже ничего так.

А он пока не преобразуется – простой жалкий смертный. Пришлось учить его пользоваться дыхателем... и плавать. Плавать Эммерттарок тоже не умел, хотя во дворце Хальтрекарока есть искусственное море. Но он просто не видел нужды учиться, если после преобразования будет двигаться в любом направлении, как вот курсор по экрану ноутбука. Куда захочет, хоть на Луну.

– Но это потом, – немного снисходительно сказал он, когда Астрид помогла ему перестать тонуть. – А пока можно и поплавать. Я сейчас еще раз на спине попробую.

Вероника в воду не лезла. Она сидела на берегу и лепила куличики. Астрид посматривала в ее сторону, чтобы эта козявка снова не ляпнула чего-нибудь эдакого, и сюда не появились другие ее братья и сестры, но Вероника себя хорошо вела. Тем более, что мама с папой тоже усилили бдительность, и возле нее все время был Токсин, а в воде бегал, лаял и понарошку кусал Мамико Тифон.

Среди фамиллиаров Тифон больше всех любит играть. Еще он любит читать после папы газету, любит поговорить про политику, любит выпрашивать печенье и нюхать какашки, но особенно сильно все-таки любит играть. Бегать, охотиться, лаять на незнакомцев... правда, он после этого каждый раз извиняется и виновато бубнит про собачьи инстинкты.

Раз в несколько дней они все вместе ездили и к морю, в Радужницы. Вода там такая же, только соленая, но ее гораздо больше, и на пляже гораздо веселее, потому что всякие горки, катания на дельфинах и лодках-големах, подводное плавание с дыхателями, полно народу, вареную кукурузу продают, и мама с папой на лежаках загорают. И чего тетя Сидзука на какие-то острова уехала, у них в Радужницах и так есть все, что нужно для веселья. Даже больше, чем везде, потому что у них Мистерия, так что куча разных волшебных развлечений и клубника все лето.

Эммерттарок даже загорел. Оказалось, что гхитшедури очень даже темнеют, если все время ходят под солнцем, просто в Паргороне солнца либо нет, либо другое, от которого не загорают, так что там они все бледные. А на Парифате он уже после третьей поездки к морю стал черным, как ямсток, и даже решил, что перед преобразованием вернется и снова загорит как следует, потому что это будет его кудесной фишкой, так он будет отличаться от других гхитшедури, и все девчонки будут его.

– Может, у меня даже веснушки будут, – сказал Эммерттарок, глядя в зеркало. – Вроде вижу две.

Ему, правда, приходилось прикидываться обычным мальчиком. Потому что у мамы и Астрид есть паспорт волшебного существа, а Веронике и Мамико он не нужен, потому что они только полудемоны, а это можно. Но у Эммерттарока паспорта нет, и папа ему его оформлять не собирается, потому что он тут ненадолго. Просто погостит еще пару деньков, а потом вернется в Паргорон, к папе с мамой.

Эти пара деньков как-то сами собой все продлевались и продлевались. Астрид даже не помнила, когда в ее жизни было другое настолько же кудесное лето.

Возможно, конечно, дело в том, что до этого лета она целый год училась в школе, а когда лето закончится – снова пойдет учиться, во второй класс. Это ее первое лето как летние каникулы, а не просто как теплое время года. Так что оно стало особенно приятным.

– А мне не нужна школа, – сказал Эммерттарок, сидя на мелководье и болтая ногами. – Я и так умный.

– Школа интересней, чем сидеть во дворце и смотреть в стену, – уязвленно ответила Астрид.

– Я не смотрю в стену, но... да.

Мамико принялась расспрашивать сестру, какие в Мистерии школы, чему учат. Ей осенью тоже предстояло туда отправиться, причем мама собиралась записать ее сразу во второй класс, и она немного волновалась.

– Я не уверена, что справлюсь, – призналась она. – Я, правда, прочитала все книги в библиотеке про Парифат, грамматику титановой речи и еще всякое...

– А титанова речь-то тебе зачем? – не поняла Астрид. – Мы ее в школе не учим.

– А какой же вы язык учите? – не поняла Мамико.

– Ну наш. Парифатский.

– Это и есть титанова речь, – немного снисходительно сказала Мамико. – А ты не знала?

Астрид решила, что Мамико какая-то чересчур заумная, и немного брызнула в нее водой. Сестра взвизгнула и брызнула в ответ. Потом несколько минут все орали и брызгались, пока мама не позвала есть арбуз.

– Настоящий... – аж закатил глаза Эммертраок. – Несотворенный... Сладкий...

– Бедный ребенок, – пожалела его Лахджа. – Возьми серединку.

– Эй, серединка моя! – вскочила Астрид. – Ее нужно заслужить в битве!

– Поздно, – вгрызся в мякоть Эммертраок.

Майно Дегатти глядел, как его дочь дерется с маленьким гхьетшедарием за серединку арбуза, и делал заметки для монографии. Посылал мысли попугаю – для отдельного запоминания.

Личность демоненка, как и личность смертного дитяти, формирует не только наследственность, но и воспитание, и окружение. Даже гхьетшедарии, эти считающиеся самыми злобными и развращенными обитатели Паргорона от рождения имеют знания скорее фактов о мире. А вот отношение к тем или иным фактам формируется у всех индивидуально.

Это было одной из причин, по которой он не стал возражать, что в его доме гостит еще один ребенок Хальтрекарока. Появилась прекрасная возможность понаблюдать за еще одним демоненком – другого вида, и выросшего в типичных для демонов условиях. Сравнить его поведение с поведением Астрид, выросшей среди смертных.

Это важные сведения. У мистерийцев практически нет опыта наблюдений за маленькими демонами, особенно гхьетшедариями. Даже когда те при каких-то обстоятельствах попадают в руки волшебников, те обычно не водят их на пляж и не кормят арбузами. А демонята, в свою очередь, не бегают вокруг волшебников, играя в жмурки, а пытаются сбежать или напасть.

Поэтому Майно пошел на риск, оставив на некоторое время Эммертраока. Да, если его хватятся и узнают, где он, Хальтрекарок точно вцепится в такой повод и явится со скандалом... но каковы шансы, что его хватятся?

Исчезающе малы, если вы знаете, как живут дети Хальтрекарока. Вряд ли кому-то во дворце известно даже их количество.

– Тебе надо было оставаться любимой женой вместо Абхилагаши, – сказал Эммертраок, когда от арбуза остались только корки, а Астрид и Мамико принялись закапывать Веронику в песок.

– Суть Древнейшего, ни за что, – спокойно ответила Лахджа. – Чем я заслужила такие злые слова?

– Да ладно, ты нравилась отцу, – хмыкнул Эммертраок. – Ты могла многого достичь, если бы вела себя умнее.

– Все мы думаем, что были бы умнее, будучи на чужом месте, – чуть уязвленно сказала Лахджа. – Но почему же мы остаемся такими дураками на своем собственном? Кроме того, от Хальтрекарока я бы все равно сбежала. Не обижайтесь, детишки, но ваш отец... не моя мечта, в общем.

Лахджа задумалась, как вообще вышло так, что она сейчас присматривает аж за тремя отпрысками Хальтрекарока, из которых лишь одной приходится матерью. Мамико еще ладно,

а вот Эммертрарока, пожалуй, стоит вернуть домой, потому что его мама в конце лета не забереет.

– Так, Веронику мы закопали, – отряхнула ладошки от песка Астрид.

– Дя, – подтвердила Вероника.

– Теперь надо украсить ее ракушками и камушками, чтобы была красивая клумба.

– Дя! – обрадовалась Вероника.

– На сбор ракушек, мои прихвостни! – распорядилась Астрид, размахивая посохом Вероники.

Троица бесстрашных тезароквадиков отправилась на поиски ценного и, возможно, даже пиратских кладов. Мама как раз вчера вечером рассказала детям, как она в юности в одиночку победила целую пиратскую команду, утопила их корабль и спасла полтора десятка невинных красавиц. А клад ушел на дно, но они его потом достали уже вместе с папой. Астрид сделала правильные выводы, и теперь шагала вдоль кромки прибоя, высматривая раковины с жемчужинами и прочие морские сокровища.

Пока что попадались только блестящие камушки, да один раз чья-то длинная раковинка. Жемчужины в ней не было. Мамико вообще шла с пустыми руками, а Эммертрарок даже не пытался ничего искать, просто наслаждаясь тем, как волны окатывают ноги.

– Э, вы теперь и по пляжу нашему ходите, мелюзга?! – раздался недовольный окрик. – А мы вам разрешали?!

Астрид остановилась как вкопанная. Навстречу им троим шли еще трое – Онгурия с Гидуаром, да еще и Кланос. Астрид не видела его с тех пор, как начались каникулы, но сразу узнала по очкам и наглой роже.

– Мирте, Дегатти, – как-то особенно нагло сказал он. – А я в Клеверный Ансамбль поступил, на Венколор.

Был ясный полдень, на пляже в Радужницах было полно людей и других разумных, но прямо сейчас весь мир исчез и целая вселенная сократилась до пяточка у кромки воды и шестерых детей на нем. Три мальчика и три девочки смотрели друг на друга и понимали, что живыми отсюда уйдут не все.

Кланосу исполнилось уже одиннадцать. Онгурия с Гидуаром были помладше, лет девятидесяти, но тоже дылды. Зато за спиной Астрид полоскались крылья и два верхних прихвостня, так что она бесстрашно шагнула вперед, почти толкнув Кланоса грудью.

Тот не отступил. Он презрительно обозрел дерзких малышей и спросил:

– А это кто такие? Вы чьих будете?

– Это сестра моя, – ответила Астрид. – И брат.

Она смотрела Кланосу в глаза без страха. Что с того, что их тут целых трое? Она Астрид Бесподобная, она победила в честном бою самого Друнея Щербатого – ей ли бояться каких-то жалких смертных?

А еще она заметила в руках Онгурии и Гидуара ракушки и камушки. Они тоже собирают морские сокровища! Сокровища, что принадлежат Астрид по праву рождения!

– Давайте все обсудим, – робко попросила Мамико.

– Да, обсудим, – согласилась Астрид. – Это наш берег. И я не хочу, чтоб его сокровища собирали неприятные мне личности.

Эммертрарок рассмеялся своим взрослым басовитым голосом, и Кланос вздрогнул. Но он уже сдал экзамены и поступил в Клеверный Ансамбль, он уже чувствовал себя почти волшебником, так что не собирался отступать перед непонятым гнусавым мальчиком и этой хвостатой Дегатти.

На маленькую чинскую девчонку он и вовсе не обратил внимания.

– У меня благодаря тебе есть в жизни цель, – заявил он. – Я стану великим магом, войду в ученый совет и издам закон, по которому тебя и всех тебе подобных будут держать на цепи. В собачьей будке.

Астрид засопела. Она однажды некоторое время жила в собачьей будке, потому что это казалось удачной мыслью. Даже дралась за нее с Тифоном. Но это был ее собственный выбор, а не закон какого-то Кланоса.

Ничего он не издаст. Астрид – богиня, а раз Кланос ее враг, то он враг богов, а значит – зло.

Он зло, а не она.

– Какой ты жалкий, Кланос, – сказала она. – Без меня даже цели в жизни найти не мог. Но я рада, что смогла тебе помочь. Отдай за это Мамико все свои ракушки, и будем квиты.

Мамико доверчиво подставила ладошки, но Кланос гнусно хмыкнул и с размаху по ним ударил. Мамико ойкнула от боли, а Астрид поняла, что сейчас прольется кровь.

Она с места прыгнула на Кланоса, повалила на песок и начала душить, приговаривая:

– Говори! Говори: я глуп, как жабий пуп!

– У жабов нет пупов, они яйца несут! – прохрипел Кланос.

– Тогда ешь грязь!

Эммертрарок оглушительно захохотал, Мамико задрожала и спряталась за него. А вот Онгурия с Гидуаром набросились на Астрид, схватили за крылья и принялись остервенело ее метелить.

И не просто метелить. Онгурия была в купальном костюме с кармашком, и из кармашка она достала щепоть... у Астрид засвербело в носу, она громко чихнула, и Онгурия ловко рассеяла меж пальцев освященную соль.

Астрид вдохнула полную дозу. Ноги сразу подкосились, перед глазами все поплыло, а тут Кланос пнул ее в живот и выкрикнул:

– Бей демонскую морду!..

– Вот оно – будущее мистерийского волшебства, – с презрением произнес Эммертрарок, поднимая камень.

Он выглядел семилетним ребенком. Он им и был. У гхьетшедариев самые жалкие и уязвимые детеныши, и до преобразования они стараются прятаться по щелям и ни во что не ввязываться. Две луны назад Эммертрарок и не подумал бы лезть в драку, в которой может что-нибудь себе повредить.

Но сейчас он без раздумий саданул камнем Гидуара и дернул его на себя... но тут же отлетел. Смертный мальчишка был куда здоровей и крепче, так что Эммертрарока просто отшвырнули. Мигом спустя, правда, Гидуар сам упал сверху, потому что Астрид вылетела из-под кучи малы живым взрывом и с диким воем принялась махать когтями.

Вот как раз она обычно превосходила любых смертных одногодок. Может быть, кроме троллят... но Астрид давно не встречалась с троллями и не знала точно. Людей она точно превосходила. Но эти были заметно старше, их было втрое больше, Мамико перетрусилась сразу же, а Эммертрарок уже пал, и по его лицу текла кровь.

И Астрид тоже шатало во все стороны. Освященной соли было мало, но и Астрид было мало. Она споткнулась, упала, ей прилетело по затылку кулаком, издали доносились истошные крики Мамико...

Потом их растащили. На вопли и шум прибежали папы, Дегатти и Пордалли. Папа Астрид, узнав детали конфликта, принялся отчитывать дочь, объясняя, что она вообще неправа, раз пыталась забрать чужие ракушки. А папа Кланоса ругал сына за то, что обижает маленьких.

– Ее обидишь!.. – супился Кланос, размазывая грязь по щекам.

– Дома поговорим, – пообещал его папа.

Папы вздохнули, извинились друг перед другом за своих невоспитанных детей и наказали им больше не драться. Пордалли с беспокойством спросил, все ли в порядке с тем мальчиком, который растирает по лицу кровь, но Дегатти заверил, что все хорошо, они сами справятся, претензий нет.

Если бы претензии были, могло раскрыться, что Эммертраок – демон без паспорта волшебного существа, а это хоть и не запрещено, если демон не делает ничего плохого, но лучше не светить направо и налево. Так что его просто отвели обратно к лежакам, Майно призвал способности Снежка и через пару минут рассеченная бровь зарубцевалась.

– Дома и рубец уберем, – пообещал он.

– М-м-м... пока не надо, – погляделся в зеркальце Эммертраок. – Это будет довольно... мужественный шрам. Не уродливый, даже... стильный. Я... я подумаю насчет него.

Чудесный выдался денек, и битва со злодейским Кланосом стала его украшением. Домой Астрид возвращалась вприпрыжку, то скача рядом с каретой, то залезая на крышу и воодушевленно вопя. Настроение не портили даже унылые отцовские нотации.

– Прекрати задираТЬ Кланоса, – занудно повторял он. – Он наследник рода Пордалли. Наш сосед. Возможно, в будущем он станет владельцем этой усадьбы. Постарайся с ним дружить.

– Вот еще! – возмутилась Астрид. – Он сам задирается! Враки про меня рассказывает! Вещи мои крадет!

– Ракушки с пляжа?..

– Вещи!.. Всякие!.. Я ему водяного помогала ловить, а он как гоблин себя ведет! Они применили против нас освященную соль, у них специально была с собой освященная соль! Они ждали нас, это была засада! Эммертраок, готовь оружие, завтра мы пойдем штурмом на Пордалли!

– Какое оружие? – не понял Эммертраок.

– Все, какое найдешь! – встала в позу воеводы Астрид. – Я поведу вас в бой!

– Никакого боя не будет, – заявил папа. – Я не буду тебя наказывать, раз они принесли освященную соль, и я поговорю об этом с... ох... охо-хо-хох... это наверняка старый друг их подучил... я как следует с ним поговорю...

Я уже отправила кляузу.

Когда ты успела?

А я следила через твои глаза. Попросила Матти и Ихалайнена написать и подать. Думаю, в этот раз мы были быстрее, и волостной придет к нему, а не к нам.

Но они не оказались быстрее, потому что опытный Инкадатти свою кляузу написал заранее. Иначе как объяснить то, что волостной агент уже ждал их на террасе?

– Я просто, мать твою, не верю, – произнес Майно, подходя к крыльцу. – Как?

– Вашу жалобу я тоже получил, – сообщил Аганель, пока енот наливал ему еще чаю. – Травмы у детей есть?

– Незначительные, – сказал Майно, пока жена ушла переодеваться после пляжа сама и переодевать Веронику.

– А-а-апчихи!.. – подтвердила Астрид.

Аганель скользнул взглядом по рассеченной брови Эммертраока и спросил:

– Этот мальчик – тоже демон?

– Единокровный брат Астрид, гостит у нас, скоро уедет, – быстро ответил Майно.

– Под вашу ответственность, – согласился волостной агент.

Ссору и в этот раз закончили к общему примирению, потому что немножко виноваты были все, а сильно никто не пострадал. Но папа сказал, что Эммертраоку и в самом деле пора собираться, потому что лето уже почти закончилось, Мамико скоро заберут, Астрид пойдет в школу, а дома его могут все-таки хватиться.

– Но еще пару дней-то можно? – спросила Астрид.

– Можно, только с соседями не воюйте больше, – велел папа.

Однако Астрид твердо решила устроить внукам Инкадатти Тысячелетие Мрака, так что наутро сразу растолкала и Эммерттраока, и трусливую, но преданную Мамико.

– Нужно атаковать, прежде чем они подготовят оборону, – рубанула рукой по ладони она. – Мы придем с первыми лучами зари...

– Астрид, уже третий рассветный, – напомнила Мамико. – Заря уже все.

– Не сбивай!.. мы... а это кто?..

По аллее катилась золоченая карета с парой гордых белоснежных рысаков. Она остановилась у самого крыльца, дверь распахнулась, и по ступенькам сошел Безликий. Паргоронский демон с гладкой кожей вместо лица.

Он не произнес ни слова, и никто не знал, куда он смотрит, но почему-то всем все сразу стало понятно. У Эммерттраока грустно опустились плечи, и он спросил:

– Тебя мама послала?

Безликий молча склонил голову. Кони повернули головы, и сказали хором:

– Вам лучше вернуться, молодой господин. Дома не знают, где вы, но если узнают – будет плохо.

– Тогда я пойду, – тяжело вздохнул Эммерттраок.

– Хочешь взять ягод на дорожку? – предложила Астрид.

У Эммерттраока загорелись глаза, и он убежал в дом. Вехот и Безликий терпеливо дождались, пока он со всеми попрощается и выйдет, шатаясь под тяжестью огромного баула. Безликий сразу его подхватил, застежка расстегнулась, и наружу выглянули прозрачные коробки с клубникой, малиной, ежевикой и смородиной.

– Невещи простые, завтра исчезнут, – сказал Майно. – Переложу дома куда-нибудь.

Еще в бауле оказался пышущий жаром пирог, а Лахджа вынесла два ведра с яблоками, грушами и сливами.

И арбуз, конечно. Она помнила, что настоящие фрукты в Паргороне в основном иномирные и не всегда такие, какие должны быть.

Эммерттраок помялся, стягивая через голову тунуку, и неловко сказал:

– Пока, сестры. Я не уверен, что смогу вернуться, но... как бы там ни было... это было весело.

– Давай, не пропадай, – бросила ему Астрид. – Заходи в гости, как преобразуешься.

– Кудесно, я приду! – улыбнулся Эммерттраок.

Карета с Безликим и гхьетшедарием укатила и растаяла, не доехав до ворот. Астрид немного посопела вслед брату и сказала:

– Ладно, будем сражаться вдвоем.

– С кем сражаться? – насторожился папа, но девочка уже улепетывала, крикнув только:

– Со злом!

Но битва со злом не состоялась. Кланос казался больным и не вышел, а когда Астрид вперед Мамико добежала до усадьбы Инкадатти, то увидела и там карету, только не замаскированного вехота, а обычную... ну как обычную? Летучую, конечно, но для Мистерии обычную. Рослый немтырь заносил в нее чемоданы, а Онгурия и Гидуар стояли рядом с самым унылым видом.

– Спасибо, что приглядел, дедушка, – с чопорным видом говорила какая-то тетенька с губами такими красными, будто она весь день ела клубнику.

– Прадедушка, я тебе прадедушка! – проворчал дед Инкадатти. – И не подкидывайте мне больше никого! Хулиганы!.. разбойники!.. вести себя не умеют!.. соседских детей тиранят!.. маленьких обижают!.. такую хорошую девочку чуть не убили!.. да, девочку!.. семилетнюю!.. Не стыдно вам, нет?!

Онгурия и Гидуар стояли, повесив носы, а Астрид не верила своим ушам. Инкадатти ее не заметил, она прибежала с другой стороны кареты и теперь изумленно слушала, как вредный дед костерит своих праправнуков и расхваливает ее, такую добрую и послушную дочку соседей, на которую эти гаденыши взъелись с первого же дня.

Неужели он наконец-то осознал все величие Астрид Замечательной?

Нет. Не осознал. Как только карета тронулась, и дед Инкадатти ее увидел, то сразу зашипел, как яичница на сковороде, замахнулся и крикнул:

– Пшла!.. пшла отсюда!.. паргоронское отродье, сейчас как ожгу солью!..

– Ну и пошел ты, дед вонючий! – показала язык Астрид, улепетывая обратно. – Да чтоб ты поганками отравился! Я тебе жопу надеру, когда вырасту!

Глава 10

Астрид весело крутила педали. Спицы сверкали на солнце, мимо пронеслись луга и поля. Слева долго тянулась яблоневая роща Рокуалли, справа воздвигся и остался позади дуб-великан Пордалли.

Велосипед Астрид подарили на Добрый День, и она мгновенно научилась на нем кататься. В принципе, она уже могла и просто летать в школу на собственных крыльях, те за лето совсем окрепли, но ей хотелось похвалиться своим новеньким иномирным великом.

Весь прошлый год Астрид ездила в школу в карете, но теперь она для этого слишком большая. Ей целых семь, она второклассница. Может добираться до Радужниц сама, и ей не нужно сопровождение коня-фамиллиара.

Хотя ездит велосипед не так быстро, как карета. Та прямо летала... когда ее тащил Сервелат. Однажды Астрид ради разнообразия прокатилась с Булочкой, но та ее разочаровала. Очень быстрая, но все-таки обычная лошадка, она скакала так долго, что Астрид опоздала. Ее это не слишком огорчило, но все равно.

А вот Сервелат быстрый, как ветер. И летать умеет. Но теперь Астрид и сама хорошо летает, да еще и велик у нее есть, так что в услугах Сервелата больше не нуждается.

Бедный. Скучно ему будет теперь. Он, конечно, на самовыгуле, постоянно бегают с Булочкой по лугам и лесам, но все равно без Астрид ему будет скучно, они за прошлый год сроднились.

Ну ладно, может, когда будет плохая погода, она снова будет ездить в карете. Как маленькая принцесса. Но сегодня погода хорошая, только началась луна Вепря, первый день второго класса... и Астрид уже видела впереди жирного Огуса.

Тот как раз отнимал у какого-то первоклашки вкусный кекс.

Жирный Огус очень хитрый и на самом деле трусоватый. Он никогда не обижает детей волшебников и других важных шишек. Только детей их слуг и других немогущих, которые живут и работают в Радужницах. Сам-то он сынок заурядного волшебника, и сам заурядный во всем, кроме размеров и подлости. Раньше он подлизывался к пятиклашкам и водил с ними дружбу, но теперь он сам пятиклашка, так что считает себя королем школы.

Но он еще кое-чего не знает. Астрид почти приехала.

– Привет, жирный Огус! – крикнула она, тормозя рядом. – Смотри, какой у меня велик! А зачем тебе этот кекс? Ты же и так жирный! Свинтус!

Огус уставился на велосипед. Завистливо, как все, кто его видел. В Мистерии таких нет, мама принесла его из-за Кромки, но все думают, что это гремлинская машинка.

– Что такое «велик»? – спросил Огус.

– Какой же ты тупой, Огус, – снисходительно сказала Астрид. – Это то, что ты видишь перед собой. Вот он, красненький и со звоночком.

– Я вижу маленькое храково отродье, – угрюмо сказал Огус.

Астрид бы врезала ему, но тут как раз явилась мэтресс классная наставница и позвала всех на первый урок. А Астрид нельзя бить других детей на глазах у взрослых. Даже если те этого заслуживают и им это полезно. Потому что в прошлый раз мэтресс классная наставница пожаловалась маме, а мама напорола Астрид, приговаривая, что если Астрид кого-то случайно убьет, то папу засадят в Карцеруку, а их выгонят из мира смертных, и им некуда будет пойти.

Астрид тогда сказала, что случайно она никого не убьет, мама может не волноваться. Но мама все поняла, и папа тоже все понял, и тогда Астрид напороли еще сильнее, потому что убивать кого-то нарочно еще хуже, чем случайно.

Порка на Астрид действует. Порка – самый надежный метод воспитания. Мама иногда делала эти жалкие попытки слабаков и тюфяков просто поговорить и объяснить, что такое

хорошо и что такое плохо. И Астрид понимала, что мама – омежка, и ничего она Астрид не сделает, так что можно творить что хочется.

Но потом мама начинала Астрид пороть, и все сразу становилось на свои места.

А жирный Огус знает, что Астрид нельзя никого бить, иначе он никогда в жизни не стал бы ей говорить такие злые вещи. Потому что он дряблый трус и дерзит только тем, кто его не ударит.

И хотя ему уже десять, а Астрид только семь, он все равно ее боится. И правильно делает, так и должно быть.

Сидеть за партой во втором классе оказалось ничуть не лучше, чем в первом, а в чем-то даже и похуже. Тупая арифметика, циферки складывай, вот и вся забава. Такое только Мамико нравится, но Мамико тут нет, и слава Древнейшему. Она сегодня тоже в школу пошла, но в другую, которая в Валестре. Какую-то чудесную, для самых одаренных. Для вондеркондов, для гениев-кирениев.

Хотя без Мамико немного скучно. Она прожила в усадьбе до конца лета, пока ее мама и отчим куролесили где-то после свадьбы. Летали на какие-то острова, еще где-то развлекались, а Мамико скинули на Астрид... сначала вместе с Зогой и Дзютой, а потом орчата уехали, но зато вместо них Эммертраок нечаянно призвался. Но им всем вместе было даже веселее, они аж две луны играли, гуляли, купались, смотрели аниме и дрались с правнуками Инкадатти, пока и Эммертраока тоже не увез вехот.

И Вероника еще с ними была. С Вероникой не так весело, как с Мамико, Зогой, Дзютой и Эммертраоком, потому что Вероника еще совсем маленькая и тупая, но зато она умеет делать штуку, так что ее снисходительно брали с собой.

Но вчера и Мамико тоже забрали. Вчера у Астрид был день рождения, они напоследок повеселились, и дядя Вератор тоже самопризвался вместе с мамой Мамико, и принес подарок, зато забрал Мамико. Так что сегодня она в какой-то другой школе учиться, и все ахают: ах-ах-ах, какая умная Мамико, как хорошо она знает арифметику! Скоро она построит японский суперкомпьютер, залезет в меху и улетит спасать Бартаэлон!

Астрид нравилось аниме про гандамов. Они чудесные. Как механические гохерримы.

А подарок дядя Вератор какой-то тупой подарил. Девчачий набор для бисероплетения.

Вот видно, что он ее плохо знает. Где бисероплетение – и где Астрид?!

Но она, как хорошая девочка, поблагодарила его за подарок и сделала книксен. Мама с папой когда-то учили ее, что если тебе кто-то что дарит, то надо отдариваться. Но потом Астрид узнала, что можно просто сделать книксен, и это все равно будет вежливо. А книксенов у Астрид полно, и их не жалко.

Арифметика... Один жеваный комочек, да два жеваных комочка, да три жеваных комочка, да еще шесть, да еще десять, да еще три... итого шестнадцать жеваных комочков или, возможно, восемнадцать. Леня пересчитывать.

– Сейчас узнаем, сколько их, – сказала Астрид, суя в рот камышинку. – Пфуй!..

Впереди нее сидел новенький эльфенок, в прошлом году его не было в классе и жизни Астрид. С темно-серым лицом и белыми волосами. Он жалел об этом соседстве, но поделаться ничего не мог. Мэтресс классная наставница посадила его рядом с Астрид, потому что они оба нелюди, и она думала, что это их подружит.

Глупая, глупая мэтресс классная наставница. Единственное, что нравилось Астрид в эльфах – их потешная брезгливость и закатывание глаз по любому поводу. Там, где человек просто раздраженно отмахнется, эльф встретит свой маленький личный конец света.

– Что это, – дрожащим голосом произнес эльфенок, касаясь шеи.

– Это бумажка, – шепнула ему Астрид. – Жеваная бумажка из пасти демона. Она оставила слюнявый след, возможно.

Эльфенок затрепетал как осиновый лист и почти упал в обморок. Он вскинул руку и умирающим голосом простонал:

– Мэтресс Колоба, мне необходимо выйти!

Астрид сначала не поняла, к кому он обращается. А потом оказалось, что к мэтресс классной наставнице.

У нее что, имя есть?! И этот эльф его даже запомнил?! Зачем?! Они все равно знакомы временно, а потом расстанутся и больше никогда не увидятся!

– Друлион, что случилось? – устало повернулась от доски мэтресс классная наставница. – Дегатти, я твоей маме записку напишу.

– А что я-то?! – возмутилась Астрид.

Мэтресс классная наставница смерила ее пристальным взглядом. Она тоже волшебница, хоть и только бакалавр. И Астрид она за год знакомства узнала, как облупленную.

Возможно, все-таки стоит запомнить ее имя. Астрид уже смирилась, что проведет в этом месте еще минимум три, а возможно даже четыре года. Лучше б три, конечно, но для этого надо хорошо учиться, чтобы пораньше поступить в Клеверный Ансамбль... а это так лень.

К тому же в Клеверном Ансамбле тоже придется учиться... она просто сменит одну клетку на другую. Взрослые зачем-то бессмысленно мучают детей, заставляя учиться и учиться. Видимо, из зависти, что дети все еще веселые и радостные, а они уже скучные и грустные. Хотят, чтобы и дети побыстрее становились скучными и грустными, убивают в них всю радость.

Астрид давно это заподозрила.

В первый день занятия короткие. В общем, и не занятия-то особо, а так, за партами посидеть. Официально сегодня праздник, просто вот такой, школьноватый. Но когда Астрид весело выбежала из школы, то веселье из нее сразу улетучилось, потому что кто-то сломал ее велик.

Велик. Ее новенький алый велик. Блестящий, с гудочком и корзиночкой.

Он был мертв. Лежал на земле покореженной грудой металла.

Наверняка жирный Огус.

– Эй, жирный! – завопила Астрид, выпуская когти. – Время платить кровью!

Долго она его не искала. Огус такой жирный, что ему трудно спрятаться, а убежать он далеко не успел. Астрид быстро нашла его с воздуха и повалила на землю.

В тщетной надежде спастись Огус сделал удивленный вид и прикинулся, что не знает, о чем идет речь.

– Да не трогал я твой гремлинский крутильник! – вскрикнул он, закрывая лицо.

– Ща мы будем топить твой жир, – пригрозила Астрид. – Интересно, будешь ли ты шкворчать.

Школа стоит на самой окраине Радужниц, вся окруженная лесом. Если не считать мэтров классных наставников и сторожа-эконома, взрослых тут нет. И они сейчас все в здании, так что не услышат, как Огус будет орать.

– Я буду слизывать твои слезы, – пообещала Астрид, медленно наступая. – Если ты заплачешь.

Огус был крупней ее. И, возможно, сильнее. Но только физически, а морально он не вывез. Он прижался спиной к дереву и почти напрудил в штаны. Еще двое пятиклашек стояли поодаль и боялись ему помочь. Ну или просто не хотели – друзья у жирного Огуса такие же, как и он сам.

– Не трогал я твой этот!.. – почти прорыдал Огус. – На, забирай чо хошь!

На траву полетели вещи из вывернутых карманов. Конфеты, монеты, колбаса... вот Огус жирный, как свин, их всех кормят в школе сколько влезет, он кексы у первоклашек отнимает, да еще и колбасу в карманах носит?! Как тайное оружие, что ли!

И леденцы в карманах носит. Без фантиков.

– Огус, тля, – только и сказала Астрид. – Поверить не могу.

– Забирай колбасу, демон! – провыл Огус. – Все забирай!

Впервые Астрид усомнилась, что вершит правосудие. Что если он и правда не трогал велик? У него на такое духу-то хватило бы?

– Тебя надо превратить в ботвинника, Огус! – крикнул кто-то из третьеклашек. – Они тебя примут, как родного!

– Если ты их не сожрешь! – добавил другой.

Так, похоже, авторитет Огуса рухнул. Недолго он пробыл королем школы. Астрид даже стало немного его жалко... немного. Особенно если он велик не трогал.

– Правда не трогал?! – уточнила она.

– Не трогал я, – пробурчал Огус, собирая в траве монеты. – Делать мне нечего.

– Ну извини тогда, – сказала Астрид, помогая ему собирать монеты. – Вон твоя колбаса.

– Она в земле и муравьях, – огрызнулся Огус.

– Ну как знаешь, – сказала Астрид, откусывая кусок. – Тебе все равно надо худеть, так что я тебе добро делаю.

Откуда в смертных столько брезгливости? С муравьями даже вкуснее.

Астрид вернулась к своему велику. Да, если подумать, Огус тут ни при чем. Он, конечно, крупный и сильный для десятилетнего человека, но он все равно десятилетний человек. Он бы просто не смог так раскурочить велосипед. Его словно колотил ломом матерый тролль.

Но троллей в школе нет. А жаль, с троллями Астрид бы подружилась. Или постоянно бы дралась, что тоже весело. Тролли даже маленькие очень сильные.

– А я видел, – тихо сказал подошедший первоклашка.

– Чего? – не поняла Астрид.

Астрид училась во втором классе первый день, но уже воспринимала первоклашек как что-то не заслуживающее внимания.

– Ты меня утром это... спасибо, – забормотал мелкий. – А я видел, кто сломал.

– Кто? – насторожилась Астрид.

– У нас класс вон там, – показал мелкий. – А я у окна сижу.

– Ну а кто сломал-то?!

– Да остроухий. Копченый эльф.

Сказав это, первоклашка принял надменное выражение, которое явно где-то подглядел, и сплюнул на землю.

– Спасибо, прихвостень, твой донос не будет забыт, – пообещала Астрид.

Она вдруг вспомнила, как в детстве писала письмо Бельзедору. Давно это было... аж... когда она его писала?... три года назад! О Древнейший, какой же она была маленькой и глупой, какой ерундой занималась.

– Мне кажется, недостаточно копченый, – решила она.

Жалко, мама не разрешила Астрид взять Цепную Молнию, Касание Энтропии или еще что-нибудь. Копчение Эльфов какое-нибудь. И Починки Велика у нее тоже нет. Ничего нет. Только глупый Луч Солары, который не действует ни на кого, кроме мамы и, наверное, Эммертраока. Астрид немножко хотелось проверить, пока он гостил, но это было бы не по-сестрински.

Хотя еще у нее есть камышинка, жеваная бумага и Совершенная Меткость. На жалких смертных этого хватит.

Хотя нет. Жеваная бумага – это как-то мелко в ответ на сломанный велик. Астрид подумала и подняла камень.

Она очень быстро догнала Друлиона. Маленький эльф ехал големическим омнибусом, потому что он не сын волшебника, а сын слуги волшебника. Дворецкого какой-то бабки. Эль-

фов часто нанимают дворецкими, управляющими или там камердинерами, потому что они честные, важные и всегда хорошо выглядят. Даже копченые, как Друлион и его папа.

– Эй! – крикнула Астрид, приземляясь на крышу омнибуса. – Стойте, вы везете большую кучу дерьма!

Омнибус не притормозил. Был он по сути огромным големом, только на колесах и с комнаткой внутри. И омнибусу не было дела до того, что кто-то там залез на крышу и орет. Он просто катился по своему маршруту, останавливаясь там, где попросят пассажиры.

Нет, про большую кучу дерьма Астрид зря. Грубовато, невежливо, да еще и воспринять можно на ее собственный счет.

Подумав об этом, Астрид страшно разозлилась, извернулась и юзом проскользнула в окно. По теплой погоде то было открыто.

На диванчиках сидели в основном школьники, едущие по домам. Друлион, несколько человечков, пара орчат и фелиненок. Те, у кого нет собственной кареты или крыльев.

Но еще там сидела и пара взрослых. В том числе мэтресс классная наставница. Астрид думала, что та живет прямо в школе и просто на ночь окукливается в учительской, но нет, она ошибалась. И даже не в Радужницах она живет, получается, а в одном из поместий.

И хитрый Друлион сел, конечно, прямо рядом с ней.

– Большую кучу дерьма, значит, – повторила мэтресс классная наставница. – Астрид Дегатти, вот очень хорошо, что ты к нам подседа. Я как раз хотела заглянуть к тебе домой.

– А я не про вас, – поспешила заверить Астрид. – Я про эту кучу дерьма.

– Прекрати повторять это слово, – сказала учительница.

– Но вы сами его сказали. Я слышала.

– Я процитировала, чтобы быть уверенной, что это то, что я слышала.

Астрид подумала, не пожаловаться ли на Друлиона Ломателя Великов, но подумала, что это низко. Пусть жалуются слабаки, а она просто потом переломает ему руки и ноги.

К тому же у нее нет доказательств. Только слова одного первоклашки, которому незачем, наверное, врать, но все равно это не железное доказательство. Вот если бы он помни-зерно там припас или сакратид, то другое дело.

Так что Астрид просто зло тарасилась на гнусного эльфа. А он, зная, что рядом мэтресс классная наставница, смотрел дерзко и вызывающе. Да к тому же и скоро вышел. Поместье, в котором служит его папа, всего в семи вспашках от школы, а семь меньше десяти, так что он живет ближе, чем Астрид.

– А я тоже пойду, – приподнялась с места Астрид. – У меня дела. Потом увидимся, мэтресс классная наставница.

– Сиди, – попросила учительница. – Нам уже недолго до твоей усадьбы. Я хотела поговорить с твоими родителями... и с тобой.

– А чо говорить?.. да мне надо!.. у меня дела!.. – проныла Астрид, тоскливо глядя в заднее окно, где весело бежал домой Друлион.

Ей показалось, или он показал ей неприличный жест? Не, не может быть. Он же эльф. Даже темные эльфы так не делают.

Или делают?.. О темных эльфах ходят слухи, что они делают много такого, чего не делают другие эльфы. И другие эльфы из-за этого считают их гоблинными и немножечко гнобят.

Хотя как немножечко... сильно гнобят. Не любят они темных эльфов. Они им еще всякое историческое припоминают – про то, как темные эльфы чуть что всех остальных предавали. Астрид про это дедушка рассказывал... прадедушка... призрак прадедушки.

Хотя там все сложно было, если подумать. Остальные эльфы изначально темных за гобло держали. А темные обижались, что их за гобло держат, и вели себя еще гоблиннее. И вот так этот круговорот гоблинства и привел к тому, что все друг с другом окончательно разругались.

Эльфы – они такие. Они если никому не доверяют, то первые стараются напакостить или предать. Как вот Друлион ее предал и сломал велик просто за комочек жеваной бумажки.

Подумав об этом, Астрид даже попыталась вылезти обратно в окно, но мэтресс классная наставница ухватила ее за крыло и заставила сесть обратно. Надавила авторитетом взрослого, что вообще-то совсем гоблинно с ее стороны.

– Тебя Астрид зовут? – спросил один из орчат, наклонившись вперед. – Я Гуга.

– А я Дибдель, – чуть манерно сказала вторая орчаночка. – А ты Астрид.

– Да я знаю, что я Астрид, – ответила Астрид.

Гуга и Дибдель были первоклашками, они сегодня в первый раз пришли в школу. Но про Астрид они явно уже слышали, и смотрели на нее с восторгом.

– А ты правда с пятиклашками дерешься? – жадно спросил Гуга.

– Ну да, бывает, – скромно ответила Астрид. – Так, слово за слово, а потом месиво. Кровища.

У орчат заблестели глаза. Они были совсем как Зога и Дзюта, только меньше.

А Зога и Дзюта Астрид очень понравились. После свадьбы родителей Мамико они гостили в усадьбе до конца луны Краба, и их дедушка тоже гостил, все время играл с папой в манору и ходил на охоту. А его внуки тем временем везде шарахались, всякое делали, всюду совали нос и почти каждый день дрались друг с другом и Астрид. Было очень весело.

Папа говорил, что молодые орки все такие. А дядя Звиркудын добавлял, что и старые тоже. А дедушка Айза сказал, что по этой причине в орочьих государствах обязательная военная служба. Им там дисциплину прививают и тратят энергию молодежи более конструктивно. Иначе они тонут в хаосе и междоусобных войнах.

Но в конце луны Краба дедушка Звиркудын и его внуки уехали, и в усадьбе сразу стало очень тихо. На следующий день, правда, появился Эммертрарок и тоже прогостил целую луну, но потом и он уехал. А вчера вот и Мамико тоже забрали, так что теперь Астрид играть совсем не с кем. Только с соседскими детьми, да одноклассниками, да Вероникой еще, но она маленькая.

Так что она охотно познакомилась с Гугой и Дибдель. Те оказались близняшками, детьми семейной пары магохранителей. Есть такая служба в Мистерии для волшебников, которые не могут сами за себя постоять.

Волшебники ведь все могущественные, вообще-то. И богатые. Но если волшебник богатый, но при этом могущество у него в драке бесполезное, то он иногда нанимает себе охранников.

И вот родители Гуги и Дибдель служат одному старому алхимику – он очень старый, очень богатый и очень хорошо делает философский камень. И у него уже был когда-то случай, когда его похитили обычные люди и заставили варить им в подвале эликсир бессмертия. Сейчас-то он живет в Мистерии, но все равно боится, потому что у него теперь проблемы с Обычной Семейей.

– Только это секрет, ты никому не рассказывай, – попросила Дибдель. – Ты ж демон, ты не можешь рассказывать, если тебя попросили.

– Вообще-то, могу, – пожала плечами Астрид. – Это клятвы я нарушать не могу. Но я ж не клялась.

– Что?..

– Но я не расскажу, – заверила Астрид. – Ладно уж.

Гуга и Дибдель облегченно выдохнули.

– Так, Дегатти, мы приехали, – поднялась мэтресс классная наставница. – Пойдем.

– Да ладно, я еще покатаюсь, – поерзала Астрид. – Я потом прилечу домой.

– Идем, нас все ждут.

Гуга и Дибдель остались в омнибусе, до поместья их алхимика было еще две вспашки. А Астрид тоскливо поплелась за мэтресс классной наставницей, которая вошла в ворота с тем же лицом, с которым всегда входит волостной агент, когда дедушка Инкадатти опять на что-то жалуется.

Мама не очень обрадовалась, что Астрид вернулась. То есть самой-то Астрид обрадовалась, а вот тому, что с ней пришла мэтресс классная наставница – не очень. Они с папой играли в уош на корте, им было весело, они смеялись, а потом пришла Астрид и привела с собой проблемы.

– Ну, что случилось? – спросила мама, встречая гостей еще в аллее. – Мир вам, мэтресс Колоба. Скажите сразу: моя дочь никого не убила?

– Тогда сюда пришла бы не я, а Кустодиан, – заверила мэтресс классная наставница. – Я просто хочу побеседовать о поведении вашей дочери.

Они долго беседовали. Как раз подошло время обеда, енот накрыл стол на террасе, и мэтресс классная наставница скрупулезно перечисляла все прегрешения Астрид, накопившиеся за прошлый год. Маме было известно о каждом, но мэтресс классная наставница как будто решила составить полный реестр.

– ...А сегодня она с неподобающим для юной особы сквернословием прыгнула на крышу омнибуса и забралась в окно прямо на ходу, – завершила список учительница. – Я, признаться, надеялась, что за лето юная медам Дегатти хотя бы немного научится себя вести, но первый же день нового учебного года разрушил все мои надежды.

– Это я еще Копченого не отмудохала, – скромно сказала Астрид. – Но ничего, это потом.

– Вот, слышите, – повернулась к ней мэтресс классная наставница. – Она даже не стыдится. Грозится избить одноклассника. При мне, при вас. У вас это нормально?

– Он мне велик сломал! – не выдержала и пожаловалась Астрид. – На обломочки!

– Что, правда? – огорчилась Лахджа. – Я его зря из-за Кромки притащила?

– Починим, – пообещал Майно. – Где он?

– У школы остался...

Астрид шмыгнула носом. Велик у нее такой красивый был. Может, папа с енотом его и починят, но он все равно уже не будет такой новенький. Как вот объяснить этим взрослым, что она просто хотела принести в мир немного справедливости и доброты?

Но теперь у эльфа кликуха будет Копченый. Астрид уж позаботится. Это с жирным Огусом они расстанутся всего через год, а с Копченым проведут вместе еще долгих четыре года. И мэтресс классная наставница не всегда будет рядом.

Мэтресс классная наставница отпила еще чаю и произнесла:

– Мэтр Дегатти, если ваша дочь продолжит вести себя неподобающим образом, затевать драки, портить школьное имущество и мешать учебному процессу, мы будем вынуждены с ней расстаться.

Лицо Астрид озарилось счастьем. Все так просто?! Она всего лишь должна продолжать в том же духе?!

– Если тебя выгонят из школы, Астрид, ты от этого клейма не отмоешься, – заметил ее улыбку папа. – И уж конечно, волшебницей не станешь. Да и воительницей... нет, гоблины-то тебя за свою примут... да и то не уверен. Даже они школу обычно заканчивают и учатся там хорошо.

– Гоблины?! – не поверила Астрид. – Да у нас их нет в школе!

– Только потому, что в Радужной бухте нет гоблинов, – пояснила мэтресс классная наставница. – У нас хорошая волость. Самая уважаемая.

Астрид подумала, что лучше бы она не была такой уважаемой, потому что это скучно, но смолчала.

– Кстати, получается, что она не портила школьного имущества, – вдруг сообразил папа. – Это наше имущество испортили. На территории школы. Что вы собираетесь с этим делать?

Они проговорили еще минут десять, а потом мэтресс классная наставница откланялась. И родители молча устали на Астрид.

Они ничего не говорили, но выражения их лиц менялись – папа с мамой то улыбались, то хмурились, то сердито поджимали губы. Мама один раз вдруг рассмеялась, а папа довольно осклабился, будто это он так удачно пошутил.

Опять мыслями перекидываются. Астрид уже хорошо знала эту их неслышную болтовню. Иногда она завидовала, что мама с папой так умеют, а иногда сочувствовала им. И ей, конечно, хотелось, чтобы сейчас говорили вслух, потому что обсуждают-то наверняка ее.

Ее и обсуждали, конечно. Лахджа и Майно, конечно, огорчились, что Астрид хулиганит так, что из школы приходят поговорить о ее поведении, но взвесив все в совокупности, они решили, что все совсем не так плохо. Учитывая ее происхождение, учитывая демоническую натуру – она, можно сказать, травоядный ребенок. Ну да, буйная девочка, драчливая, но ничего выходящего за рамки обычных детских шалостей.

Я в детстве тоже жеваной бумагой плевался. В Звиркудына в том числе.

А он что?

Что-что... бегал за мной и пытался бабку открутить. Кстати, они с Урдиллом всегда первые начинали.

Это Лахджу слегка успокаивало. То, что почти во всех случаях, когда Астрид с кем-то конфликтовала, зачинщиком был кто-то другой. Ее дразнили и задирали в школе, она давала отпор. Или заступалась за других детей, что тоже только похвально.

Правда, в того эльфа она, кажется, плюнула первая, и об этом с ней стоит поговорить. Но ломать велосипед в ответ на комочек жеваной бумаги – это, конечно, несоразмерная реакция, так что элфенок в этом конфликте тоже неправ.

– Дай догадаюсь, – сказала Лахджа, пристально глядя Астрид в глаза. – Ты специально доводишь других детей, чтобы они начинали первыми, а ты как бы не виновата.

– Нет, – с вызовом ответила Астрид.

– Это ты в меня, – погладила дочь по голове Лахджа. – Но это дурная черта, я всегда от нее страдала. И ты будешь страдать, если не справишься.

– Мне нечего исправлять, – сказала Астрид. – И почему ты не на моей стороне вообще? Почему ты против меня?

Мама чуть закатила глаза.

– Я не против тебя, – терпеливо объяснила она. – Эльф должен быть наказан. Но спровоцировала его ты. Велосипед был бы цел, если бы ты не плевалась бумагой в других детей. Видишь, что бывает, когда ты ведешь себя как засранка? Сейчас еще и от меня тумачков получишь.

Астрид надулась и выползла из-за стола. Папа тоже неохотно пошел запрягать Сервелата, чтобы забрать велик, пока его кто-нибудь не стащил.

– Ну и ладно, ну и пусть, – пробурчала девочка, обрывая сухие корзинки календулы. – Буду летать в школу. Буду угрозой с небес.

На следующий день Астрид так и сделала. Папа с елотом отремонтировали велик волшебством, но он все равно теперь как-то вихлялся и был не чудесным. Каким-то оскверненным. Поэтому Астрид просто вышла чуть пораньше и поднялась в воздух.

Сами, без волшебства, в округе умеют летать только мама, Астрид... и птицы еще. Но птицы не в счет. Взмывая в небеса, Астрид чувствовала себя их королевой... ну ладно, принцессой. Королева, наверное, мама, она же больше и старше. Но принцесса даже лучше. Принцессы встречают принцев и злого властелина, у них всякие приключения и нет никаких обязанностей. А королевы просто сидят на троне и рожают иногда принцесс.

Десять вспашек – сушая чепуха, если у тебя есть крылья. Астрид даже удивилась, почему не начала летать в школу раньше. Ну ладно, в прошлом году пыталась, но с приземлениями было еще как-то... не всегда удачно. К тому же крылья немножко уставали, потому что она была еще маленькая, а Абсолютную Выносливость ей не купили.

Но теперь она ей и не нужна. С каждым годом Астрид все меньше устает и все быстрее летает. Десять вспашек она пролетела за десять минут. Может, меньше.

Ага! Вот и Копченый. Только что вышел из омнибуса.

– Енот тебе! – возопила Астрид и сделала штопор.

Копченый втянул голову в плечи и помчался к школе. На бегу он натянул капюшон и... исчез.

Вот гад, у него плащ-невидимка! Это Мистерия, тут на каждом шагу всякие волшебные штучки.

– Я чую твой страх, – прошипела Астрид, приземляясь.

Маму или папу обычный дешевый плащ бы не обманул, они видят сквозь такие штуки. Но Астрид еще маленькая. Она просто принюхалась к воздуху, но было трудно, у нее не очень-то острый нюх, да вокруг еще и полно других детей. Вот был бы тут Тифон или Снежок...

И тут Астрид аж подскочила! Ее сзади... дернули за хвост! Дернули так сильно, что она почти упала! Астрид сразу развернулась, прыгнула на невидимку, но тот успел отскочить, и она шлепнулась на землю, как лягушка!

Какой коварный и подлый враг. Астрид невольно преисполнилась к Копченому уважением. Кланос, Пирилла и жирный Огус в сравнении с ним ничтожества.

Но и у нее тоже кое-что есть... Астрид схватила побольше сухой земли, вскочила... и швырнула ее веером вокруг себя!

Сразу кто-то закашлялся. Совсем близко! Со спины! Снова хотел дернуть! Ее, за хвост!

– Конец тебе, Копченый! – прыгнула в пустоту Астрид.

И упала. Копченый успел шагнуть в сторону, да еще и подставить подножку. Но падая, Астрид ухватила что-то невидимое... полу плаща! Она дернула на себя, и тот слетел, являя миру перепуганного мальчишку.

Он сразу отскочил и схватил палку. На темно-сером лице была написана решимость.

– Не поможет она тебе, – пригрозила Астрид. – Ты зачем велик сломал?

– Я не ломал!

– Чо ты врешь-то, гад? – легко вырвала палку Астрид. – Я тебе глаза выдавлю.

– Не трогай меня, демон! Я не ломал!

– А кто сломал?! Лорд Бельзедор?!

– Я... прятал... я прятал! – стал захлебываться словами Копченый. – Я просто спрятать хотел, чтоб ты поискала!.. а он тяжелый!.. я уронил на дороге!.. а тут омнибус, я отскочил, а он нет!

– Ладно, но это все равно все из-за тебя, – вынесла вердикт Астрид.

Она не успела придумать, что делать дальше, потому что загудел школьный колокол. Копченый вырвался и побежал на урок, и Астрид тоже побежала, потому что мэтресс классная наставница и так на нее зла.

Все уроки Астрид вела себя как прилежная девочка. Очень внимательно слушала мэтресс классную наставницу и решала примеры. Иногда даже правильно.

А на грамматике Астрид похвалили за красивое правильноеписание и даже приклеили к тетрадке золотую звездочку. Мама ее хорошо научила.

Но вот с арифметикой у нее по-прежнему не ладилось. Потому что там сплошные цифры, а цифры тупые и скучные.

Хотя... если взглянуть правде в глаза... Астрид посмотрела на кучу красных крестиков в листочке, который ей вернула мэтресс классная наставница, и тяжело вздохнула.

Это она тупая, а не цифры.

– Астрид, я же просила тебя позаниматься летом самостоятельно, – вздохнула и мэтресс классная наставница, когда снова загудел школьный колокол, и все побежали по домам.

– Я занималась, – насупилась Астрид.

На самом деле не очень-то. Это Мамико все время что-то зубрила и читала книжки с цифрами и значками, потому что хотела, чтоб ее взяли в самую лучшую школу Валестры. А Астрид все каникулы бегала, играла и смотрела аниме.

Тем более, что учебники хранятся в школе, а как учиться без учебников? Ну да, дома в библиотеке книг столько, что за всю жизнь не прочтешь, но это же не учебники, правильно? Это другие книги. Они не учебники, так что читать их не обязательно.

А значит, и не нужно.

Но с арифметикой надо что-то делать. Иначе Астрид не примут потом в школу волшебников, а в мире нет профессии кудесней. Просто нет.

Разве что герои еще. Но есть же волшебники-герои, а это самое кудесное. Простые герои в сравнении с ними так, ерунда. Второй сорт.

Астрид снова уставилась на ряды цифр. Все эти кружочки с черточками. Вот пока их меньше десяти – все просто. Кружочек – это ноль, пустота. Кружочек с черточкой – один. С двумя черточками – два, с тремя – три, с четырьмя – четыре. Их просто можно посчитать и сказать, что за цифра.

Начиная с пяти, цифры усложняются, потому что пять – это кружочек без черточек, зато с точкой в центре. Но дальше опять все просто, опять одна черточка, две, три, четыре... и это будет девять. Это все Астрид выучила давным-давно, в какие-то совсем древние времена, года три назад, наверное.

Но чтобы получить десять, нужно поставить рядом один и ноль. Пустой кружочек и кружочек с черточкой. И пока еще все просто. Пока еще. Просто ставить цифры рядом Астрид тоже выучилась быстро и очень давно, это было совсем легкое дело.

Но в школе началось сложение. И вычитание. И совсем уже вредное и запутанное деление. В делении Астрид все время ошибалась, путалась во всех этих кружочках и черточках, а самое главное – там все время оставался остаток. Она не знала, что делать с остатком, он ее только зря путал.

Причем мэтресс классная наставница зачем-то запутала все еще сильнее, сказав, что в третьем классе остатков при делении не будет, потому что она расскажет им, что такое «дробь», но пока что им это знать рано, так что выносим отдельно остаток.

– Ты просто неправильно разлагаешь числа, – раздался над ухом голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.